ВИТАЛИЙ ВАВИКИН
Нейронный трип
фантастика
киберпанк

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Благодаря нейронным модуляторам рекламные образы проектируются прямо в мозг. Место фильмов заняли нейронные реконструкции. Появляются первые нейронные наркотики… Это начало нового мира, новой жизни. Но и на рубеже научных открытий есть место истории любви: мужчину и женщину по-прежнему тянет друг к другу. У них – двух журналистов-карьеристов – за плечами две звездных статьи и две бесплодных попытки быть вместе. Крах отношений и крах карьеры. Поправить положение можно, но выбрать нужно что-то одно.

- Виталий Вавикин
  -
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29

- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73

- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101

Виталий Вавикин
Нейронный трип

© Вавикин В. Н., 2014
© ООО «Литературный Совет», 2015

1

Жан Мерло никогда не верил в сверхъестественное. Вот в женщин верил, а в сверхъестественное – нет. Не верил он и в силу денег. Особенно здесь, на мертвом шоссе Бо-Роуз, проходящем сквозь булькающие гнилостные болота, с растущими прямо из них дефективными лиственными деревьями, в кронах которых птицы вили гнезда. Было жарко и душно, но на небе снова собирались кучевые облака. Все это лето вообще было каким-то душным и дождливым. Вернее, не дождливым, а, скорее, просто мокрым, потому что дожди никогда не были слишком долгими. В городах их даже не замечали, но здесь… Здесь не было небоскребов. Не было асфальта под колесами авто… Нет, когда-то он, конечно, был, но сейчас остались лишь жалкие ошметки, словно кочки на болотах, по которым можно идти. «Хуже быть не может», – подумал Жан Мерло, а через пару минут, за поворотом, дорога вообще закончилась, превратившись в болото. Природа отъедала у цивилизации то, что было украдено.

У бригады ремонтников был обеденный перерыв. Старик-калека с имплантированными изношенными конечностями раздавал еду. Его механизмы скрипели, а когда он нес груз, то упирался о землю руками. Жан Мерло вышел из машины и спросил у ремонтников, как проехать к Дрю-Бер. Они долго смеялись, отпуская непонятные для Мерло колкости и шутки, потом указали на развилку за разлившимся болотом.

– А другого пути нет? – спросил Мерло.

Рабочие снова о чем-то пошутили и пообещали, что закончат восстанавливать дорогу к вечеру.

– Сделаем нейронную рекламу, – сказал самый грязный из них.

Мерло курил, наблюдая за их работой – неспешная, нудная, примитивная, словно из мира технологий и света попавшая в прошлое. Причем нейронный модулятор установили раньше, чем закончили дорогу. Сексапильная блондинка с пышным бюстом в униформе официантки вспыхнула над грязной глиняной обочиной, предлагая пообедать в какой-то местной забегаловке. Она улыбалась, шла по воздуху, держа в руках поднос с едой, и обещала отдых, уважение и качество обедов. Картинка была нечеткой и какой-то недоработанной. Мерло проверил оставшийся в батареях его машины заряд и включил нейронную модуляцию субэкваториального климата. Салон машины вспыхнул, расцвел зеленью, зазвенели птичьи трели, появились запахи свежести, леса. Да, вот это именно то, чего не хватало

Мерло. Пять минут нейронной релаксации – и все придет в норму. Автомобильное кресло – и то превратилось в плетеный шезлонг.

2

Дрю-Бер. Город был маленьким и грязным, таким же, как и дорога сюда. После десяти лет жизни в мегаполисе Мерло казалось, что он попал в свой персональный ад. Вернее, не попал – вернулся. Конечно же, никто не вышел его встречать. В местной газете к возвращению знаменитости отнеслись холодно, почти недружелюбно. Редактор по имени Фил Берг показал ему рабочий стол, в ящиках которого лежали лекарства старика-журналиста, уволенного за день до приезда Мерло.

Дом покойных родителей пустовал больше трех лет, и, когда Мерло вечером открыл дверь, его встретили паутины и сырость. И никаких тебе нейронных ванн, которыми каждый день он пользовался в большом городе, никаких восстанавливающих физические силы растворов. Лишь старые сбоящие нейронные генераторы рекламы на узких убогих улицах. А спальня… О! Спальня напоминала Мерло о детстве. Не самом хорошем, если быть точным. Особенно кровать. Он бросил чемодан на пол и лег. Закрыл глаза. Огромный паук спустился на паутине с потолка и завис над его лицом. Какое-то время Мерло не замечал его, затем вскрикнул, вскочил с кровати.

Он выбежал из дома и закрылся в своей машине. Плевать на заряд аккумуляторов! Плевать на все! Мерло включил нейронный модулятор. Ему нужен большой город. Ему нужны шум и суета. Такой вот в эту ночь будет его релаксация. И никаких субэкваториальных лесов. Только большой бурлящий жизнью город.

3

Аккумулятор сдох ранним утром, и на работу Мерло шел пешком. Чем вообще занимаются журналисты в этом богом забытом месте? Жирные мухи сонно летали в редакции умирающей газеты. Мерло попытался заговорить с редактором о нейронных новостных выпусках, но тот лишь рассмеялся, отвел его в пропахшую краской типографию и показал старые станки. Пара верстальщиков курили, развалившись на задубевшем от времени кожаном диване. Горы пепельниц щерились вековым панцирем окурков. И так до обеда, а потом до ужина. Каждый день по будням.

– Закуривай, – сказал один из верстальщиков и протянул полупустую пачку.

Мерло отказался, честно признавшись, что пытается бросить. Верстальщики рассмеялись. Редактор – и тот рассмеялся, хотя сам не курил. Мерло показалось, что сейчас над ним смеется вся типография, даже девушка из бухгалтерии, которая когда-то училась с ним в одном классе – она сама сказала Мерло об этом, но он так и не смог вспомнить ее.

4

Мэтью Колхаус. Еще один одноклассник. Он пришел поздним вечером. Жесткие волосы пострижены ежиком. На глазах черные очки. Мерло открыл ему дверь. Колхаус стоял на крыльце, молча изучая друга детства. Ни приветствий, ни объятий. Мерло поежился от пристального внимания друга.

– С тобой все в порядке? – растерянно спросил Мерло, вспоминая одного знакомого из мегаполиса, пользовавшегося так часто нейронным модулятором, что у него начались необратимые повреждения мозга.

«Может быть, поэтому Колхаус и носит вечером эти дурацкие очки?» – подумал Мерло.

– Эй? – он осторожно протянул руку для пожатия. – Обычно мы здоровались вот так. Помнишь?

Колхаус кивнул, но пожимать руку Мерло не стал. Вместо этого он обернулся и уставился на его машину.

– Твоя? – спросил он.

– Да, – расплылся в улыбке Мерло. – Хоть что-то достойное из прошлой жизни.

– Ты называешь этот ад на колесах чем-то достойным?

– Что? – растерялся Мерло, продолжая улыбаться.

– Я говорю о нейронном модуляторе, установленном в твоей машине, – пояснил Колхаус.

– А что не так с модулятором?

– Ты сам устанавливал его?

– Да, но… – Мерло показалось, что ему на плечи взвалили неподъемный груз. – Машина эта принадлежит моей жене.

– Так ты женат? – голос Колхауса был жестким, металлическим.

– Был женат.

– Почему развелся?

– Я был неверен.

– Плохо.

– Видел бы ты ее!

– Кого?

– Ту девушку. Настоящий ангел… У меня есть ее нейронный образ. Давай покажу, – оживился Мерло, шагнул к своей машине, но вспомнил, что аккумуляторы разряжены, и помрачнел. – Нет, не покажу, – сказал он сокрушенно. – Не знаешь, где в этой дыре можно зарядить аккумуляторы?

5

В мастерской было тихо и пахло так, словно вот-вот должна была начаться гроза. Особенно резким запах стал, когда на аккумуляторы машины Мерло старик-мастер подал заряд.

– Пойдем, покажу свою любовницу, – оживился Мерло, предлагая Колхаусу сесть в машину.

– Ничего не включайте, пока не закончится зарядка! – заворчал старый мастер.

Мерло и Колхаус вышли на улицу, уселись на старую рассохшуюся скамейку – два друга с факультета журналистики. Два друга из богом забытого города в самом конце бесконечного шоссе Бо-Роуз.

– Ты ведь тоже, кажется, уезжал в большой город? – спросил Мерло.

– Уезжал.

– Почему вернулся?

– Здесь тихо.

– А очки? У тебя что-то с глазами? Какая-то болезнь или просто слишком много пользовался нейронным модулятором?

– Я пользовался модулятором лишь однажды, и то выключенным. Правда, тогда я еще этого не знал.

– Как это?

– Понятия не имею. Просто включил, думал, что нейронное обеспечение установлено, и стал ждать, что появится…

– И? – если бы не усталость и депрессия, то Мерло почти готов был рассмеяться.

– Я увидел остров.

– Ты же сказал, что модулятор был выключен, – устало растерялся Мерло.

– Да.

– Как же тогда ты увидел остров?

– Не знаю. Просто увидел и все. Даже не остров, а что-то безграничное, но в то же время осязаемое. Как древние представляли мир, помнишь? Три слона на китах. На спинах слонов гигантская черепаха, а на ее панцире мир – океан, в центре которого остров. И на берегу острова сидит золотовласый мальчик с огромной старой книгой на коленях. «Интересная книга?» – спросил я. «Все книги интересные», – сказал он и начал листать страницы, пересказывая содержание. Я не понимал ни слова, но мои чувства обострились. Я словно проживал свое прошлое – чувствовал запахи, слышал звуки, боялся, радовался, любил, ненавидел. Это напоминало нейролингвистическое

программирование. Я видел номера страниц и понимал, что это те или иные события моей жизни. Словно я прожил эти годы за пару минут. А потом мальчик замолчал. «А что дальше-то?» – спросил я. «Дальше я еще не прочитал», – сказал он и захлопнул книгу. И этот ребенок… Мы были на острове одни. Никого больше. И я вдруг понял, что это не мальчик вовсе, а Бог. Настоящий и единственный. Не знаю, сколько я так стоял там, в страхе и благоговении, но потом появился Харон и сказал, что нам пора. Я выгреб из карманов мелочь, расплатился, и он на своей лодке повез меня прочь от острова, который съежился, состарился, а мальчик-Бог превратился в дряхлого старика. Он стоял на берегу и протягивал ко мне морщинистую руку. «Как же мне одиноко! – гремел его скрипучий голос. – Как же мне одиноко…»

6

Колхаус замолчал. Молчал и Мерло. Лишь жужжали мухи, нарушая сонную неторопливость времени, поселившегося в этом крохотном городе.

– Так модулятор был подключен или нет? – наконец-то решился на вопрос Мерло.

– Нет, – уверено сказал Колхаус.

– Как тогда объяснить твое видение?

– Не знаю. Но я до сих пор не могу забыть его.

– Жуть какая-то! – передернул плечами Мерло. – Только не пойму, причем тут твои очки?

– Притом, что видение это засело у меня в голове и не давало покоя. Оно стало всем, понимаешь? Я приходил на пляж и часами вглядывался в даль, словно там, за горизонтом, действительно находился остров, где древний мальчик-Бог читает книгу судеб… И остров этот звал меня. Одинокий Бог звал… – Колхаус нервно облизнул пересохшие губы. – Не знаю, как это произошло, но я вошел в море и поплыл. Очнулся, когда берегов не было видно, и я не знал, где нахожусь, – Колхаус неожиданно улыбнулся. – Ты помнишь, как хорошо я умел плавать?

– Я помню, что ты вообще не умел плавать.

– Вот и я об этом вспомнил в тот момент. И как только вспомнил, то почти сразу пошел ко дну, словно кто-то поддерживал меня до этого, а сейчас отпустил. Страха не было, скорее какая-то растерянность – пытался выбраться на поверхность несколько секунд, затем сдался, отключился, а когда снова открыл глаза, то лежал на берегу. Я сначала подумал, что умер и попал на остров, где читал книгу судеб мальчик-Бог. Особенно когда ко мне подошел ребенок и тронул за плечо. Солнце было ярким, и я не сразу понял, что это не ребенок, а карлик в черных солнцезащитных очках. Он отвел меня в хижину, крыша которой была покрыта соломой, и усадил за стол. Окно было открыто, и я видел, как карлик разговаривает с высокой японкой в строгом черном костюме. Потом к ним подошли не то армянин, не то турок… Не знаю… И подросток с неприлично прыщавым лицом. И был там еще один… Неопределенный что ли… Он всегда ходил в наряде придворного шута, а на сдвоенном конце его шапки звенели колокольчики… – Колхаус нахмурился и неожиданно пристально заглянул Мерло в глаза. – Я не рассказывал тебе о двух однояйцевых близняшках, с которыми встречался? – спросил он.

Мерло покачал головой.

– Не то чтобы они были красавицами, но когда они сразу две с тобой вместе… – Колхаус поджал губы, пытаясь замолчать. – В общем, они позвонили мне в тот самый момент, когда японка обернулась, увидела, что я слежу за ними, и пригрозила мне пальцем… Близняшки всегда звонили мне вдвоем, встречались со мной вдвоем, спали со мной вдвоем… – Колхаус снова поджал губы. – Проекции близняшек улыбались мне, спрашивали, куда я пропал. Но связь была только в одном направлении. Они видели меня, но не могли слышать. Сначала я решил, что из-за длительного пребывания в воде сломался мой коммуникатор, но после карлик в очках сказал, что это было частью терапии.

– Какой терапии? – растерянно спросил Мерло.

– Они лечили меня от распада, – тихо ответил Колхаус. – Они показали мне, каким стал мир. Все эти нейронные модуляторы… Они уже давно нечто большее, чем просто забава, понимаешь? Мы создали их, но утратили над ними контроль. И они… повсюду. Они питаются нами, энергией нашего тела… Они… – Колхаус запнулся, тяжело вздохнул, снял черные очки и протянул Мерло. – В общем, посмотри сам. Я тоже не мог понять, пока не увидел это.

– И что я должен увидеть? – спросил Мерло, надевая очки.

– Посмотри на свою машину, – сказал Колхаус.

– А что не так с моей машиной?

– В ней установлен нейронный модулятор.

– И что это меняет?

– Не знаю, но когда я смотрю на нее, то вижу всполохи света вокруг. Они похожи на бутоны плотоядных растений. А если протянуть к ним руку, то они опутают ее и начнут вытягивать из тебя твою жизненную энергию.

– Энергию, говоришь? – Мерло обошел вокруг своей машины, снял очки и вернул другу. – Извини, Мэтью, но я ничего не вижу.

7

Верил ли Мерло в историю своего друга? Нет. Думал ли он, что друг сошел с ума? Нет. Жизнь шла своим чередом. Везде были свои чудаки и свои умники.

«Может быть, Колхаус свихнулся уже после того, как вернулся в этот город? – размышлял Мерло. – Может быть, свихнусь и я? Не сразу, конечно, но…» Он не хотел думать об этом, но стоило ему вспомнить свою новую работу в старой типографии, вспомнить коллег, соседей…

Мерло закрылся в оставшемся от родителей доме и решил, что сегодня лучше всего будет напиться. Вот только где купить выпивку в этом крохотном городе, когда за окном почти ночь? Мерло попытался вспомнить, во сколько здесь прекращается продажа спиртных напитков. В семь вечера? В шесть? Нет, напиться явно не удастся. Остается сидеть на диване и смотреть местные новости в этом старом, собранном словно из картона доме.

Когда умерли родители и Мерло узнал, что дом теперь принадлежит ему, он решил, что в лучшем случае продаст его или просто забудет об этом ненужном наследстве… Да, тогда этот дом был действительно ненужным грузом. Жизнь в мегаполисе, хорошая работа… Судьба улыбалась Мерло с первого дня его жизни в большом городе. Молодой журналист из крохотного, затерявшегося в змеином клубке дорог города. Слащавый голубоглазый мальчик, которого почти сразу приняли на работу в одну из крупнейших нейронных газет мегаполиса. Редактора звали Тимоти Хейвлок, и он искал не столько журналиста в газету, сколько любовника для своей жены. Лизель было около сорока. Немного полная, с колючим взглядом и короткой стрижкой. Лизель и Тимоти Хейвлок жили вместе лишь потому, что не хотели травмировать разрывом их дочь. Да и делить ребенка они тоже не хотели.

– Тебе есть где жить? – спросил Тимоти Хейвлок Жана Мерло.

– До конца лета я могу оставаться в университетской общаге, а потом… – Мерло заставил себя оптимистично улыбнуться. – Потом я сниму квартиру.

– Ты не сможешь снять хорошую квартиру на зарплату стажера, – Хейвлок мягко улыбнулся. – Как тебе предложение немного пожить в моем доме? – он долго и внимательно смотрел Мерло в глаза. – И не переживай ни о чем, – наконец сказал Тимоти Хейвлок. – Мы уже много лет не живем с Лизель как супруги. Лишь притворяемся ради дочери. Понимаешь?

8

Несмотря на отмеченную Тимоти Хейвлоком слащавость Жана Мерло, Лизель стала лишь третьей женщиной в его жизни.

– Продержишься полгода – и превратишься из стажера в полноценного сотрудника «Эффи», – сказал Тимоти Хейвлок Жану Мерло, а спустя неделю забрал дочь и покинул на два месяца суету раскаленного солнцем мегаполиса.

Его жена купила молодому журналисту пару новых дорогих костюмов, вручила ключи от третьей машины в семье и почти каждый вечер выводила в свет, показывая новую игрушку многочисленным подругам.

Мерло не жаловался, понимая, что большинство его сокурсников с факультета журналистики живут намного хуже и уж точно никто из них не может похвастаться работой в такой газете, как «Эффи». Конечно, он еще стажер, но, имея за плечами пару месяцев работы стажером в «Эффи», можно будет легко найти работу в газете поменьше. Правда, Мерло и не думал, что нужно будет искать другую работу. Если он не разочарует главного редактора «Эффи», если от него не устанет Лизель Хейвлок, то постоянная работа в одной из самых престижных газет считай у него в кармане. К тому же у него здесь уже появились новые друзья.

Одним из них был бармен по имени Алекс из облюбованного Лизель клуба «Фиалка». Вторым другом стал хозяин этого клуба – Клод Маунсьер. А третьим… Третьим другом стала жена Клода – Глори. Крохотная блондинка, едва доходившая невысокому Мерло до плеча, да и то при условии, что на ней были надеты туфли на таких высоких каблуках, что Лизель Хейвлок недоумевала, как эта девушка может вообще ходить в такой обуви. Но за исключением роста других недостатков у Глори не было. Мерло не знал почему, но она напоминала ему цветки многолетнего растения byblis gigantea – такие же нежные, такие же хрупкие и такие же опасные, особенно если учесть, что byblis было насекомоядным растением.

«Наверное, – думал Мерло, – Глори тоже может очаровать и поглотить любого мужчину, как byblis поглощает насекомых. Вот только мужчины боятся ее мужа, который, несмотря на действующий запрет на владение оружием, продолжает носить под пиджаком «Магнум-Игл».

– Если честно, то это оружие пугает меня до чертиков, – признался как-то раз бармен по имени Алекс.

Что касается самого Мерло, то «Магнум» совершенно не

беспокоил его. Он относился к этой игрушке Клода Маунсьера как к паре знакомых гомосексуалистов, которых представила ему жена редактора, – пока они не трогают тебя, бояться нечего. Но потом у Мерло и Глори Маунсьер завязалась дружба, и «Магнум» ее мужа перестал быть чем-то сторонним. После первой проведенной с Глори ночи Мерло вообще решил, что было бы неплохо уехать на пару недель из города. Да он бы и уехал, если бы знал наверняка, что жена редактора позволит ему сделать это. Но Лизель вцепилась в него, как гончая на собачьих бегах, догнав, вцепляется в резинового зайца.

– Мальчик. Мой маленький, милый мальчик, – шептала она ему ночами.

Шептала так часто, что Мерло становилось приторно от этих слов. И еще эти выходы в свет! Особенно в клуб «Фиалка», где, встречаясь с Клодом Маунсьером, Мерло каждый раз ждал, что этот раритетный гангстер достанет свой «Магнум» и прострелит ему коленные чашечки. Но Клод только улыбался да отпускал десятки колкостей в адрес Мерло.

9

Сейчас Мерло уже не помнил, когда его отношения с Глори Маунсьер переросли из небольшой интрижки в нечто большее. И об этом большем знают, казалось, почти все, кроме мужа Глори, в кобуре которого всегда находился «Магнум».

– Не бойся, нас не сможет разлучить даже смерть, – сказала как-то Глори, а потом стала этими словами подписывать свои записки, которые передавала любовнику через бармена по имени Алекс в клубе «Фиалка».

Обычно Мерло получал эти любовные послания, когда приносил Лизель Хейвлок и ее подругам выпить. Они заказывали мартини с оливкой. Мерло брал двойной виски. У Алекса были ловкие руки, и Мерло так ни разу и не заметил, как он подкладывает под его стакан с выпивкой записку от Глори. Потом Мерло смотрел на мятый клочок бумаги, а бармен куда-то вдаль, словно ничего и не произошло. Эта процедура превратилась почти в ритуал.

– Это от кого? – спрашивал Мерло, продолжая смотреть на клочок бумаги.

– Откуда мне знать? – говорил Алекс.

Отчасти это заявление бармена было правдой, потому что Глори никогда не подписывалась настоящим именем. «Твоя Киска» – этого было достаточно, а чуть выше сладкое описание новой нейронной программы для модулятора и обещание незабываемой ночи.

– Здесь можно курить, – говорил бармен, ставил на стойку пепельницу и протягивал зажигалку.

Мерло доставал сигарету, но не прикуривал, а сжигал записку Глори. Бумага горела. Ровный женский почерк извивался, корчился на черной бумаге. Подпись «Киска» сгорала всегда последней, потому что именно там Глори оставляла отпечаток напомаженных губ.

– Она была здесь, да? – спрашивал Мерло.

Бармен кивал и спрашивал о новой машине или программе для нейронного модулятора. Лизель Хейвлок не любила пользоваться модулятором, но сам Мерло не смог бы спать с ней без разнообразных программ и иллюзий. Потом появлялся хмурый Клод Маунсьер и отпускал десяток колкостей в адрес Мерло, пока Лизель Хейвлок не звала молодого любовника обратно за их столик. Мерло так и не понял, что раздражало его больше: колкости Клода Маунсьера или компания жены главного редактора «Эффи». И все это в то время, пока Глори ждет в

подворотне, сразу возле мусорных контейнеров черного хода. И не нужен никакой нейронный модулятор. Реальности будет достаточно. Пара банальных приветствий, пара поцелуев, объятия.

– Как там мой муж? – спрашивает Глори.

– Он уже затрахал меня своими колкостями, – говорит Мерло.

– Ничего. Он трахает меня каждую ночь, и видишь, еще жива, – на ее губах играет улыбка.

Мерло смотрит на Глори сверху вниз и пытается понять, за что любит ее.

10

Первая и последняя ночь в доме Клода Маунсьера.

Все началось с подруги Лизель, у которой сломалась машина: Мерло попросили привезти ее в клуб. Подруга была старше его лет на двадцать и всю дорогу рассказывала, что у нее есть дочь примерно одного с ним возраста. По дороге Глори звонила дважды, но Мерло ответил лишь в клубе.

– А у тебя сегодня отбоя от девчонок нет, – хмуро пошутил Клод Маунсьер.

– Да как сказать… – замялся Мерло, стараясь смотреть хозяину клуба в глаза и продолжая слушать в телефонной трубке голос его жены.

– Мой муж сейчас рядом с тобой? – догадалась Глори.

– Да, – сказал Мерло.

– Хочешь заехать ко мне?

– Еще не знаю…

– «Не знаю» или уже едешь?

Мерло молчал, слушая, как Клод Маунсьер отпускает очередную хмурую шутку касательно Лизель Хейвлок и ее молодого любовника. «Да шло бы все к черту!» – решил Мерло, поднял на куртке воротник и направился к выходу.

– Котик! – позвала Лизель через весь зал, а когда он подошел, попросила рассказать собравшимся подругам анекдот, развеселивший ее на прошлой неделе.

«Пара минут ничего не решат, – подумал Мерло. – Парой минут в роли клоуна больше, парой минут меньше – какая разница?»

Спустя четверть часа он вышел на улицу, сел в машину. Снова зазвонил телефон. Мерло ответил. Сиплым голосом и, как всегда, хмуро Клод Маунсьер попросил заехать к его другу и привезти коробку фисташек.

– Если не сложно, – добавил он в конце.

– Не сложно, – сказал Мерло.

– Тебя проще уломать, чем мою жену, – снова пошутил Клод.

«Ничего личного», – подумал Мерло.

Он оставил машину во дворе соседского дома, поднялся на третий этаж. Глори открыла дверь и потянула его в спальню. Чужая кровать пахла как-то странно, и ему все время казалось, что Клод Маунсьер стоит где-то рядом и, как всегда, хмуро дает советы.

– Что-то не так? – растерянно спросила Глори.

– Да, – признался Мерло. – Не могу сосредоточиться.

– А ты постарайся, – сказала Глори и начала вылизывать ему соски.

– Так еще хуже, – проворчал Мерло.

– Это нравится моему мужу, – она несильно укусила его. – Скажи, ты женишься на мне, если Клод узнает о нас?

– Если Клод узнает о нас, то я уже ни на ком не смогу жениться, – сказал Мерло.

– Переживешь, – улыбнулась Глори. – Помнишь, как Лизель застукала нас в ее доме? И ничего, видишь, я еще жива, – на ее губах появилась улыбка.

– Помнится мне, она разбила тебе нос и вышвырнула голышом на улицу.

– Но ведь не убила.

– Не убила.

– И Клод тебя не убьет.

– Что?

– Все будет хорошо. Не бойся. Ты тоже должен через это пройти.

– Пройти через что? – тупо захлопал глазами Мерло, затем открылась входная дверь, и в спальню вошел Клод Маунсьер.

11

За городом было тихо и пахло грозой. Вокруг комары, деревья, ночь. Клод Маунсьер остановил машину, достал из багажника лопату и велел Мерло раздеться.

– Теперь копай, – сказал он, бросив ему к ногам лопату.

Мерло поднял лопату, прикидывая, успеет ли он ударить Клода Маунсьера раньше, чем тот достанет свой «Магнум».

– Хочешь убить меня? – спросил Клод.

Мерло пожал плечами.

– Сомневаюсь, что у тебя хватит смелости для этого.

– Страх придает сил.

– А что потом? Как ты представляешь себе годы в тюрьме? Там нет жен редакторов, нет нейронных модуляторов, а с такими, как ты, там делают такие вещи, что тебе лучше не знать.

Он еще продолжал перечислять непристойности, которые ждут красавчиков в тюрьме, но Мерло уже начал копать.

– Глубже, – сказал Клод. – Еще глубже.

Подаренный Лизель Хейвлок перстень натер Мерло кровавую мозоль.

– Глубже, – голос Клода Маунсьера.

Тучи расступаются. Небо звездное, далекое. По лицу текут струйки пота. Жужжат комары.

– Еще глубже, – говорит Клод Маунсьер.

– Почему бы тебе просто не набить мне морду? – спрашивает Мерло, послушно продолжая копать.

Маунсьер молчит, ждет, когда яма станет достаточно глубокой, чтобы Мерло не смог выбраться, затем забирает у него лопату и протягивает мобильный телефон.

– Позвони своей старухе и скажи, что останешься на ночь у друга.

Мерло делает то, что ему велят, и возвращает телефон.

– Что теперь?

– Теперь посиди здесь и подумай. Я приеду завтра в это же время и заберу тебя.

– И все? – спрашивает Мерло, но Маунсьер уже ушел.

Мерло слышит, как уезжает его машина. Комаров становится больше. Мерло воюет с ними оставшуюся часть ночи, а под утро засыпает, сдав позиции. Во сне он видит знакомого бармена. Тот протягивает ему записку от Глори, но Мерло не может прочитать, что там написано. Какой-то лесник будит его и спрашивает, что он делает в яме.

– Сижу, – говорит Мерло.

– Понятно, – говорит лесник и уходит.

Мерло борется с искушением позвать его и попросить помочь выбраться. Комары возвращаются с подмогой и снова штурмуют его банк крови.

– Кто-нибудь, помогите! – орет Мерло, но лесник давно ушел, и рядом никого нет.

Он пытается выбраться из ямы сам, но через полчаса безуспешных попыток понимает, что такими темпами не выберется, а похоронит себя заживо.

Начинается дождь. Мерло садится на мокрую землю и до крови расчесывает покрасневшее от тысяч комариных укусов тело, затем снова засыпает.

Дождь кончается, и возвращаются комары. Спасаясь от них, Мерло зарывается в землю и ждет Клода Маунсьера, который приезжает лишь утром.

– Как отдохнул? – спрашивает он.

– Жрать хочу, – говорит Мерло.

Маунсьер помогает ему выбраться из ямы, ведет не то к большой луже, не то к маленькому болоту и велит вымыться. Мерло слышит, как квакают лягушки.

– Теперь можешь одеться, – говорит Маунсьер, возвращая ему одежду.

Они едут обратно в город. Маунсьер спрашивает, где Мерло оставил свою машину.

– За два дома от твоего.

Маунсьер скрипит зубами и говорит, что если еще раз увидит Мерло рядом со своей женой, то ночь, проведенная в яме, покажется ему раем.

– Мне уже наплевать.

Маунсьер бьет его по печени и уезжает. Мерло ползет к своей машине и едет домой. Лизель на работе. Завтрак в духовке. Мерло раздевается, залезает в горячую ванну и включает нейронный модулятор с программой тибетской релаксации.

Два дня он ни о чем не думает, на третий думает, что все позади, на четвертый думает о Глори, звонит бармену по имени Алекс и спрашивает, как у него дела.

– Нормально, – говорит бармен и пытливо молчит.

Теперь дождаться праздников, дождаться, когда все забудется, и снова отправиться в «Фиалку».

Бармен наливает двойной виски. Под стаканом записка от Глори.

– Не понимаю я вас, – говорит бармен.

– Да я и сам себя не понимаю.

Мерло выходит на улицу и звонит жене Клода Маунсьера.

– Как ты, котик? – спрашивает она.

– Нормально, – говорит он и спрашивает, где сейчас ее муж.

– Если нет в баре, значит, по бабам поехал. – Даже не видя ее лица, Мерло знает, что Глори сейчас улыбается.

– Помирились? – осторожно, но в то же время устало спрашивает он.

– Как и всегда.

Мерло возвращается в клуб и заказывает еще один двойной виски. Лизель Хейвлок сплетничает с подругами за дальним столиком. Летают мухи. Мерло тупо болтает с барменом о машинах и нейронных модуляторах, затем слышит за своей спиной знакомый голос.

– Не ждал? – спрашивает Глори.

– Ох и весело будет сегодня, – хмуро, на манер мужа Глори, говорит Мерло не оборачиваясь.

Бармен хмурится.

– В подсобке сейчас никого нет, – говорит он.

– Сегодня мы посидим здесь, – улыбается ему Глори.

Мерло смотрит на вернувшегося в клуб Клода Маунсьера, смотрит на Лизель Хейвлок.

– Они нас видят, да? – спрашивает Глори.

– Да.

– Хорошо. – Глори берет у него стакан с виски, делает большой глоток.

– Что будем делать?

– А что бы ты хотел делать? – она обнимает Мерло за шею и целует в губы.

Бармен охает и спешно убирает со стойки стаканы и бутылки.

– Это безумие! – говорит он.

– А по-моему, это любовь, – шепчет Глори сквозь поцелуй.

Лизель Хейвлок и Клод Маунсьер приближаются к барной стойке. Подтягиваются и прочие зеваки – любители острых ощущений и чужих трагедий. «Что ж, будет вам праздник! – думает Мерло. – Веселись, народ, пританцовывай и хлопай в ладоши. Сегодня это шоу для вас!»

12

Мерло рассказывал историю своей жизни неспешно, поэтапно, неделя за неделей, не особенно желая открываться старому другу детства.

– Так ты был женат на Глори? – спросил его как-то Мэтью Колхаус, устав ждать окончания бесконечной истории.

– Глори была моей любовницей.

– Я понимаю, что вначале она была твоей любовницей…

– И в начале, и в конце. Даже сейчас, если мы встретимся с ней, боюсь, она будет лишь моей любовницей. Ни больше ни меньше. Понимаешь?

– Не очень.

– Ты спал сразу с двумя близняшками и не можешь понять?

– Близняшки исправились после того, как я познакомил их с карликом и остальными.

– Они тоже пытались утопиться в море?

– Нет. Мне пришла по почте программа для нейронного модулятора с записью острова, где живет карлик.

– Пришла откуда?

– Не знаю. Обратного адреса не было.

– А может, это ты сам записал ее?

– Так ты не веришь мне?

– Нет.

– Ну и черт с тобой.

– И с тобой, – Мерло дружелюбно улыбнулся. – Знаешь, что общего в наших историях?

– Что?

– Наши жизни изменили карлики.

13

Жену Мерло звали Руфь Хустра, и она работала секретарем в «Эффи». По сути, Мерло познакомился с ней раньше, чем с главным редактором и его женой Лизель. Он и будущая жена сидели в приемной – Руфь была секретарем, Мерло посетителем – и обменивались короткими взглядами. Вернее, в основном на Руфь смотрел Мерло – свежие выпуски «Эффи», разложенные на столе, его не интересовали. Эти взгляды не смущали Руфь, скорее наоборот – нравились. Нравились в первый день их знакомства, нравились и после, когда Мерло начал работать в нейронной газете стажером.

Связь Мерло с женой главного редактора, а позднее и с женой хозяина клуба «Фиалка» мало интересовали Руфь. Если они и спорили с Мерло о чем-то, то это были программы для нейронных модуляторов. Сначала они просто разговаривали о них, затем обменивались. Их первый совместный нейронный сеанс состоялся уже после того, как Мерло расстался с Лизель Хейвлок. Расстался не в тот безумный вечер, когда Глори целовала его в клубе «Фиалка» на глазах у всех, нет. Тот вечер закончился для Мерло парой сломанных ребер и тяжелым сотрясением мозга. Причем Клод Маунсьер не тронул его и пальцем. Хотел, конечно, врезать, но его опередила Лизель, которая, почувствовав себя преданной, ударила Мерло попавшимся под руку стулом. Первые два удара пришлись Мерло по спине, когда он целовал Глори. Последний попал в височную кость. Дальше наступила темнота. Мерло очнулся день спустя в больничной палате. Лизель была рядом.

– Успокойся, – сказала она, когда Мерло попытался вызвать медсестру. – Я не настолько сильно влюблена в тебя, чтобы убить за измену.

– Ты ударила меня стулом.

– Шесть или семь раз.

– Вот именно!

– Ты бы предпочел, чтобы тебя избил Клод Маунсьер?

– Что?

– Думаешь, ты отделался бы парой сломанных ребер и сотрясением?

– Я не знаю…

– Я спасла тебя.

– Но…

– Ты слишком молод, чтобы становиться калекой, – Лизель потрепала Мерло по щеке. – Выздоравливай и постарайся впредь быть умнее. Я не смогу приглядывать за тобой всю твою жизнь.

Потом она ушла. Это был их последний разговор. Больше Мерло никогда не видел Лизель. Она отпустила его, а ее муж, когда Мерло вышел из больницы, наконец-то перевел его из стажеров в журналисты.

– Лизель сказала, что ты созрел для большого города? – спросил Тимоти Хейвлок, лично подписав договор с Мерло. – Она просила за тебя. – Не поднимая головы, он смотрел исподлобья на молодого журналиста. – Не подведи ее. Не разочаруй меня.

– Я постараюсь, – пообещал Мерло.

Он покинул кабинет главного редактора и долго болтал в приемной с Руфь Хустра. Болтал о программах для нейронных модуляторов – остальное, казалось, совершенно не волновало Руфь. Ни повышение Мерло, ни его любовные связи. Впрочем, его в последнее время все это тоже не особенно волновало. Лизель осталась в прошлом, Клод Маунсьер отправил жену в другой город, а работа… Нет, программы релаксации были определенно лучше.

– Я тоже так думаю, – согласилась с ним как-то Руфь.

– У меня есть несколько программ для совместного использования, – тут же оживился Мерло.

Так они договорились о первом свидании, вернее, о первом совместном использовании нейронного модулятора Мерло. Руфь пришла к девяти. На ней были надеты джинсы и вязаный свитер. Это был первый раз, когда Мерло увидел ее не в строгом рабочем платье, подол которого скрывал колени, а вырез на груди отсутствовал.

– Выглядишь домашней, – признался Мерло, открыв Руфь дверь своей новой квартиры, арендованной сразу, как только получил повышение. Старая комната осталась в прошлом, как и должность стажера. Все осталось в прошлом. По крайней мере, Мерло хотел думать так.

Они просидели с Руфь до полуночи и расстались, обменявшись дружескими рукопожатиями.

– Может быть, еще когда-нибудь встретимся? – предложил Мерло.

– Может быть, – уклончиво сказала Руфь, но уже через два дня, когда они пересеклись в приемной кабинета Тимоти Хейвлока, сама заговорила о новой программе для нейронного модулятора, использовать которую можно было только вдвоем.

– Это что-то интимное? – оживился Мерло.

– Думаю, да, – начала флиртовать молодая Руфь, возраст которой Мерло узнал лишь на третий месяц после того, как они стали встречаться.

– А мне казалось, что это я молодой, – сказал он, когда Руфь

призналась, что младше его на пять лет. – Ты что, недавно закончила школу?

– Это проблема?

– Нет, – честно сказал Мерло, уставший после жизни с Лизель и отношений с Глори от женщин старше себя. – Думаю, пришло время что-то менять.

Спустя три недели они съехались, а спустя шесть месяцев поженились, продолжая проводить вечера в нейронных грезах. И жизнь, казалось, наладилась. Размеренная, спокойная. На семь долгих лет. Но потом в жизни Мерло снова появилась Глори Маунсьер.

14

«Вот так всегда, – подумал Мерло, снова погружаясь в царство теней незабвенного прошлого, – стоит только решить, что жизнь налаживается, как вечно появляется какая-нибудь стерва и сливает все твои надежды в унитаз».

Но все это после. Вначале только встреча. День яркий и солнечный. Вокруг люди, шум голосов, машин. Но шум становится далеким, ненужным. Есть лишь странная Глори, которая говорит, что бросила мужа и теперь работает журналистом, как и Мерло.

– Ну, а ты как? – спрашивает она, пытаясь встать так, чтобы быть чуть выше. – Все еще ищешь, к кому прибиться?

– Да я никогда… – говорит Мерло, пытаясь встать так, чтобы быть немного пониже.

– Как поживает Лизель Хейвлок?

– Я женился, и теперь Лизель – история.

– И я тоже когда-то была замужем, помнишь? – Глори широко улыбается, но Мерло молчит. – Знаешь, в чем твоя проблема? – начинает обижаться она.

– Нет у меня проблем.

– Вот в этом и есть твоя проблема, – улыбка вспыхивает на полных напомаженных губах Глори, притягивающих Мерло, как магнит. И скрыть это невозможно. – Ты все еще хочешь меня, котяра…

15

В номере Глори тихо и пахнет чистым постельным бельем. Кондиционер работает исправно. Кровать мягкая. Дыхания сбитые, неровные.

– Расскажи мне о моем бывшем муже, – просит Глори.

– «Фиалку» закрыли после того, как он стал торговать запрещенными препаратами.

– Это я знаю. Скажи, что именно он продавал?

– Кажется, а-лис.

– А-лис? – глаза Глори округляются. – Неужели у него были серьезные проблемы с деньгами?

– Нет, но кто не хочет, чтобы их стало больше?

– Ты не встречался с ним после того, как я уехала?

– Нет.

– А а-лис? Пробовал его? Кажется, ты любил все эти штуки.

– И сейчас люблю, но а-лис – это уже не просто нейронная программа. Это наркотик.

– Говорят, это лучше, чем секс.

– За это можно попасть в тюрьму.

– Ну Клод же не попал.

– У меня нет столько денег, сколько у твоего бывшего мужа. К тому же я видел, в кого превращаются люди, подсевшие на а-лис.

– Можно просто один раз попробовать и все.

– Если мой редактор узнает, то меня уволят.

– Можно принять а-лис так, что никто не узнает.

– Все тайное рано или поздно становится явным.

– Говоришь как журналист.

– Я и есть журналист.

– Да. Журналист, который боится попасть в историю.

Они занимаются любовью трижды и засыпают далеко за полночь, прижавшись друг к другу. И старый, забытый роман оживает. И снова плевать на все. Жизнь становится сном, еще одной безобидной нейронной программой, выбраться из плена которой у Мерло получается, лишь когда от него уходит жена. Квартира пуста. Вещи собраны. Руфь не оставила даже записки. И мир сжимается, давит стенами мертвой квартиры.

– А ты не знал, что все будет именно так? – смеется Глори, словно подначивая любовника схватиться за голову и рвать на себе волосы.

– Хочу повеситься, – бормочет Мерло.

– Нет, не повесишься. Не можешь повеситься.

– Это еще почему? – обижается он, решив, что его упрекают в

малодушии.

– Потому что это моя история. А в моих историях никто не умирает. По крайней мере, не в самом начале.

16

Бар. Пара двойных виски, пара бутылок пива.

– Все совсем не так, как мы представляли в молодости, да? – спрашивает Глори, обхватывая накрашенными коричневой помадой губами зеленое горлышко бутылки.

Мерло молчит, Глори ждет какое-то время, затем теряет терпение.

– Хочешь, я расскажу тебе о том, сколько у меня было мужиков за последние семь лет?

– Нет.

– Да я бы и не рассказала, – улыбается Глори. – Мир – он ведь намного проще, если его история – это история твоей жизни. Живешь, не паришься и веришь, что все вокруг подчиняется твоему порядку.

– Все как в кино?

– Именно. Главное – быть тем, кто пишет сценарий, а не тем, кто вынужден подчиняться сюжетной линии. – Глори смачно засасывает зеленое горлышко: «Чпок». – Как думаешь, за сколько бы ты смог продать историю своей жизни?

– Нечего продавать.

– Вот видишь! – расцветает она. – Все уже прожито до тебя. Все уже написано кем-то другим. – Красный язык мелькает за грязно-белыми зубами. – Не хочешь что-нибудь поменять?

– Например?

– Например, представь, что жизнь – это секс.

– В смысле – за деньги?

– В смысле – просто секс, дурачок!

– И в чем смысл?

– А нет смысла! Знаешь, как на комбайне – чем сильнее жмешь на рычаг, тем быстрее прешь вперед.

17

Пара сигарет дымится в пепельнице. Кровать, на которой недавно спала Руфь, жалобно поскрипывает. Мерло смотрит на пышную грудь Глори, раскачивающуюся перед его глазами, и думает о том, за сколько можно продать историю своей жизни. А историю друзей?

– Главное – продержаться как можно дольше, – говорит Глори. – Чем больше историй, тем больше шансов. – Она, задыхаясь, рассказывает, что главное – не придумывать ничего нового. – Все есть вокруг. Нужно лишь уметь наблюдать.

– Ты и обо мне напишешь?

– Если будешь настолько хорош, чтобы за это заплатили.

– Тогда возьми меня с собой.

– Не пойдет. Сначала заставь жену вернуться, сделай ей ребенка и доведи до белого каления, чтобы она сошла с ума, а мы были вынуждены за свои грехи растить ребенка и навещать ее в сумасшедшем доме, подбирая слова, рассказывая детенышу, почему у его матери течет изо рта слюна.

– А что потом?

– А потом мы напишем новую историю, – Глори охает, трясется, затем стихает, не дышит. – Про меня всегда говорят, что я как кролик, – устало улыбается она. – А я говорю, что тот, кто говорит это – полный мудак. Мужик радоваться должен, что баба с ним по три-пять раз кончает, а не о кроликах думать! – Глори снова начинает осторожно подмахивать бедрами. – Никогда не пробовал мастурбировать на репродукцию Моны Лизы?

– Причем тут Мона Лиза? – спрашивает Мерло.

– Притом, что если заниматься этим достаточно долго, то в итоге захочется поехать в Лувр и передернуть на оригинал. Представляешь, сколько будет стоить эта история?!

18

День теплый, яркий. Элитный пригород мегаполиса.

Никогда прежде Мерло не использовал нейронный модулятор в общественных местах.

– Это будет нечто, – пообещала Глори утром.

Они включают нейронный модулятор на улице, вдоль которой выстроились в ряд средневековые замки. Прохожих много, но Глори плевать. Она идет рядом с Мерло, держа его за руку, и рассказывает о сексуальном скандале знаменитого политика, всплывшем в газетах благодаря ее стараниям.

– Что за политик? – спрашивает Мерло.

– Неважно, кто он, главное, что кому-то удалось стать частью его истории. Это то же самое, что переспать с президентом! Представляешь, насколько сразу подорожает история твоей жизни?

– И что? – Мерло пялится на замки вдоль улицы и ждет, когда начнет работать установленная его любовницей программа нейронного модулятора. – Что потом?

– Потом придется искать новую историю, – Глори смеется и говорит, что в замках, мимо которых они идут, никто не живет и никогда не будет жить.

– Зачем же их тогда строили? – спрашивает Мерло, а она говорит, что все началось с истории кредитной аферы под залог строительства, а кончилось тем, что десяток идиотов решили, что если не построят такой же замок, то будут выглядеть беднее соседа.

– Об этом я, кстати, тоже писала.

– Странная у тебя жизнь.

– Не страннее, чем у тебя! – Глори щипает Мерло за задницу. – Главное – принимать все как есть. И не париться, почему и зачем это надо. Думай о себе. Найди свои маленькие радости и глупости. – Она смолкает и, хитро прищурившись, смотрит Мерло в глаза. – Слышал что-нибудь о девятом крестовом походе?

– Я думал, их было только восемь.

– Ты совсем не понимаешь этот мир! – улыбается Глори. – Знаешь, мы ведь в нем как шлюхи – если не умеешь прихорошиться и поднести себя, то будешь вечно стоять под фонарем на перекрестке, ожидая клиента. Для кого-то это жена редактора, для кого-то богатый муж… В общем, думаю, ты уловил суть.

В этот момент включается программа нейронного

модулятора. Восприятие мира меняется. Весь мир меняется. Остаются лишь бутафорные замки, но вокруг уже грязные улицы средневековой Европы. Толпы детей нескладно маршируют мимо. Голодные, замерзшие, болезненного вида.

– Это и есть девятый поход, – слышит Мерло далекий голос Глори. – Представляешь историю, где в массовом сознании рождается убеждение, что если Господь не дал победы сильным, но грешным, то дарует ее слабым, но безгрешным?!

– Чушь! – говорит Мерло, вглядываясь в решительные детские лица.

– Не жалей их, – шепчет ему на ухо Глори. – Они воюют за правое дело. К тому же никто из них не погибнет от сарацинских сабель.

– Хоть за это спасибо.

– Да, – Глори вздыхает. – Часть из них умрет по пути в Европу, часть достигнет Марселя, где купцы пообещают переправить их в Палестину, а сами отвезут на невольничьи рынки Египта.

– Жуть какая-то!

– Именно. Но каков замысел?!

– Лучше уж из Туниса, с трупом короля на борту корабля, домой.

– Да. Восьмой крестовый поход тоже неплох, – соглашается Глори. – Но не так грандиозно. Совсем не так…

Она ведет Мерло в конец улицы, где красуется дом одного из местных миллионеров.

– Гранит и мрамор. Крыша из золотистой меди. Искусственное озеро… Фэн-шуй. Восточный стиль, – говорит Глори, а потом так ненавязчиво рассказывает о французском дизайнере, прославившемся благодаря таким домам. – Самое главное – стать частью истории! – вдалбливает она в голову Мерло приобретенные за последние годы истины, а потом, так ненавязчиво, предлагает встретиться с ее бывшим мужем и взять на пробу немного а-лиса. – Только представь, какая из этого может получиться история!

– Ты имеешь в виду прием а-лиса или встречу с твоим бывшем мужем?

– И то и другое! – смеется Глори. – И то и другое…

19

– Ты либо дурак, либо ищешь смерти, – хмуро не то шутит, не то говорит всерьез Клод Маунсьер, встречая Жана Мерло.

– От меня ушла жена, – пожимает плечами Мерло.

– Из-за нее? – спрашивает Клод Маунсьер, указывая взглядом на Глори.

– Из-за всего.

– Вот как? – Клод Маунсьер сверлит его несколько долгих минут тяжелым взглядом, затем неожиданно начинает как-то надтреснуто смеяться. – Чертовы журналисты! – ворчит он.

– Ты продашь нам а-лис или нет? – начинает злиться Глори.

Смех стихает. Мерло смотрит на Клода Маунсьера. «Любит ли Клод Глори? – думает он. – Любил ли он ее вообще когда-нибудь? А она его?» Вместе с этими мыслями приходят мрачные размышления о смерти. Не о собственной смерти, нет, а о смерти вообще. Особенно здесь, в этих пропитанных потом и сигаретным дымом стенах, с красной пилюлей а-лиса на языке.

Выдержать паузу. На столе два стакана воды. Глори запивает таблетку. Клод Маунсьер улыбается, смотрит на Мерло и ждет, когда тот проглотит пилюлю.

– Боишься? – спрашивает он.

– Не больше, чем нужно, – говорит Мерло и берет стакан с водой.

Маунсьер улыбается, включает нейронный модулятор. Специальных программ для а-лиса нет. Впрочем, после приема этих пилюль можно вообще не использовать программы. Лишь модулятор, который объединит сознания, остальное сделает ваш собственный мозг. Обо всем этом Мерло знает еще с тех времен, когда четыре года назад написал свою лучшую статью о пропавших детях.

Детектива, проводившего расследование, звали Хинда Соркин, и после вышедшей статьи она больше года преследовала Мерло, обещая свернуть ему шею. Ее коллега и любовник – детектив из отдела нравов Бобби Раст – заверил молодого журналиста, что ему нечего бояться и уж тем более не стоит обращаться с жалобами в участок.

– Она просто немного не в себе из-за пропавших детей, – объяснял он.

Именно от него Мерло и узнал о незаконном бизнесе Клода Маунсьера, узнал о том, что такое а-лис и в кого превращаются люди, подсевшие на этот новый наркотик. У Бобби Раста был низкий, глубокий голос, напоминавший голос Клода Маунсьера, и

сейчас, глядя на бывшего мужа Глори, Мерло видел, что Бобби Раст и Клод Маунсьер каким-то странным образом объединились, став одним целым. Он попытался сказать об этом Клоду Маунсьеру, называя его именем знакомого детектива.

– Это а-лис, – сказал бывший муж Глори. – Постарайся не думать обо мне, не думать ни о чем плохом. Вспоминай детство. Не хочу, чтобы твои крики распугали посетителей.

– Вспоминать детство? – тупо переспросил Мерло, чувствуя, как каждая мысль набирает силу, становится способной материализовать себя.

Он закрыл глаза, но продолжил видеть. Все было реальным, но в то же время не имело ничего общего с реальностью. Десятки, сотни историй плыли и плыли по реке жизни, а Мерло стоял на берегу и чувствовал на своей коже тепло далекого солнца, свежесть летнего ветра, запах жимолости и полевых цветов. И был еще голос. Знакомый, доверительный. Голос друга из детства. Мэтью Колхаус.

Он сидел на огромном природном камне и рассказывал историю о своей забытой любви. Мерло знал эту историю и знал камень, на котором сидит старый друг. Камень, который в его крохотном родном городе превратили в памятник, посвятив предкам и борьбе за независимость. История о забытой любви и старый камень каким-то образом стали одним целым. Мерло смотрел на оставленные зубилом надписи на поверхности камня и представлял любовные шрамы, оставленные на разбитом сердце. Слова мемориальной таблички и слова прощаний сливались, уносясь в прошлое.

– Почему бы тебе просто не позвонить той девушке? – спрашивает Мерло.

– Позвонить? Она ведь прошлое.

– Тогда зачем вспоминать?

– Чтобы помнить. – Колхаус поднимает футболку и показывает ему превратившееся в камень сердце, на котором оставлены десятки неразборчивых надписей.

– Думаю, нужно позвонить, – говорит Мерло, увидев высеченный на камне телефонный номер.

– Зачем ты издеваешься надо мной? – спрашивает Колхаус.

– Почему издеваюсь? Когда от меня ушла жена, я ей звонил.

– Ты живешь в прошлом, – качает головой Колхаус. – Ты ничего не понимаешь в настоящем. И ты совсем не ценишь будущее.

– Всего лишь истории, – говорит Мерло, пытаясь понять смысл сказанного другом детства, а по реке за спиной уже плывет водоворот нейронных текстов, где детектив из отдела нравов по

имени Бобби Раст рассказывает ему о том, что только в полиции он может законно избивать людей да еще получать за это деньги. – Чертовы истории! – бормочет Мерло. – Чертовы истории…

20

– Тебе понравилось? – спрашивает Глори, когда они, покинув новый клуб бывшего мужа, возвращаются в гостиничный номер.

– Я видел друга детства, у которого вместо сердца был камень с гравировкой, – говорит Мерло.

– Мне больше понравилась твоя река историй.

– Ты видела мою реку?

– Конечно, мы же были подключены к одному модулятору.

– Если честно, то у меня до сих пор мурашки по коже от а-лиса.

– Зато какой опыт!

– Никогда не хотел писать об а-лисе.

– Думаешь, о пропавших детях писать лучше? – Глори открывает мини-бар, делает два двойных виски. – Как звали детектива, проводившего расследование?

– Хинда Соркин.

– Точно, Хинда Соркин, – Глори улыбается, пытливо заглядывая Мерло в глаза. – Скажи, она правда сумасшедшая или ты написал это, чтобы газета лучше продавалась?

– Думаю, она свихнулась от своего бессилия найти детей.

– Ты редкий сукин сын, Мерло. Ты знаешь об этом?

– Ты критикуешь меня?

– Нет, завидую. Эта история… Это ведь настоящая золотая жила. Жалко, я не смогла добраться до нее.

– Будут и другие.

– Да. Будут.

Они пьют, затем отправляются в кровать. После а-лиса все тело кажется напряженным, готовым взорваться. Чтобы достичь оргазма, требуется не больше пары минут, включая прелюдию и снятие одежды. Напряжение спадает, принося опустошение.

– Так что ты там говорил о друге детства, у которого вместо сердца был камень? – спрашивает Глори, театрально смахивая с мокрого от пота лба челку. – Думаешь, из этого может получиться хорошая история?

– Он уехал в большой город, и больше я его не видел.

– А другие? У тебя же были еще друзья? Может быть, мы сможем продать пару статей о них?

– Не хочу я больше продавать никаких историй.

– Это еще почему?

– Они все-таки мои друзья.

– И что?

– Тебе бы понравилось, если бы я написал о тебе?

– Если бы это сделало мне имя, то да.

– Ты чокнутая.

– Так как насчет истории твоих друзей?

– Хватит на сегодня историй.

– Нужно было сначала спросить, а потом трахаться! – театрально сокрушается Глори.

Мерло долго смотрит ей в глаза.

– Ты изменилась, – говорит он, пытаясь дотянуться до оставленной на прикроватной тумбе пачки сигарет.

– Тебе не нравится?

– Еще не понял.

– Минуту назад мне казалось, ты всем доволен.

– Дело не в сексе.

– Секс – это жизнь.

– Может быть, но продавать за секс истории своих друзей – это подлость.

– Подожди до завтра, и я тебя так заведу…

– Не будет никакого завтра, – говорит Мерло, зажимает в зубах прикуренную сигарету и начинает одеваться.

– Это как наркотизация, – смеется Глори. – У каждой зависимости есть своя цена, свои последствия. А угрызения совести… С ними можно жить.

– Тебе это не грозит.

– Да я не за себя волнуюсь, дурачок, – улыбается Глори и как-то по-детски начинает разглядывать свои соски. – Хочешь, я расскажу тебе об абортах?

– Нет.

21

Дом, тишина, одиночество. Мерло трижды пытался дозвониться до жены – никто не ответил. Звонок Глори тоже не дал результата. Лишь в кармане нашлась пара красных пилюль а-лиса. «Почему бы и нет?» – подумал Мерло, устав от четырех стен.

Он не знал, каким образом пилюли оказались в его кармане. Может быть, их подсунул ему Клод Маунсьер, надеясь, что полиция нравов когда-нибудь арестует журналиста, навесив на него ярлык наркомана. Может быть, их дала ему Глори, когда они были под кайфом. Все может быть.

Мерло долго крутил пилюли в руках, затем проглотил сразу две, надеясь, что снова увидит реку историй, но на этот раз вместо того, чтобы стоять на месте, попытается идти вперед, заглянуть в свое будущее. Но вместо будущего к нему пришло прошлое – странное, сюрреалистичное. Вернее, не прошлое, а набор альтернатив, где Мерло и Колхаус едут на старой машине к морю, а на заднем сиденье без устали трещат две одноклассницы. В действительности этого никогда не происходило – мечта осталась мечтой, но а-лис мог воплотить в жизнь любую фантазию.

22

– Чур рыжая моя, – говорит Мерло другу детства об одной из одноклассниц на заднем сиденье машины.

– Чем тебе не нравится брюнетка? – хмурится Колхаус.

– Я уже трахал брюнетку, а рыжую – нет, – объясняет Мерло.

– Я тоже уже трахал брюнетку, – обижается Колхаус.

– Машина моя – значит, и выбирать мне.

– Вот когда мне купят новую машину… – пытается торговаться Колхаус.

– Права сначала получи! – смеется Мерло.

Долгая дорога сжимается, становится нереальной, словно сон, но а-лис уже изменил сознание своей жертвы, заставил принимать вымысел за правду. И никаких сомнений. Лишь кемпинг, старый друг, пара девушек в мини-юбках да пение полуночных птиц.

Мерло паркует машину, врет, что устал, и напрягает Колхауса ставить палатки. Девушки переодеваются, мелькая белыми задницами. Мерло смотрит на шатенку и пускает слюни.

– Если повезет, то запишу свои игры с брюнеткой, – говорит Колхаус и хвастается другу, показывая новый коммуникатор.

Мерло знает, что пройдет десять лет, и нейронные модуляторы перестанут быть редкостью, но в те далекие годы… Да, в те далекие годы даже коммуникатор Колхауса с голограммой звонящего является пиком технологий.

– Когда-нибудь нейронный модулятор будет помещаться в такую штуку, – говорит Мерло, крутя в руках коммуникатор друга, как обезьяна гранату.

– Не туда тыкаешь! – издевается Колхаус.

– Сам ты не туда тыкаешь, – смеется Мерло, напоминая о его неудачных любовных похождениях в закончившимся учебном году…

Их голоса разносятся по лесу, тонут в ночи. И где-то рядом уже горит костер. На небе белая луна. Мерло никогда не знал своего деда, но сейчас а-лис заставляет его верить, что где-то у моря жил отец его матери и в его доме их ждет нейронный модулятор, который был установлен у деда, потому что тот был так болен, что фантазии – это единственное, что ему оставалось. Еще Мерло помнит, как приезжал к деду в гости. Нет, лицо деда смазано, нереально, но вот программы для нейронного модулятора еще будоражат воображение.

– Не спится? – спрашивает брюнетка, подсаживаясь к Мерло.

Они курят, смотрят на огонь и вспоминают прошлое. Колхаус

выбирается из палатки и говорит, что ничего не видит.

– Да нам плевать, можешь смотреть, если хочешь, – говорит Мерло, продолжая лежать на брюнетке. – Ты ведь не против?

Она краснеет и молчит. Колхаус сидит у костра и рассказывает о созвездиях. Мерло думает о вечности, пытаясь растянуть соитие с брюнеткой.

– Давай ты сверху, – предлагает он ей.

Она стесняется, а он убеждает ее, что Колхаус сейчас не видит ничего, кроме своих звезд.

– К тому же ты сама говорила, что можешь испытать оргазм только сверху, – говорит Мерло.

– Так ты хочешь, чтобы я испытала оргазм? – краснеет сильнее брюнетка.

– А ты не хочешь?

– Не знаю, получится ли… – мнется она, а Колхаус уже что-то бормочет о Млечном Пути и Галактике.

И все эти разговоры вращаются перед глазами, превращаясь в бесконечное шоссе к морю и плотный автомобильный поток, в конце которого их ждет дом покойного деда и его диковинный в те годы нейронный модулятор.

23

Мерло очнулся в больнице. Голова была тяжелой, предметы двоились, цвета искажались, искрились. Глори сидела в дальнем углу у окна в кресле, больше похожем на шезлонг. Мерло не сразу узнал ее. Сначала это был просто переливающийся образ – невозможно определить, мужчина или женщина, человек или какое-то странное, двуногое животное, словно а-лис продолжал свои игры с разумом. Где-то далеко шумело море – Мерло мог поклясться, что слышит это. И реальность наслаивалась на фантазию, на искаженное прошлое.

– Ты бы хоть сходил к соседям, узнал, где похоронен дед, – сказал где-то далеко Колхаус. – Успеешь еще наиграться с этим чертовым модулятором.

– Пообещай, что не прикоснешься к модулятору, пока меня не будет, – сказал Мерло.

– Я вообще не буду прикасаться к модулятору, – заверил его Колхаус. – Ни с тобой, ни без тебя.

– И девочек тоже не трогай, – сказал Мерло, уже зная, что будет в той фантазии дальше, уже прожив ее под а-лисом не один раз. – Лучше загляни за дом. Там, кажется, растет марихуана.

Мерло увидел улыбку Колхауса, но вместо того, чтобы улыбнуться в ответ, насторожился, вспомнив оставшуюся часть вымышленного будущего этой фантазии.

– И когда увидишь девочку-мулатку на велосипеде, не разговаривай с ней, – предупредил он друга детства. – Она не та, за кого себя выдает. От нее одни неприятности…

– От кого одни неприятности? – спросил Колхаус так громко, что у Мерло заболела голова. И даже не Колхаус. Спросил призрачный силуэт в кресле-шезлонге из дальнего угла странной больничной палаты. – Ты уже очнулся или еще бредишь? – задал свой второй вопрос незнакомец. И голос этот не принадлежал Колхаусу. Не принадлежал мужчине. Там, в дальнем углу, была женщина. Мерло прищурился. – Жан? – спросил искрящийся силуэт. – Жан, это уже ты или все еще а-лис?

– Не знаю. – Мерло собрался с силами и оторвал от подушки тяжелую голову.

Искрящийся силуэт в кресле-шезлонге вспыхнул ярче и начал гаснуть.

– Глори! – шумно выдохнул Мерло, узнав любовницу.

– Значит, очнулся, – улыбнулась она.

– Это что? Больница? – спросил Мерло, оглядываясь по сторонам. Измененная а-лисом реальность отступала, таяла. – Как

я попал сюда?

– У тебя была передозировка а-лисом, – Глори снова улыбнулась. – Ну и напугал ты всех. Врачи говорили, что найди я тебя чуть позже, и ты бы уже не выкарабкался.

– Передозировка? – Мерло думал об этом пару минут, затем смачно выругался.

– Злишься на меня? – спросила Глори.

– Злюсь? За что?

– За пилюли.

– Так это ты подложила их мне в карман?

– Да.

– Но ведь пить их ты меня не заставляла.

– Верно, не заставляла.

– Значит, и обижаться не на что, – Мерло заставил себя улыбнуться, затем вспомнил свой сон, свое видение, навеянное а-лисом. Вернее, не вспомнил. Нет. Фантазия, казалось, снова ожила, обрела плоть.

– Что-то не так? – спросила Глори, заметив беспокойство своего любовника.

– Кажется, я все еще что-то вижу.

– Что видишь?

– Та иллюзия… под а-лисом.

– Это нормально. После а-лиса иногда мы спим наяву. Особенно если прекратить прием.

– Мне казалось, ты никогда прежде не принимала а-лис.

– Было время, когда ты тоже не принимал.

24

«Тени мертвых». Да, именно так называлась статья о Чипере Доуве, прочитанная Глори Маунсьер после развода. Новая жизнь пугала и радовала одновременно. С одной стороны была свобода, с другой – чувство недавней катастрофы. Корабль, на котором она плыла, пошел ко дну. Нет, Глори никогда не думала, что Клод Маунсьер сможет причинить ей вред. Он никогда не любил ее так сильно, чтобы обезуметь от ревности, и никогда не презирал, чтобы раздавить, словно мерзкую букашку. Да, у них было хорошее общее прошлое, нервное настоящее и разрозненное будущее. Единственным, что могло бы причинить Глори вред, были деньги бывшего мужа, но она не претендовала ни на его клуб, ни на сбережения, а любовник… Любовника Клод Маунсьер мог пережить.

Тем более что Жан Мерло жил с Лизель Хейвлок – женой редактора «Эффи». Тогда еще жил, и Клоду не нужны были неприятности. Да и гангстер из него был никудышный – уж Глори знала это как никто другой. Пусть Клод хотел выглядеть как гангстер, но настоящим в этом облике был лишь его «Магнум», с которым Клод готов был спать. И это не было шуткой. Он так лелеял свою игрушку, что Глори, еще будучи женой Клода, пришлось закатить пару скандалов, когда супруг ложился в кровать, пряча оружие под подушку, словно это могло компенсировать его не самые умелые любовные игры. Когда в жизни Глори появился Мерло, она хотела сказать об этом Клоду – ее любовнику не нужен «Магнум», чтобы чувствовать себя мужчиной. Ему не нужны были все эти прелюдии, без которых невозможно обойтись в постели с Клодом. Но потом Мерло остался в прошлом. Все осталось в прошлом.

Когда на горизонте забрезжил развод, Глори навела справки о том, кто такой Жан Мерло, откуда он, на что способен. Что ж, кажется, способен он был лишь исполнять роль любовника. Особенно озадачил Глори тот факт, что Мерло родом из крохотного города, затерявшегося в конце шоссе Бо-Роуз. Глори пыталась представить себе, как они вместе с ним покидают мегаполис, живут в частном доме его родителей в богом забытом городе…

И чем больше она думала об этом, тем трезвее становились ее мысли. Поэтому после развода Глори не попыталась зацепиться за своего любовника. Нет. Она родилась в большом городе, жила в большом городе и умирать ей в большом городе. Никак иначе. Да и роль домохозяйки, возложенная на ее плечи Клодом, не очень-

то нравилась Глори. Наверное, именно поэтому в ее жизни и появился Жан Мерло – молодой журналист, выбравший тот путь, который хотела выбрать она сама, не повстречайся ей на втором курсе журналистики Клод Маунсьер.

Зрелый и низкорослый, тогда он показался ей образцом мужчины. Он всегда знал, что делает, всегда был уверен в себе. Потом, конечно, все это растаяло, перестало иметь для Глори значение. Повзрослев, она поняла, что у нее вообще нет идеалов, которые можно было бы пронести через всю жизнь. Когда-то в детстве она мечтала быстрее вырасти и выйти замуж, потом, когда выросла, она начала мечтать о холостой жизни, а когда снова стала свободной… В общем, все было относительно и временно. И чем дольше жила Глори, тем больше ей нравилось это состояние сознания.

«Тени мертвых» – нашумевшая по всему миру статья в нейронной газете «Хиттер». Газета попала в руки Глори после развода с Клодом случайно, потому что, бросив факультет журналистики, Глори больше не читала газет. Да и «Хиттер» она бы не стала читать, но так получилось, что в посылке от бывшего мужа лежала эта газета. Он завернул в нее украшения Глори, которые по договоренности вернул жене после развода. Десяток колец и пара брошей лежали на нейронной газете, все еще пытавшейся проектировать образы в сознание читателя. Сейчас читателем была Глори. Газета напоминала забытые мечты юности и недавние переживания отношений с Мерло. Мечты и секс сливались воедино. И где-то на фоне этих не имевших к газете переживаний мелькала статья «Тени мертвых».

25

Героя статьи звали Чипер Доув, и он был самым обыкновенным наркоманом, подсевшим на а-лис, как только этот нейронный наркотик только появился на черном рынке. Чиперу было шестнадцать, и не попадись ему а-лис, то он подсел бы на любой другой наркотик, как и его девушка – Парси Лейн. В ее жизни всегда все было по максимуму: любить, принимать наркотики, злиться.

Когда она застала Чипера с другой девушкой, то лишь удача спасла Чипера от смерти – нож скользнул по ребрам и вместо того, чтобы проткнуть сердце, оставил рваную рану, которой после примирения с Чипером Парси не позволяла зарасти. Это была всегда свежая рана. Стоило ей покрыться коркой, начать заживать, и Парси снова расковыривала ее, пока не появлялась кровь. Чипер не возражал. Ему нравилась эта свежая, зудящая рана, затянувшаяся лишь после того, как Парси впала в кому, не рассчитав дозировку а-лиса.

Сначала Чипер навещал свою молодую жену каждый день, затем раз в неделю, а когда врачи сказали, что мозг ее мертв, раз в месяц. Нет, Чипер не забыл свою возлюбленную. Он просто не мог смотреть на нее такую. В своих нейронных трипах он оживлял прошлое, где Парси была такой живой, такой пылкой.

Когда врачи связались с Чипером и сказали, что страховка Парси не позволяет более продлевать ее содержание в больнице, он решил, что пришло время ставить точку.

Поздним вечером Чипер пришел в клинику и закрылся в палате Парси. Девушка лежала в кровати. Размеренно гудели аппараты жизнеобеспечения.

– Еще один трип, любовь моя, – прошептал Чипер на ухо Парси.

Он ввел ей дозу а-лиса внутривенно и включил портативный нейронный модулятор.

– Еще один трип, любовь моя, еще один, – шептал Чипер.

Нет, он ни на что не надеялся. Это был просто ритуал, после которого Чипер собирался дать врачам свое согласие отключить Парси от аппаратов жизнеобеспечения. Но все это после. Сначала будет нейронный трип.

Чипер почувствовал головокружение и лег на край кровати рядом с Парси. А-лис добрался до мозга. Реальность изменилась.

Чипер лишь однажды встречался с родителями Парси. Они жили в пригороде. У них был белый дом с невысоким забором и зеленым газоном, по краям которого росли в клумбах цветы.

Чипер почти не запомнил родителей Парси, но вот эти цветы в клумбах – красные, сочные – сейчас он снова видел их. Видела и Парси. Она стояла рядом с ним и держала его за руку.

– А я уже решила, что ты никогда не придешь, – сказала Парси.

– Это последняя встреча. – Чипер боялся взглянуть на нее, не зная, какую игру сейчас задумал с ним а-лис.

Но это не было игрой. Его разум и разум Парси стали едины. Их соединил нейронный модулятор, как это было прежде, до передозировки Парси и последовавшей комы.

– Они правда хотят отключить меня от аппаратов жизнеобеспечения? – спросила Парси, когда Чипер рассказал о том, что происходит сейчас в реальности, навсегда ускользнувшей от его возлюбленной. – А ты? Ты действительно готов разрешить им это? Готов позволить убить меня?

– У меня нет денег на твое содержание, – сказал Чипер.

– Ты стал больше принимать а-лиса?

– Нет, но если я завяжу, то денег все равно не хватит.

– Печально.

– Да. Печально.

– В таком случае можешь забрать мои сбережения.

– Я не знаю, где ты их держала.

– Потому что ты мог их потратить.

– Я знаю.

– Но теперь, когда меня не станет… – Парси наклонилась к уху Чипера и прошептала адрес банка и необходимые данные, чтобы снять деньги. Прошептала так тихо, словно боялась, что их кто-то сможет подслушать в этом нейронном трипе.

Цифр было много, и Чипер боялся, что не сможет запомнить все правильно.

– Только не трать все сразу, – попросила его Парси.

Спустя четверть часа он очнулся. Доктор Дхар хотел поговорить с ним об отключении Парси от аппаратов жизнеобеспечения, но Чипер думал лишь о том, как не забыть три десятка цифр, благодаря которым сможет снять накопленные женой деньги.

– Вы понимаете, что это всего лишь ваша фантазия? – спросил доктор Дхар, решив закрыть глаза на использование а-лиса и нейронного модулятора.

– Фантазия? – Чипер смутился, засомневался.

– Парси в коме. – Врач положил тяжелую руку ему на плечо. – Ее мозг мертв. Вы не могли общаться с ней…

Доктор еще хотел что-то сказать, но Чипер уже бежал прочь. Сомнения вгрызались в сознание, заставляя забывать полученную

от Парси информацию. Он не мог позволить себе такси, но сейчас каждая минута задержки была смерти подобна.

Последние деньги ушли на дорогу от больницы до банка. Работник в черном костюме за стойкой выслушал Чипера и проверил номер счета. Все было как во сне, как еще один нейронный трип, в котором все кажется таким реальным, несмотря на вымысел.

– Мы отключим Парси сегодня ночью, – сказали Чиперу врачи, когда он был утром в больнице.

Сотрудник банка спросил, какую сумму Чипер собирается снять со счета.

– Все, – сказал Чипер, уже представляя, как вернется в больницу и заплатит еще за один месяц продления жизни Парси. В конце концов, это ведь были ее деньги, которые сейчас сотрудник банка передал ему.

– Должно быть, это были ваши собственные воспоминания, – смущенно сказал доктор Дхар, когда Чипер вернулся в больницу с деньгами. История пугала доктора, заставляла хмуриться. – Это невозможно. Мозг Парси мертв…

– Она никогда не говорила мне, где хранит деньги, – сказал Чипер.

Доктор молчал, и Чипер не нашел ничего лучше, чем поклясться ему, что сделает все, чтобы доказать, что Парси еще жива.

26

Первый эксперимент контакта состоялся в воскресный день, когда в клинике почти никого не было, особенно на этаже безнадежно больных, не считая пары старух да молодой девушки по имени Парси. Доктор Дхар был уже немолод, и ему нужна была сенсация – так после решат газетчики, – но без этих коростных амбиций не было бы открытия. Спустя два года а-лис будет разрешен для использования в медицинских целях, а Чипер Доув станет легендой. Но вначале он просто хотел заработать и сохранить своей жене жизнь. А-лис и нейронные модуляторы изменят его мозг, что окажется еще одним побегом, из которого вырастет огромное дерево исследований. Еще трижды под наблюдением доктора Дхара Чипер будет входить в нейронный контакт с Парси Лейн, а затем, когда деньги на содержание жены иссякнут, доктор Дхар познакомит его с первым клиентом. Для истории богач навсегда останется неизвестным. Его имя будет хранить и Чипер Доув, который прежде готов был продать собственную душу ради а-лиса. Известно будет лишь, что мать богача умирала и он хотел проститься с ней. Чипер стал проводником. Газеты вспыхнули, крича о сенсации.

«А ведь эта больница в часе ходьбы от моего дома, – сказала себе Глори, прочитав одну из статей о Чипере Доуве. – Сенсация была так близко». В голове Глори буквально что-то щелкнуло, включилось. Она уже не могла сидеть на месте. Новости, сенсации. Муж и любовник отошли на второй план, остались в другом городе. Здесь все было в новинку, иначе. Здесь можно было начать новую жизнь, начать все с нуля.

Ноги сами понесли Глори к больнице, где находилась Парси Лейн. Сенсация извивалась, подобно змее, меняющей кожу, но первое потрясение, первый всплеск уже прошел. Глори видела пару второсортных журналистов, которые стояли у входа в больницу, надеясь встретиться с Чипером. Он никому не отказывал – брал деньги за интервью и уделял журналисту пятнадцать минут. Глори видела это своими глазами. Не удалось лишь разглядеть, сколько именно берет за интервью Чипер, но после развода у нее было достаточно денег, да и вряд ли третьесортные журналисты могли позволить себе платить за интервью слишком много.

– Как насчет меня? – спросила Глори, когда журналист в заношенном костюме оставил Чипера.

– А что не так с тобой? – спросил Чипер, оглядывая ее с головы до ног. – Ты не похожа на журналиста.

– Я училась на журналиста. Потом вышла замуж, завела любовника… Думаю, сейчас самое время вернуться к журналистике.

– Тогда ты опоздала. Я уже все рассказал, что мог.

– Но тебе все еще платят за интервью.

– Ты тоже хочешь мне заплатить?

– За пару часов.

– И о чем можно разговаривать пару часов? – Чипер достал сигарету, но прикуривать не стал, зажав в зубах. Глори нравилась ему. И она была совершенно не похожа на журналиста. – Позволь дать тебе бесплатный совет, – сказал он, продолжая жевать сигарету. – Купи несколько газет и прочитай все, что там обо мне написано. Так ты сэкономишь мое время и свои деньги.

– В газетах не пишут то, о чем я хочу поговорить с тобой.

– В газетах пишут обо всем.

– Они не рассказывают об а-лисе.

– Так тебе неинтересны мои способности? Неинтересно, как я говорю с мертвецами?

– Они не мертвецы. Они находятся в коме. И без а-лиса этих способностей у тебя не было.

– И что именно тебя интересует?

– Все. Когда ты начал употреблять а-лис? Когда а-лис начала употреблять Парси? А твои остальные клиенты? Может быть, они тоже когда-то употребляли нейронный наркотик?

– Выглядит как хорошая идея, – согласился Чипер.

– Я же говорю, когда-то я была журналистом.

– И ты сама никогда прежде не пробовала а-лис?

– Нет.

– Тогда ты не поймешь.

– У меня хорошее воображение.

– А-лис играет с твоим воображением, меняет тебя, – Чипер улыбнулся, надеясь, что сможет наконец-то избавиться от Глори. – Если хочешь написать о нейронных наркотиках, нужно хотя бы раз попробовать их, а ты… Ты не похожа на тех, кто готов сыграть в рулетку с а-лисом.

27

Клуб «Серая мышь» был узким и длинным. Потолки высокие. Акустика хорошая. Посетители безликие, словно манекены с одинаковыми лицами.

– Зачем мы пришли сюда? – спросила Глори, перекрикивая музыку. – Здесь невозможно разговаривать!

– Мы не будем разговаривать. – Чипер взял у нее деньги и растворился в толпе.

«Кажется, меня только что надули», – решила Глори, прождав Чипера четверть часа. Люди вокруг не замечали ее. Лишь изредка кто-то проходил рядом, задевая ее плечом, но в этой толчее не было даже извинений. «Не самое удачное начало карьеры журналиста», – кисло подумала Глори и начала протискиваться к выходу.

Чипер ждал ее на улице – стоял у стены небоскреба на другой стороне дороги и наблюдал за выходившими из клуба людьми.

– Быстро же ты сдаешься, – издеваясь сказал он, когда Глори подошла к нему.

– Я думала, ты меня кинул, – честно призналась она.

– Журналисты так никогда не говорят, – сказал Чипер, словно всю жизнь вращался в лучах славы.

Они не вернулись в клуб «Серая мышь», выбрав на узких вечерних улицах перенаселенного квартала неприметный бар для курильщиков «Смог», в дальней части которого за синей завесой сигаретного дыма находился десяток альковов, где расположился Чипер.

– Всем плевать, чем ты тут занимаешься, – сказал он Глори, устанавливая на столе нейронный модулятор. – Когда-нибудь занималась этим без а-лиса?

– А кто не занимался?!

– С а-лисом все иначе, – Чипер положил на стол красную пилюлю. – Это как сон, в реальности которого ты не сомневаешься. И никакого контроля. – Он проглотил пилюлю, запив пивом из стеклянной бутылки. – Нейронный трип, мать его, – сказал Чипер, подмигнув Глори, затем а-лис унес его из реальности.

Глори молча смотрела на красную пилюлю. Страха не было. Не было и сомнений. Скорее, пустота. Почему она ничего не чувствует? Должна чувствовать, но не чувствует? Ведь а-лис – это же наркотик, яд. А может, это именно то, что ей нужно? Доза отравы, способной помочь забыться, отвлечься? Глори взяла таблетку, которая встала поперек горла, когда она попыталась

проглотить ее. Помог лишь большой глоток теплого, отвратительно на вкус пива из бутылки Чипера. Глори не знала, сколько пройдет времени, прежде чем а-лис начнет действовать, поэтому просто подключилась к нейронному модулятору и стала ждать.

Трип подкрался к ней незаметно. Сначала она что-то почувствовала – слабое дуновение ветра, свежесть зимнего дня, озноб. Потом увидела Чипера. Он стоял под раскидистым дубом на краю старого кладбища и смотрел, как хоронят его девушку Парси Лейн. Видение было таким естественным, что Глори не сомневалась в его реальности. Как не сомневалась в реальности чувств Чипера, вливавшихся в ее мозг, словно вода из открытого крана. Она понимала все его чувства, она знала все его мысли. Он думал о девушке, гроб с телом которой опускали в землю, и об их неродившемся ребенке. Нет, в действительности Парси Лейн никогда не была беременна, но ведь грезы под а-лисом и не были действительностью.

Реальность преломлялась, и мир становился другим. Сами люди, принимавшие а-лис, становились другими. От них оставались тени. Тени в мире грез, тени в реальности, когда а-лиса становилось в крови так много, что вымысел и правда начинали сливаться. Так, по крайней мере, рассказывали об а-лисе сторонние люди. Но Чипер Доув был прав – чтобы понять, что такое а-лис, нужно самому попробовать его хоть однажды. Опыт не заменит и миллиона слов. Опыт, который сейчас получала Глори. Фантазия, игра, где ей было позволено смотреть вглубь мыслей и чувств изменившегося Чипера, курившего, прижавшись плечом к старому дубу, и думавшего о том, что если верить науке, то на сороковой день мозг ребенка в утробе матери начинает функционировать, так что, получается, хоронят в одном гробу сразу двоих. Его девушку. Его ребенка. И Чиперу остается только смотреть.

28

– Ты почему не подошел? – спрашивает мать Парси, когда все заканчивается.

Чипер курит и старается молчать, чтобы не наговорить глупостей.

– Молчишь? Ну молчи! – поливает его желчью отец Парси. – Такую девку загубил!

И вся процессия, будучи молчаливой минуту назад, вдруг жалобно начинает причитать. «Прямо психоделика какая-то», – думает Чипер.

– Беги! Беги! – кричит вдогонку отец Парси.

Чипер шлепает по лужам, забирается в проржавевшую до основания «Хонду». Движок ревет, сабвуфер качает басы. «Тупая песня! – думает Чипер. – Тупая жизнь!» Бежать прочь отсюда. Бежать в пустоту… И мир вращается перед глазами, крутится, гремит искореженным металлом.

Темнота.

Больничный запах. Чипер открывает глаза и видит красную рожу алкоголика-отца. Кто-то из друзей принес блок сигарет и пакет ананасового сока. Почему из друзей? Потому что отец никогда ничего не приносит. Лишь говорит. Говорит много и желчно. Сейчас, например, он смотрит на сына и рассказывает, борясь с похмельем, об аварии, сотрясении головного мозга, сломанных ребрах и поврежденных о сломавшееся рулевое колесо гениталиях Чипера.

– Мать Парси сказала, что это тебя Бог наказал, – хихикает он.

– Что с машиной? – спрашивает Чипер.

– Нет больше машины, – отец открывает блок сигарет, принесенный его сыну друзьями. – Я возьму пару пачек? – спрашивает он перед тем, как уйти.

Чипер молчит, глядя в пустоту, густую, непроглядную темноту. И все это видит Глори, чувствует, проживает жизнь Чипера так, как если бы это была ее собственная жизнь. Но потом, когда она привыкает к этой роли наблюдателя, а-лис делает свой ход, превращая Глори в медсестру, когда-то учившуюся с Чипером в одной школе. «Так вот почему я так хорошо знаю его», – думает Глори, проводя с другом детства долгие ночи во время своего дежурства.

– Знаешь, – осторожно начинает Чипер, – отец сказал, что у меня, ну… – он смотрит на свой пах под одеялом.

Глори растерянно хлопает глазами, затем вспоминает о

травме гениталий.

– Да все нормально! – улыбается она.

– Правда?

– Я сама видела, что все нормально, – говорит Глори, и а-лис заставляет ее верить, что она действительно видела гениталии Чипера.

Чипер шумно выдыхает и притворно вытирает ладонью пот со лба. Они сидят на его кровати и тихо смеются, стараясь не разбудить соседей по палате, а а-лис уже рисует следующий день и мать Парси, которая приходит к Чиперу. Она достает из пакета фотографию дочери в стеклянной рамке и ставит на прикроватную тумбу потенциального зятя.

– Вот, – говорит она, – хочу, чтобы ты смотрел и страдал.

– Почему бы вам не сделать то же самое? – спрашивает Чипер и чувствует, как на лицо летят слюни потенциальной тещи.

Она кричит, не скупясь на мат. Что-то об институте. Что-то о гнилых гениталиях Чипера, сделавших ее дочери ребенка. Что-то о его семье. И что-то о нем самом. Все негативное и безнадежное. Все глухое к презумпции невиновности. И мысли путаются. Мысли Глори.

Она видит Чипера в ночной палате. Видит его одиночество. «На что я надеялся? – думает он, вспоминая Парси. – На что, интересно, мы оба надеялись? Нужно было выбрать какую-нибудь прокуренную крашеную блондинку из соседнего цеха, а не эту ухоженную, наманикюренную, с планами на будущее и перспективами».

Он вспоминает отца.

– Она бросит тебя, – сказал он сыну.

– Она любит меня, – сказал Чипер.

– Ты безнадежное дерьмо.

– Все будет хорошо.

«Чертов спор, в котором старый алкоголик оказался прав, – думает Чипер. – Мать Парси была права. Я убил свою мать, появившись на свет. Я убил Парси, подарив ей ребенка».

– Никто не позволит ей рожать, – сказал отец.

– Это мы еще посмотрим, – сказал Чипер.

– Особенно от тебя.

– А чем я плох?

Чипер смеется. Идиоты! Какие же они были с Парси идиоты!

Он разбивает стеклянную рамку на фотографии и делает то, что сделала Парси. И совсем не больно. Главное – не думать о венах и сухожилиях. Просто резать. Глубже и глубже. Снова и снова…

– Ты правда идиот! – говорит Глори на следующий день. –

Кто тебе даст умереть в больнице?!

Она ставит на прикроватную тумбу пакет с фруктами. Чипер глуповато улыбается, чистит апельсины здоровой рукой и кормит Глори дольками, сок которых течет у него по пальцам.

– Да я же не себе все это покупала! – смеется Глори.

На какое-то время Чипер забывает Парси и вспоминает школу.

– Ты мне всегда нравился, – говорит Глори, зная, что сейчас он разглядывает ее как женщину, а не как медсестру, пришедшую поднять настроение. – Я сегодня снова в ночь. Если не уснешь, то зайду.

– Заходи, – говорит Чипер и тупо пытается убедить себя, что это просто дружба.

Дружба, даже когда Глори целует его. Она чувствует его дыхание и видит его мысли. Он думает о том, что у нее мягкие губы и наглый язык – совсем не похожа на Парси. Его руки скользят под белый халат Глори, и снова он сравнивает ее с Парси. Сравнивает наощупь.

– Нас увидят! – шепчет Глори, пытаясь разглядеть в темноте лица других пациентов в палате.

– Все уже спят, – говорит Чипер, борясь с возбуждением и болью в пострадавших гениталиях.

– Очень больно?

– Терпеть можно, – он улыбается, опуская руку все ниже и ниже.

– Не надо, – говорит Глори, убирая его руку.

– Думаешь, я ни на что не годен? – спрашивает Чипер.

– Думаю, нужно немного подождать. – Глори заглядывает ему в глаза, надеясь не увидеть там обиды. – Совсем немного подождать, – просит она, считая, что после смерти Парси Чиперу нужно время, чтобы забыть, собраться. Да и ей самой нужно время. Совсем немного. Может, пара дней. Хотя бы пара дней…

– Нужно кое-что проверить, – говорит Чипер неделю спустя.

Он еще хромает, но уже выходит в коридор. Они запираются с Глори в мужском туалете. Она не помнит, как оказалась здесь, лишь видит закрытый изнутри замок, чувствует запах хлорки. Но сомнений нет.

– Мне кажется, у меня там что-то не работает, – говорит Чипер, указывая глазами вниз.

– Где не работает? – подыгрывает ему Глори.

– Там, – мнется Чипер.

– Ну, давай посмотрим, – говорит Глори, упиваясь его смущением.

Чипер спускает штаны и ждет. Глори улыбается и тоже ждет.

29

Нейронный трип закончился, но Глори еще видела, как Чипер ведет ее к своему отцу, видела его квартиру, слышала скрип кровати, храп отца Чипера, который спит пьяный в соседней комнате. Это было так, словно она проснулась, но сон еще висел на глазах, рисуя нереальный мир грез.

– А ты неплохо целуешься, – сказал Чипер.

– Правда? – Глори улыбнулась, находясь на грани реальности и трипа.

– И все остальное… – Чипер помрачнел, вспомнив о Парси, которая в этой реальности лежала в больнице.

– Я старалась, – сказала Глори, пытаясь прийти в себя после трипа.

– Только не думай, что теперь знаешь меня. Это лишь наша фантазия и а-лис.

– Я понимаю.

– Это хорошо. – Чипер закурил, предложил сигарету Глори, но она отказалась.

Не пройдет и месяца, как Глори начнет курить, но тогда она еще не знала об этом. Не знала она и о том, что а-лис станет частью ее жизни. Сначала появятся сны наяву, избавиться от которых поможет лишь новая доза нейронного наркотика, затем Глори решит, что принимать один-два раза в неделю а-лис не так и плохо. Особенно принимать его с Чипером. Он был старше ее на год и поэтому совершенно не напоминал оставшихся в прошлом любовника и мужа.

Клод Маунсьер был старше ее на порядок, а Жан Мерло… Жан Мерло был просто хорошим любовником, не имеющим перспектив на будущее. На их общее будущее. Хотя за его карьерой Глори следила. Она хотела стать журналистом, а Мерло был единственным журналистом из тех, кого она знала. Он стал соперником, конкурентом, и когда в печать вышла его знаменитая статья о детективе Хинде Соркин, у Глори началась депрессия, вызванная шумихой успешного расследования бывшего любовника. И все это время Чипер Доув был рядом – этот пылкий любовник из нейронных трипов, ни разу не прикоснувшийся к Глори в реальности.

– Трип – это трип, жизнь – это жизнь, – говорил он, напоминая о том, что его жена лежит в больнице.

– Жена в коме, – ворчала Глори.

Но именно передозировка Парси и послужила началом ее тернистой дороги к славе. Почему эта девушка, принимавшая а-

лис уже не первый год, решила убить себя? Сколько она приняла пилюль? Пять? Шесть? Втайне от Чипера Глори встретилась с лечащим врачом Парси.

Доктор Ситна был высоким (низкорослой Глори он казался просто гигантом), с копной густых черных волос, схваченных на висках сединой. Ему было около пятидесяти лет. Холост, но был дважды женат. Последней жене достался загородный дом. Коллекцию ретроавтомобилей доктор Догар Ситна сумел сохранить. Люди говорили, что эти автомобили Ситна любит больше, чем двух сыновей от первого брака и шестигодовалую дочь от второго. Еще люди говорили, что доктор любит готовить, и если у него когда-нибудь заберут лицензию врача, то он с успехом найдет себя в роли повара в любом ресторане. У доктора были крохотные усики, которые он отрастил по просьбе одной из любовниц, появившихся между первым и вторым супружеством. Эту женщину звали Промила Лал, и именно ее доктор Ситна видел второй женой. Он потратил на нее добрую треть своих сбережений, а потом она забеременела от другого любовника и при личной встрече рассказала Догару Ситне, что кроме него у нее есть еще три любовника, состояния которых значительно превышают состояние доктора. Глори удивилась, узнав, что доктор и Промила остались друзьями, продолжая поддерживать отношения. Возможно, доктор все еще любил эту женщину. Иначе зачем он продолжал носить эти тонкие усики, превращавшие его в актера зари кинематографа?

Все это Глори изучила, готовясь ко встрече с доктором. Нет, с ним она не может назваться журналистом. Просто женщина. Одна из многих, что окружали доктора. Глори узнала название ресторана, где проводил вечера Догар Ситна.

30

«Святой Игнатий» был дорогим, но не вычурным заведением. Глори могла позволить себе находиться здесь, а вот Чипер, тративший почти все деньги на содержание Парси в больнице и алис, нет. Да Глори и не хотела, чтобы здесь рядом с ней был Чипер. Он будет только мешаться. Ведь доктор Ситна мужчина. «Почему бы и нет? – думала Глори, стреляя в сторону доктора хищным взглядом. – Что плохого, если я воспользуюсь тем, что я женщина?» Но доктор словно и не замечал ее. «Неужели в свои пятьдесят он потерял интерес ко всем этим радостям?» – злилась Глори.

Ближе к вечеру она засомневалась в правильном выборе платья. «Может быть, оно слишком открытое? А косметика? Не похожа ли я на шлюху? Но разве не именно это и нравится мужчинам? Бывшим мужу и любовнику нравилось. Нравились все эти платья. Нравилось все, что под ними. А этот доктор…» Если бы он не был два раза женат, если бы у него не было детей, то Глори могла бы убедить себя в его нетрадиционной ориентации, но так… Так она могла усомниться только в своих чарах. Усомниться настолько сильно, что стала чувствовать себя неполноценной. Ее бросил муж. От нее отказался любовник. Два мужчины, которым она отдала всю себя. Они любили ее, но потом… она осталась одна.

Вернувшись домой, Глори позвонила Клоду Маунсьеру и спросила, почему он бросил ее.

– Ты что, пьяна? – спросил Клод Маунсьер.

– Трезвая как никогда.

– Тогда какого черта звонишь мне?

– Хочу знать, почему ты отказался от меня? Стоило мне один раз изменить тебе, и ты был счастлив избавиться от меня. Скажи, Мерло ведь был для тебя просто причиной, верно? Ты думал о разводе давно. Сколько женщин было у тебя, когда мы были женаты? Неужели одного моего проступка было достаточно, чтобы не суметь простить? Ведь если кого-то любишь, кем-то дорожишь, то готов прощать и… – Глори замолчала, поняв, что бывший муж повесил трубку. – Ну и черт с тобой, – буркнула она и позвонила Жану Мерло.

Трубку сняла Лизель Хейвлок и сказала, что Мерло не живет с ней.

– Удивлена, что ты не подобрала его, – сухо добавила Лизель. – Хотя вряд ли ему сейчас нужен кто-то твоего калибра.

– Моего калибра? – опешила Глори, но самооценка уже и так

упала ниже некуда.

– Успокойся, соберись с мыслями, реши, что для тебя важно, и найди кого-нибудь третьего, – дала Лизель дружеский совет, и голос ее был настолько спокойным и мягким, что Глори стало тошно от этого заботливого тона.

«Пошла к черту!» – хотела сказать она, но вместо этого лишь осторожно повесила трубку, чувствуя, что начинает задыхаться.

Нужно было переодеться, смыть макияж, может быть, выпить бокал вина или бутылку пива… Глори замерла, увидев оставленную Чипером пачку сигарет. Они лежали на стеклянном столике рядом с бронзовой пепельницей, в которой корчились несколько окурков. Таким же скрюченным, смятым, раздавленным окурком сейчас ощущала себя и Глори. И эта пачка сигарет… Почему-то она казалась Глори разделительной чертой между прошлой жизнью и настоящей. В прошлой у нее был зрелый супруг, деньги, молодой любовник. Причем и муж, и любовник любили ее, желали ее, боялись потерять. А сейчас… Сейчас у нее был доктор Ситна, плевавший на то, как сексуально она выглядит. Был Чипер, занимающийся с ней любовью только во время совместных нейронных трипов. И еще у нее была эта наполовину пустая пачка сигарет, рядом с которой лежала красная зажигалка с черным иероглифом счастья.

Не пройдет двух месяцев, и Глори сделает себе татуировку этого иероглифа. Не пройдет двух месяцев, как все изменится. Но сейчас были лишь отчаяние, заниженная самооценка, сомнения и полупустая пачка крепких сигарет Чипера.

– А почему бы и нет? – проворчала Глори.

Она открыла пачку, выудила из нее сигарету и неловко обхватила губами, невольно вспомнив теорию психосексуального развития Фрейда. Но разве сам старик Зигмунд не был заядлым курильщиком?

Глори взяла зажигалку. Щелкнул пьезоэлемент. Вспыхнул желтый язык пламени, едва не подпалив Глори челку. Сколько лет она не курила? Пять? Десять? А сколько курила? Один раз? Два? Сейчас Глори не помнила, в каком классе это было. Она поднесла зажигалку к сигарете, затянулась. Едкий дым заполнил легкие – такой же едкий, как и вся жизнь. Глори спешно выдохнула и тут же затянулась снова. Ее не тошнило, голова не кружилась. Странно, но чувствовала она себя так, словно курила всю жизнь. «Может быть, это какие-то неправильные сигареты?» – подумала она, попыталась отыскать надпись о содержании смолы и никотина, снова открыла пачку, достала еще одну сигарету. «Все это очень странно». Глори нахмурилась, поджала губы, увидев на дне пачки красную пилюлю а-лиса. Либо Чипер забыл

ее здесь случайно, либо знал, что Глори закурит и найдет пилюлю.

– Нейронный трип в одиночку может быть не самым приятным, – сказал когда-то Чипер. – Но рано или поздно каждый, кто принимает а-лис, остается в одиночестве и решается включить модулятор.

– Вот и я сейчас одна, – прошептала подавленно Глори. – Совсем одна.

Она настроила модулятор и проглотила пилюлю, запив пивом, надеясь, что времени хватит, чтобы выкурить еще одну сигарету, хотя сознание уже неслось прочь из реальности, оставив лишь запах сигаретного дыма в грязной, прокуренной комнате, совершенно не похожей на ту, где жила в действительности Глори, но а-лис подменял воспоминания и принципы.

31

Смех. Далекий, знакомый. Смех Жана Мерло, ставшего кем-то другим, сохранив черты оригинала. И еще один голос. Слов не разобрать, но Глори знает, что этот голос принадлежит бывшему мужу – такому же нереальному, как и бывший любовник. И есть еще Чипер, но где-то совсем далеко среди кафеля и запахов хлорки грязной ванной комнаты. Чипер из прошлого. Еще совсем мальчишка, которому только предстоит подсесть на а-лис, жениться на Парси и стать знаменитостью, обнаружив в себе способность общаться с помощью нейронного модулятора с находившимися в коме людьми.

И во всем этом трипе Чипер, пожалуй, был самым реальным, самым настоящим, потому что Жан Мерло и Клод Маунсьер не имели своего будущего. Глори не знала, каким оно будет. Не знала она и что ждет в будущем ее. Сейчас была только эта убогая, прокуренная квартира, скрип старого дивана, гнилостные запахи и большой знак вопроса касательно своего будущего. Да и не только будущего. Прошлое тоже было странным, измененным. Не было любящего отца и заботливой матери. Не было школы, где Глори всегда была одной из лучших, как не было факультета журналистики. Лишь пустота и отчаяние, к которому Глори успела привыкнуть. Никчемность, злость, безнадежность, бесцельность.

Осталось лишь понимание того, что Клод Маунсьер – первый мужчина в ее жизни. Только теперь это случилось уже не в институте – намного раньше. И не было у Клода ни собственного клуба, ни денег. Сохранился лишь старый «Магнум» под кожаной курткой, сменившей дорогой пиджак. Клод овладел телом Глори, когда она была подростком. Клод – сутенер. И сейчас… он все еще приводил к ней клиентов.

Жан Мерло и Чипер Доув стали братьями, молодыми клиентами, которых привел к Глори Клод. Они приехали из богом забытого города в мегаполис и хотели веселиться. А Клод… готов был продать часть этого веселья. Продать Глори. И кажется, что так было всегда. Было, есть и будет. И что самое странное, Глори любила Клода, потому что он заботился о ней. И все казалось правильным, естественным, единственно возможным вариантом жизни.

Следом за сформированным а-лисом прошлым Глори почувствовала, как формируется ее тело, чувства, эмоции. На мгновение она стала слепцом, который может лишь осязать. И первым, что она почувствовала, был Клод. Затем появился скрип

старого дивана, возможность сделать первый вдох в этом новом мире. Ладони на плечах Клода. Колени на протертой обивке. Движения бедер. Капельки пота по обнаженной груди. Лицо Клода, уставившегося на Глори снизу вверх. Жан Мерло, развалившийся в прожженном тысячью сигарет кресле, наблюдая за соитием сутенера и проститутки.

Глори старается, стонет, зная, что это заводит клиентов. Она слышит свой собственный голос, свое тяжелое дыхание, словно дыхание собаки после длительной гонки за кошкой, коих в этом районе так много, что бездомные давно пустили их в пищу. Глори слышит, как щелкает зажигалка Жана Мерло. Трещит, разгораясь, табак сигареты. «Нужно завести его», – думает Глори и начинает энергичнее скакать на Клоде Маунсьере… Мерло не двигается. Глори слышит лишь, как трещит сигарета, когда он жадно затягивается. «Ему нравится смотреть», – понимает Глори, оборачивается и смотрит на молодого Мерло.

– Любишь подглядывать? – спрашивает она.

Мерло пожимает плечами.

– Можешь подойти и потрогать, – сбивчиво, не желая снижать заданный темп, говорит Глори. – Можешь подойти и присоединиться.

Мерло жадно затягивается сигаретой и поднимается с кресла. Глори видит со стороны свои собственные белые ягодицы, которые лихо скачут вверх-вниз, слышит, как блюет в ванной Чипер. Мир сжимается. Руки Клода до боли сжимают бедра Глори. Короткие, толстые, как сардельки, пальцы оставляют красные отпечатки на бледной коже.

– Не стесняйся, – обращается Глори к Жану Мерло.

Его рука касается ее покрытой капельками пота поясницы. Глори закрывает глаза и шумно выдыхает…

– Это неправильно, – слышит она далекий голос вернувшегося из ванной Чипера, ставшего в этом трипе младшим братом Мерло. – Если нравятся извращения, то почему бы не использовать нейронный модулятор?

– Да кому нужен твой нейронный модулятор? – смеется Клод Маунсьер. – Модулятор годится лишь для детей. Здесь же все по-настоящему, по-взрослому.

– Можно использовать а-лис, – говорит Чипер.

– А можно просто снять штаны и сделать то, что должен сделать, – говорит Мерло.

– Хватит ныть, парень, – поддерживает его Клод Маунсьер. – А-лис убивает людей, а здесь сама мать-природа раздвигает перед тобой ноги. Кто устоит? – он хмурится, кривит губы. – Или тебе нравятся мальчики?

– Пошел ты!

– А выглядишь так, словно нравятся.

Клод улыбается, заставляя Чипера краснеть. Шутка нравится Мерло, и он смеется над братом вместе с сутенером. Это длится пару долгих минут, затем Чипер уходит. Хлопает входная дверь.

– Вот слизняк! – злится Мерло. – Эй, я пришел сюда только ради тебя! – кричит он Чиперу.

– Может, закончим без него? – предлагает Клод Маунсьер.

– Я что, похож на человека, который платит за секс? – хлопает глазами Мерло.

– Значит, нужно вернуть твоего брата, – улыбается Клод, работая по программе «клиент всегда прав». – Иди, догони мальчишку, – говорит он Глори.

Она слезает с него. Диван жалобно скрипит под коленями. Босые ступни шлепают по грязному потрескавшемуся линолеуму. Теперь открыть дверь. Бетонный пол в подъезде холодный и неровный. Мелкие камни попадают под пятки, причиняют боль. Третий этаж, второй, первый.

Глори выходит на улицу. Чипер стоит, прижавшись спиной к стене дома.

– Я не вернусь, – говорит он Глори.

Она кивает. Молчание. Где-то рядом гогочет компания полицейских. Татуированный подросток, спрыгнув с крыши, распластался на дороге, забрызгав клумбы с увядшими цветами кровью, мозгами и слизью лопнувших глазных яблок. Остальные подростки стараются держаться в тени. Ночь светлая, тихая, если не считать далеких сирен скорой помощи. Красные мигалки разрезают мрак, освещают небо. Глори видит все это, но воспринимает так, как если бы этот мир окружал ее каждый день. Ничего неестественного. Даже ее нагота – на Глори нет одежды, если не считать пачки сигарет и бумажных спичек в руке. И ничего лучше, чем предложить сигарету Чиперу, не приходит на ум. Он смотрит на пачку сигарет, качает головой и говорит, что не курит.

– Когда-нибудь начнешь, – заверяет его Глори.

– Я знаю, – говорит Чипер.

Полицейские возле изуродованного тела подростка вспоминают недавний вызов в этот район.

– Старик умер, а соседи заметили запах только через две недели, – говорит один из полицейских. – У него был кот, и когда мы выбили дверь, оказалось, что кот с голоду съел своему хозяину половину лица.

Молодой полицейский показывает коллегам запись случившегося, продолжая комментировать детали, но Глори уже

не слышит его – голос утонул в сирене подъехавшей неотложки.

– Куда спешим? – гогочут полицейские, когда из машины выходит врач.

В сиянии мигалок Глори узнает в нем доктора Догара Ситну. Крепкий, импозантный, с выбеленными сединой волосами на висках, он выглядит каким-то нереальным в этом ночном мире, стоит над изуродованным телом подростка и в какой-то прострации проверяет его пульс, затем говорит, что парень мертв.

– Кто-нибудь принесет носилки? – спрашивает доктор Ситна. – Эй! – кричит он водителю в неотложке, но никто не слышит его, и доктору приходится все делать самому.

Он достает из неотложки носилки, катит их к изуродованному телу подростка. Одно из колес носилок останавливается в луже густой и черной крови, расползающейся под подростком. Теперь поднять не успевшее остыть тело. Доктор пытается уложить подростка на носилки. Подходит с одной стороны, с другой.

– Поможет мне кто-нибудь или нет? – теряет он терпение, но его снова никто не слышит. Никто кроме Глори.

Она подходит к доктору, стесняясь своей наготы и крепче сжимая в руках пачку сигарет, словно пытаясь прикрыться ей.

– Почему вы голая? – спрашивает доктор Ситна, заставляя краснеть сильнее.

И еще Глори видит руки доктора – они испачканы кровью подростка.

– Берите тело под мышками, а я понесу его за ноги, – говорит где-то далеко Чипер Доув.

Глори отходит в сторону. Доктор и Чипер поднимают подростка, укладывают на носилки и катят к неотложке.

– Поедешь с нами или останешься здесь? – спрашивает Чипер, помогая доктору пристегнуть тело к носилкам.

– А куда ехать? – спрашивает Глори, понимая, что стоит босыми ногами в луже крови разбившегося подростка.

– В больницу.

– В больницу? Наверное, нет.

– Ну как хочешь, – говорит доктор Ситна и закрывает двери неотложки.

Гудит мотор, машина срывается с места.

– Я хочу, – тихо говорит Глори, искоса поглядывая в сторону полицейских, которые умолкли, разглядывая ее. – Я хочу поехать с вами, – говорит она доктору Ситне и Чиперу, не надеясь, что они услышат ее, но они слышат.

Машина останавливается. Двери снова открыты. Глори бежит к ним, оставляя за спиной кровавые следы. Чипер протягивает

руку, помогает забраться. Неотложка снова срывается с места. Гул мотора и шум дороги. Сбивчивый разговор о проституции. Антисептические салфетки, которые доктор Ситна протягивает Глори, чтобы она протерла руки. На его собственных руках блестит свежая кровь разбившегося подростка.

– Не нужны мне эти салфетки, – говорит Глори. – Я не заразная.

– Откуда ты знаешь? – спрашивает Чипер.

– Просто знаю и все.

– Нейронные проститутки, может, и знают – у них все не по-настоящему, а ты самая обыкновенная, и у тебя все реально. Знаешь, как много в мире скрытых инфекций? – спрашивает Чипер и смотрит на доктора Ситну.

Доктор согласно кивает.

– Ректальная гонорея, – говорит он отстраненно, словно читает студентам утомившую его лекцию. – Бактерии инфицируют слизистую и кишечник. Выявляется при помощи мазка слизистой или анализа крови. Лечится препаратами…

– Ничего такого у меня нет, – отмахивается Глори.

– Герпес, – продолжает доктор, не слыша ее, – проявляется в виде специфических язв на месте инфицирования, иногда в виде мышечных болей и усталости. Передается при контакте с кожей, поэтому презерватив не поможет. Вылечить герпес полностью невозможно, есть лишь противовирусные препараты.

– Да ладно вам!

– Сифилис вызывается бактерией, которая проявляется через две-четыре недели в виде язвы на месте проникновения возбудителя. Иногда сифилис проявляется в виде сыпи, воспаления лимфоузлов и симптомов, похожих на простуду…

Глори открывает рот, чтобы вставить слово, а доктор говорит о кондиломах – остроконечных или похожих на цветную капусту образованиях. Гепатит A, B, C, кишечные инфекции…

– Ладно, давай сюда свои салфетки, – сдается Глори.

32

Запрограммированный на два часа работы нейронный модулятор выключился, оборвав трип. А-лис подменял понятия и ощущения, но долгий день, проведенный в реальности, приносил сон. Рваный и разрозненный, он совершенно не был похож на нейронный трип. Хотя последний трип тоже не нравился Глори. Особенно то, в кого он ее превратил. «Почему именно проститутка? – думала она, вспоминая, кем были ее бывший муж и бывший любовник. – А Чипер? А доктор Ситна? Нет, все как-то неправильно. Неправильно в нейронном трипе, неправильно в реальности. Весь этот мир неправильный, противоестественный». Глори подумала, что было бы неплохо забраться на крышу небоскреба и спрыгнуть, как тот подросток из трипа…

– Бывает и хуже, – сказал Чипер на следующий день. – Одиночные трипы сложнее контролировать. Когда ты делаешь это вдвоем или втроем, нейронный модулятор использует информацию из головы каждого участника, пытаясь найти что-то общее, а когда ты один… Когда ты один, модулятор может создать для тебя все что угодно. Его сдерживает лишь наша фантазия… А фантазия бывает крайне сложной и громоздкой. Поэтому мы зачастую и молчим, предпочитая держать свои фантазии в голове, потому что так они не выглядят настолько безумными, как если попытаться рассказать о них кому-нибудь.

Чипер достал две красные пилюли а-лиса и потянулся к нейронному модулятору, чтобы настроить на двоих.

– Нет, – остановила его Глори, взяв за руку. – Хочу досмотреть свой трип.

– У тебя депрессия.

– Плевать. Просто хочу увидеть, что будет дальше.

– Это ведь вымысел. Какая разница, что будет дальше?

– Может, для тебя и нет разницы, а для меня есть. – Глори бездумно погладила большим пальцем кисть Чипера, на которой отчетливо выделялись синие вздувшиеся вены. – Пожалуйста. Просто побудь рядом и, когда закончится трип, не дай мне спать. Не хочу вспоминать трип во сне.

– Не самая хорошая идея.

– Мне это нужно, Чипер.

– Ради чего?

– Не знаю, но… – Глори заглянула ему в глаза. – Это словно мой внутренний мир, мое восприятие жизни, в котором я не могу признаться себе на трезвую голову.

– Это всего лишь а-лис.

– Плевать. – Глори взяла у Чипера красную пилюлю и проглотила, запив принесенной Чипером минеральной водой. – Сейчас этот трип для меня как прошлое без обертки. Понимаешь? Прошлое без обертки…

33

Глори вернулась в ресторан «Святой Игнатий» спустя две недели, надеясь, что доктор Догар Ситна уже забыл о девушке, стрелявшей в его сторону любопытным взглядом. Изменилось ли что-то в ее жизни за эти две недели? Нет. Осталось ли что-то прежним? Нет. Мир а-лиса позволял делить жизнь на две части, две реальности. В одной из них Глори была бывшей женой владельца клуба «Фиалка», любовницей журналиста по имени Жан Мерло, молодой, взбалмошной… В другой жизни Глори могла быть кем угодно. Особенно когда рядом находился Чипер Доув. Хотя сам Чипер говорил, что дело не в нем, а в компании.

А-лис лучше принимать с другом. Но Глори думала, что, возможно, тот мир, куда они попадают с Чипером, как-то отличается от тех миров, в которых она окажется с кем-то другим. Ведь Чипер был особенным. Он мог говорить с мертвецами. Люди умирали, не приходя в сознание, а Чипер был способен связаться с ними. Глори видела, как он это делает.

Старухе было девяносто пять лет. Тело сморщенное, кожа желтая. Последние два года жизнь в ее теле поддерживали машины. Старуха была богата, и родственники заплатили Чиперу, чтобы он узнал, оставила старуха завещание или нет. Официальных бумаг не было, но старуха сказала Чиперу, что завещает все деньги местному художественному музею. Администрация города, узнав об этом, обратилась в суд, пытаясь доказать свои права, утвердить метод Чипера Доува. Тяжба обещала быть долгой, но в случае удачного завершения зарплата Чипера должна была подскочить в десятки раз. Он станет языком закона, лицом смерти, говорящей из загробного мира. И это обещало стать еще одной сенсацией, которую Глори надеялась не упустить. Ради этого можно было отложить печаль и депрессию в дальний ящик, взяв инициативу в свои руки. Поэтому Глори и отправилась снова в ресторан «Святой Игнатий».

Дождаться доктора Ситну, проявить инициативу, завести разговор. Главное, чтобы доктор снова ужинал в одиночестве, никого не ждал. А еще лучше, чтобы ресторан был забит под завязку и Глори смогла сесть с доктором, сославшись, что не смогла найти свободное место. И не употреблять перед этим а-лис! Не нужно, чтобы доктор счел ее проституткой-наркоманкой, в которую она превращается, когда употребляет а-лис в одиночку.

– У меня ведь не будет ломки? – спросила Глори Чипера, отказавшись от а-лиса за три дня до встречи с доктором Ситной.

– Ломки не будет, – сказал Чипер. – У тебя могут начаться

сны наяву.

– Думаю, я еще не успела так сильно подсесть, – отмахнулась Глори.

Именно об этом она думала, когда ждала доктора в ресторане «Святой Игнатий», заказывая четвертый коктейль за вечер. У барной стойки можно было курить, и Глори держалась там, опорожняя пачку сигарет так быстро, что еще до того, как пришел доктор, ей пришлось покупать новую.

– Живете где-то поблизости? – спросил бармен.

Он был молод, худощав и управлялся с шейкером с такой ловкостью, что его действия приковывали к себе взгляд.

– У тебя ловкие руки, – подметила Глори, не желая отвечать на вопрос бармена.

Они обменялись парой улыбок и ничего не значащих фраз. Когда в ресторане появился доктор Ситна, Глори докуривала последнюю сигарету в своей пачке.

– Дать вам новую? – спросил бармен.

Глори отказалась. Она наблюдала за доктором пару минут, затем решила, что искать случайной встречи бессмысленно. Проще подойти к нему и спросить напрямую, что он думает о способности Чипера. Тем более что он ведь не знаменитость. Он просто врач, которому должно льстить внимание, а не раздражать.

– Так вы журналист? – удивился Догар Ситна, когда Глори озвучила ему свои планы. – Вы не похожи на журналиста, – доктор нахмурился.

– Я начинающий журналист, – Глори устало улыбнулась. – Училась три года, потом встретила кое-кого, вышла замуж, снова встретила кое-кого, развелась, переехала в другой город… В общем, все как у всех.

– Ну, не у всех…

– Разве у вас это было как-то иначе?

– Не все похожи на меня, – доктор улыбнулся. – У меня есть друг, который женат двадцать лет и не думает о разводе.

– Мне кажется, в наши дни это редкость.

– Да.

– Хоть статью пиши о супружеской верности.

– Все зависит о того, на чем вы специализируетесь.

– Да ни на чем я еще не специализируюсь. Просто пришло время что-то менять в жизни, а ничего другого я не умею. По крайней мере, на журналиста я училась, а все остальное… Вот вы бы смогли стать кем-то другим кроме врача?

– Я пытался быть мужем. Дважды пытался.

Они рассмеялись, потом снова обменялись парой шуток и

снова рассмеялись.

34

Когда у Глори начались сны наяву, время подходило уже к полуночи. Она услышала далекий крик и невольно начала озираться.

– Что-то не так? – спросил доктор Ситна.

Глори заставила себя улыбнуться. Крик повторился, но на этот раз за ним последовал звук, похожий на то, как падает на пол арбуз. Глори увидела, как с крыши ресторана спрыгнул татуированный подросток из ее нейронных трипов. Его голова ударилась об асфальт и лопнула. Кровь забрызгала ботинки прохожих. Глаза, выскочив из черепа, повисли на пучках нервных окончаний. Глори словно была там – на улице – и одновременно была здесь – за столом в ресторане.

– Это а-лис, да? – мгновенно догадался доктор, но презрения в его голосе Глори не услышала. – Как давно вы принимаете его?

– Пару недель.

– В одиночку или с кем-то?

– С Чипером, – она заглянула доктору в глаза. – С тем самым Чипером, жена которого лежит в вашей больнице.

– Понятно.

– И что вы думаете об этом?

– Думаю, что в одиночку а-лис принимать намного хуже, чем с кем-то.

– Так вы тоже пробовали его? – попыталась догадаться Глори, уже видя свою сенсационную статью о докторе-наркомане, но Ситна покачал головой.

– Одна из моих любовниц принимала а-лис.

– Она была молода?

– Да.

– Как я?

– Возможно, моложе.

– Так вам нравится молодость?

– Мне нравится способность мечтать, а с годами люди уже не могут мечтать.

– Вы тоже не можете мечтать?

– Я врач. Мне нужно быть прагматиком.

– Зачем же тогда мечты?

– А зачем вы начали принимать а-лис?

– Сначала было любопытство, потом хотела просто забыться, отвлечься.

– Вы могли ограничиться нейронным модулятором.

– Это совсем другое. Нейронный модулятор сохраняет твою

личность во время трипа. А-лис же меняет абсолютно все.

– Есть много хороших программ, которые позволяют отдохнуть, не теряя свою целостность.

– И какие, например? Только не говорите о программах тибетской релаксации. Никогда не понимала людей, которым отдых приносят благовония и песнопения.

– Нет. Я и сам не особенно понимаю идею релаксации. Мне больше по душе коллективные программы, когда кроме тебя к нейронному модулятору подключен кто-то еще, кто-то реальный. Это придает пикантности.

– Как нейронное порно?

– Если только в режиме онлайн.

– Ого! И вы действительно пробовали это?

– Я взрослый мужчина.

– Говорите так, словно боитесь, что я напишу об этом.

– Не о чем писать. Ни одна из программ, которыми я пользуюсь, не запрещена законом.

– Ну, можно всегда увидеть в этом эстетическую сторону вопроса.

– Например?

– Многим пациентам может не понравиться, что их врач – любитель нейронного порно.

– А многим издателям может не понравиться, что их журналист – наркоман.

– Я не наркоман! – спешно тряхнула головой Глори, и тут же, словно издеваясь над ней, мозг выдал пару далеких, нереальных криков.

– Могу я узнать, кем вы становитесь, принимая а-лис? – осторожно поинтересовался доктор Ситна.

– Зачем вам?

– Просто любопытство.

– Невозможно понять а-лис, пока ты сам его не попробуешь.

– Я не хочу понимать а-лис, я хочу понять вас.

– Меня? Почему?

– Просто любопытство.

– А я не слишком стара для вас?

– А я для вас?

– Нет.

– Вы тоже не стары для меня.

– Вот как? – Глори растерянно хлопнула глазами, слыша далекие, нереальные стоны. – Кажется, только что мы обменялись парой комплиментов.

– Это плохо?

– Я не знаю. Наверное, нет.

– Значит, ничего страшного не случилось, – доктор улыбнулся и осторожно укрыл ладонью лежавшую на столе руку Глори.

35

Квартира Ситны была просторной и по-мужски вычурной. Такими же вычурными были и его намерения. Сны наяву отступили, и теперь Глори могла отвлечься от а-лиса, подыгрывая Догару Ситне в его сухих, шаблонных ухаживаниях, все дороги которых вели в спальню. Глори уже видела в своем воображении большую кровать доктора, тяжелые шторы на окнах. Но вместо спальни после бутылки вина и пары часов шаблонных комплементов Ситна достал нейронный модулятор. Не хватало только а-лиса. Хотя Глори когда-то занималась любовью с Мерло и без а-лиса, используя модулятор, чтобы обострить чувства. Они разбегались по причалу жизни и ныряли с головой в нейронное море фантазий.

– Если, конечно, ты не против, – сказал доктор Ситна, заглядывая Глори в глаза.

Она пожала плечами. Он заметно посветлел.

– И давно ты подсел на подростковые развлечения? – спросила Глори.

– Это не подростковые развлечения. Я ведь не занимаюсь этим в одиночку.

– Ни разу?

– Нет.

– А почему бы просто не отправиться в спальню? Или… – Глори вдруг осенило. – Или у тебя есть какие-то особенные фантазии? – она взяла в руки коробку от установленной в модулятор программы. – Ого!

– Тебя это смущает? – доктор не выглядел растерянным – скорее настороженным, готовым к разочарованию или отказу.

– Ты хочешь, чтобы мы поменялись полами? – Глори изучала инструкцию.

– Для тебя это проблема?

– Никогда прежде не делала ничего подобного. – И еще одна догадка: – Ты этим занимаешься со всеми женщинами, которые появляются в твоей жизни?

– Снова ищешь свою дешевую сенсацию?

– Нет, просто пытаюсь понять, почему от тебя ушли две жены, – сказала Глори.

Врач, использующий в свободное время нейронные программы смены полов, не особенно интересовал ее, а главное, совершенно не интересовал читателей. Такую историю не продать.

– А мужчины? – оживилась Глори. – Ты когда-нибудь делал

это с другими мужчинами?

– Нет, – на лице доктора отразилось неподдельные отвращение и обида. – Если не хочешь заниматься этим, то так и скажи. Мы забудем этот разговор и продолжим знакомство.

– Да нет. Дело не в том, чего я хочу, а чего нет. Просто…

– Тебе нужна история?

– Да.

– О Чипере?

– Вы ведь обследовали его.

– Верно.

– Нашли что-нибудь необычное? Почему он может разговаривать с людьми в коме, а другие нет?

– Это торг?

– Что? – Глори растерянно проследила за взглядом доктора, устремленным к нейронному модулятору. – Ах, вы об этом!

– Так мы договорились?

– Не знаю.

– Не знаешь, стоит ли моя информация о Чипере того, чтобы провести со мной час в нейронной программе?

– Не знаю, получится ли у меня стать мужчиной в этой программе.

– Так тебя останавливает только это?

– Ну да… – Глори нахмурилась, поджала губы. – Я понимаю, что модулятор изменит наш пол, но… Скажи, твои другие женщины, с которыми ты занимался этим… Как они относились к такой программе?

– По-разному.

– Они считали это извращением?

– Некоторые.

– Но ведь это просто программа, – сказала Глори больше для себя, нежели продолжая разговор. Торг начался, и она пыталась убедить себя, что вот-вот провернет удачную сделку. – А что если у меня не получится поддержать игру? Я имею в виду наш уговор. Если у нас ничего не выйдет в программе, то вы расскажете мне о том, что смогли узнать о Чипере?

– Если ты постараешься, то у тебя все получится. Это ведь не а-лис. Здесь ты сможешь контролировать себя.

– Но если не получится…

– Должно получиться.

Глори вздохнула и снова пробежала глазами инструкцию к программе.

– Мы обязательно должны заниматься этим в машине?

– Чем плоха машина?

– У меня был любовник, с которым мы… Ну… В общем, не

очень хорошие воспоминания… – Глори закурила.

– Это были реальные воспоминания? – спросил Догар Ситна. – Ты и твой любовник. Вы были реальны?

– Конечно.

– А это всего лишь программа.

– Лучше бы мой любовник был всего лишь программой, – неловко пошутила Глори, откинулась на спинку кожаного дивана и жестом показала доктору, что он может включить модулятор.

36

Когда мир вспыхнул перед глазами, Глори подумала, что под а-лисом переход происходит менее резко, а сейчас все это напоминает турбулентность. Летишь в самолете, думаешь, что скоро уже все закончится, а тут вдруг начинается жуткая тряска. И все это ради чего? Весь этот полет? Весь этот нейронный трип? Ах да, все это ради истории, статьи, славы. Вернее, не славы. Все это ради того, чтобы найти себя в огромном мире, который недавно был таким простым и понятным. Но все изменилось. Простота осталась в прошлом – там же, где муж и любовник. Теперь только нейронные газеты, статьи, сенсации и а-лис, на который подсадил ее Чипер Доув. И еще вот эта странная программа смены полов. Мерзость. Но плата за эту мерзость может оказаться достойной. Глори вспомнила недавний трип, где она была проституткой. Что ж, кажется, сейчас она занимается тем же самым – продает себя за информацию. А может, послать все к черту?

Глори взвешивала «за» и «против», когда программа начала создавать мир вокруг, отгрызая подключенное к модулятору сознание от подлинной реальности. Ломоть за ломтем. Глори показалось, что она слышит этот хруст. Слышит, как челюсти электронной машины модулятора перемалывают реальность. И звук такой ровный, размеренный, словно журчание реки. Хотя нет, не реки. Так журчит мотор старой машины.

Двигатель внутреннего сгорания рычит под капотом. Глори сидит за рулем. Руки сильные, крепкие. Ролевая игра началась. «Хорошо, хоть оставили сигарету», – подумала Глори. Но пальцы, которыми она держала окурок, изменились. Ногти короткие, частично сломаны. Две костяшки на правой руке выбиты. Грудь плоская, мужская. Даже мозг в голове, кажется, изменился, словно извилин убавилось до критического уровня. Но сценарий игры уже написан и загружен. Нужные слова гудят в голове. Нужные образы. Нужные чувства. Нейронный модулятор показывает брата, оставшегося где-то далеко. Рядом сидит его девушка, в которую превратился Догар Ситна. По сценарию игры Глори вызвалась подвезти ее, но теперь хочет переспать с ней. Остается лишь выбрать момент и сказать, что завтра они с братом уезжают навсегда из города.

– Жаль, – говорит девушка. Нет, не девушка – доктор Ситна в молодом женском теле.

– Жаль? – Глори пытается привыкнуть к новому телу, новому голосу.

– Давай прокатимся, – предлагает доктор Ситна в женском теле и пускает пару колец синего сигаретного дыма.

Глори не знает, как управлять старой машиной, но программа сама везет их вперед. Зеленая березовая роща шелестит на ветру сочными листьями.

– Мне нужно помочиться, – говорит доктор, хотя от доктора сейчас здесь ничего нет. Всего лишь девушка. Молодая, не красивая и не уродина. Все естественно.

В боковое зеркало Глори видит, как присаживается Ситна, прячась за багажником машины.

Закурить еще одну сигарету, закрыть глаза и ждать. Ситна возвращается в машину и спрашивает, почему Глори не заводит мотор.

– А ты хочешь? – спрашивает Глори согласно сценарию программы.

– Не знаю, – говорит девушка и тупо улыбается. Настолько тупо, что Глори начинает бесить эта улыбка больше, чем то, что будет дальше. – Давай пересядем назад, – предлагает Ситна.

Хлопают дверки. Ситна снова смеется. Глори целует ее в губы. Глори в облике мужчины. Девушка отстраняется, поднимает руки, словно собираясь ударить Глори, но вместо этого расстегивает блузку. И все это время улыбка не покидает ее лица!

– Ты очень милый, – говорит Ситна.

Глори смотрит на маленькую, почти плоскую грудь девушки. Теперь заставить себя прикоснуться к ней. Правая рука на груди, левая расстегивает девушке джинсы. Теперь посмотреть ей в тупые коровьи глаза, за которыми прячется сознание мужчины с седыми висками. «Я делаю это ради статьи, – говорит себе Глори, целуя девушку, укладывает ее на сиденье и неуклюже пытается совладать с грубой пряжкой своих брюк. – Ради чертовой статьи, чтоб ей пусто было».

37

Жить с доктором Ситной – Глори и сама не поняла, как это случилось. Наверное, это была благодарность за информацию, понимание, терпение. Не сразу, нет. Сначала доктор Ситна помог Глори написать ее первую статью, ставшую сразу звездной. Пять минут славы. Да и не только помог написать. Когда Глори уже решила, что выжала из Ситны все, что было ей нужно, он вдруг вспомнил, что знаком с редактором одной из местных газет.

Они встретились с редактором в ресторане «Святой Игнатий». Редактора звали Борис Бродский, и он награждал Глори такими сальными взглядами, что она решила: спать ей придется не только с Ситной, но и с редактором. Но причиной сальных взглядов была не похоть, а зависть, правда, о нетрадиционной ориентации Бродского Глори узнает чуть позже. Сначала будут ее пять минут славы.

«Тени мертвых» – так она назовет свою статью о людях, похожих на Чипера Доува. Чтобы найти их, потребуется более полугода. И без Догара Ситны ничего бы у нее не получилось. Он помогал ей с исследованиями, направлял ее, обменивая свои услуги на ролевые нейронные игры, к которым Глори успела привыкнуть. Не то чтобы изображать мужчину стало для нее нормой, но дискомфорта и отвращения уже не было. К тому же благодаря этим играм Глори смогла закончить статью. Без них ничего бы не вышло, и дело было не в помощи Ситны. Нейронные игры с доктором помогли Глори сблизиться с девушкой, у которой были способности Чипера. Да и сам Чипер тоже был частью статьи – ведь именно он показал Глори а-лис. Без наркотиков она бы никогда не смогла зайти так далеко. В тех кругах, где она нашла свою историю, ее бы никогда не приняли, не употребляй она а-лис.

Героиню ее статьи звали Вера Мартин – молодая девушка, сидевшая на а-лисе с четырнадцати лет. Глори пришлось стать ее любовницей, чтобы убедить пройти обследование у доктора Ситны. После нейронных программ смены пола Глори не пришлось особенно притворяться. Однополая любовь на три месяца стала для нее нормой, не вызывавшей проблем. Проблемы появились лишь после того, как статья была закончена, – порвать с Верой оказалось сложнее, чем думала Глори. Девушка преследовала ее, оставляла переполненные угрозами послания. И плевать ей было, насколько известной стала Глори. «Тени мертвых» ничего не значили для Веры. Она хотела вернуть любовницу – и точка. Вернуть любой ценой. И снова на помощь

Глори пришел доктор Ситна. Благодаря его связям удалось выслать преданную женщину из города, избавив Глори от этой напасти.

– Ты мой ангел-хранитель, – сказала доктору Глори, затем рассмеялась, показывая, что шутит, но мысль об этом глубоко засела в ее сознании.

Но если Ситна стал для нее ангелом, то для Чипера она превратилась в злого гения. «Тени прошлого» вызвали фурор в прессе, но когда шумиха утихла, оказалось, что у Чипера появилось слишком много конкурентов, способных общаться с находившимися в коме людьми. Цены на подобные услуги сильно упали, и Чиперу в конце концов пришлось подписать бумаги, разрешавшие отключить Парси Лейн от аппаратов жизнеобеспечения в случае очередной неоплаты по счетам за содержание.

Последующие несколько месяцев ему удавалось каким-то чудом набирать деньги на оплату, но это было лишь отсрочкой неизбежного – Парси Лейн отключили в конце душного, дождливого лета, и Глори чувствовала себя виноватой в случившемся. Чипер молчал, не пытаясь обвинять ее, и это заставляло Глори чувствовать себя еще больше виноватой.

– Может быть, так будет лучше для Чипера? – предположил как-то раз Догар Ситна. – Парси была безнадежна. Чипер только страдал, наблюдая за тем, как она все больше и больше напоминает растение.

Он еще что-то говорил, но Глори не слушала его, не понимала. Парси Лейн была жива. Она общалась с Чипером через нейронный модулятор, а значит, для него ее смерть выглядит не избавлением от страданий, а трагедией. И виновником была Глори. Она написала статью и лишила Чипера заработка.

– Если бы ты не нашла других, способных говорить с коматозниками, то это бы сделал кто-то еще, – уверял Догар Ситна.

Глори кивала, соглашаясь, но легче ей от этого не становилось, особенно если учитывать, что Чипер начинал проводить в нейронных трипах все больше и больше времени. «Если его не остановить, то рано или поздно он примет слишком много а-лиса и окажется в коме, как и Парси Лейн», – поняла Глори, решив для себя, что именно этого подсознательно и добивается Чипер.

– Не делай этого, – попросила она, когда они встретились для совместного трипа, хотя Чипер в последние дни старался принимать а-лис в одиночестве.

– Не делать чего? – спросил он.

– Не убивай себя.

– Я не убиваю.

– Убиваешь. Я же вижу.

– Все и так мертво.

– Прости меня.

– Ты не виновата.

– Нет, виновата. – Глори взяла Чипера за руку, не давая принять пилюлю а-лиса. – Давай сегодня обойдемся без трипа? – предложила она.

– И чем мы займемся?

– Чем угодно.

– Ничего другого нет.

– Вокруг целый мир.

– Какое мне до него дело?

– Может, хватит? – начала злиться Глори.

– Что хватит? – Чипер снова попытался проглотить пилюлю.

Гнев и отчаяние вспыхнули в Глори с такой силой, что румянец залил щеки и шею.

– Хватит жалеть себя! – зашипела Глори на своего друга.

– Хорошо, не буду, – Чипер улыбнулся и открыл рот, чтобы положить на язык пилюлю а-лиса.

– Хватит, я сказала! – взвизгнула Глори, влепив ему пощечину.

– С ума сошла? – растерялся Чипер.

Алая кровь заблестела на разбитой губе. Настоящая, реальная. Кровь, из которой состоял весь этот суетный мир, струясь по венам наполнявших его людей.

– Прости меня, – сказала Глори.

Чипер молчал, глядя ей в глаза, а она пыталась сосчитать, сколько прошло времени со дня смерти Парси. Два месяца и две недели? Три месяца?

– Девяносто шесть дней, – сказал Чипер.

– Что?

– Парси умерла девяносто шесть дней назад.

– Я знаю, – соврала Глори.

– Нет, не знаешь. Не с такой точностью.

– Ну, может, не с точностью до дней, но…

– Ничего страшного.

– Ты не обижаешься?

– Ты думаешь, я должен обижаться, что ты не помнишь, сколько прошло дней со смерти Парси?

– Я говорю о своей статье.

– Вначале обижался.

– Я так и знала.

– Но ты все еще мой друг.
– Правда?
– Даже больше, чем друг.

38

Три дня спустя Глори переехала к Чиперу. Как любовник в реальности он оказался совсем другим, нежели в нейронных трипах. Да и в быту он совершенно не походил на бывшего мужа Глори. Квартира была маленькой и убогой. Чипер пропадал где-то до позднего вечера – говорил, что работает, но Глори думала, что он просто хочет побыть один. На третьей неделе совместной жизни Глори опубликовала свою вторую статью, рассказав о том, как живет Чипер после смерти своей жены. Ее редактор, Борис Бродский, долго читал черновик и хмурился.

– Здесь есть и ты, – подметил он, поднимая на своего внештатного журналиста глаза.

– Ну конечно, есть, – сказала Глори. – Я ведь живу сейчас с Чипером.

– Но ты пишешь о себе в третьем лице. Почему?

– Не знаю. Мне показалось, что так будет лучше.

– Для статьи или для тебя? – верно подметил редактор, а когда Глори пожала плечами, завел разговор о докторе Ситне. – Как он отнесся к твоему решению съехаться с Чипером?

– Я не встречалась с ним после этого.

– Он влюблен в тебя. Ты знаешь это?

– Он влюблен в свои странные нейронные программы.

– Нет, в тебя… – Бродский тяжело вздохнул. – Если бы я только мог поменяться с тобой местами. Хотя бы на день.

Эта смена разговора, переход от статьи к Догару Ситне, натолкнула Глори на мысль, что ее вторая статья не выйдет в печать, но Бродский убрал бумаги в стол и пообещал опубликовать работу в ближайшем выпуске.

– Но это не сенсация, – добавил он. – Если сравнивать с тем, что ты сделала прежде, это… – Бродский сморщился, подбирая слова. – Скажем так, это не твой уровень.

И он был прав. Глори поняла это, как только купила нейронную газету «Всплеск» и прочитала свою колонку. Онлайн-статистика показывала, что у статьи один из самых низких рейтингов. Ниже был только отчет криминалиста о подростковой преступности и предложение собирать необходимую информацию для правоохранительных органов, начиная с рождения ребенка, чтобы в будущем можно было предотвратить большинство тяжких преступлений, повысив раскрываемость подростковой преступности, искоренив ее в зародыше.

Глори выбросила газету в урну и еще долго срывалась на Чипера, не признаваясь в истинной причине своего недовольства.

– Все дело в деньгах, да? – спрашивал ее Чипер. – У меня есть пара клиентов, пара коматозников…

– К черту деньги! – кричала Глори.

Кончилось все тем, что она купила на полученные за статью деньги месячную дозу а-лиса и, дождавшись, когда останется одна, приняла две таблетки. Нет, Глори не хотела убить себя. Просто как-то завертелась, проглотила пилюлю, услышала звонок, ответила. Доктор Ситна спрашивал, как у нее дела. Это был их первый разговор после того, как Глори ушла к Чиперу. Нейронный модулятор ждал, а-лис проник в кровь, но без модулятора он почти не действовал на сознание. Глори разговаривала с Догаром Ситной четверть часа, затем выкурила сигарету и проглотила еще одну пилюлю а-лиса, включила нейронный модулятор и только тогда поняла, что приняла двойную дозу. Точно такая же доза отправила Парси Лейн в больницу. Глори попыталась вызвать рвотный рефлекс, но мысли уже мчались куда-то в ночь, в темную мглу внутреннего, скрытого от реальности мира.

39

Пыльная дорога извивается, неуклюже переваливаясь через усеявшие незнакомую местность холмы и каменные гряды. Глори никогда не была здесь. Глори-проститутка, которая бросила своего сутенера и начала жить с молодым Чипером. Он идет рядом. Недавно был дождь. Их одежда влажная, липкая. На улице нехолодно, но порывы ветра вызывают озноб. Вымощенная серыми природными камнями дорога взбирается еще на один холм и круто устремляется вниз, в долину, где раскинулся элитный пригород застывшего декорацией на горизонте мегаполиса. Красивые дома выстроились в ряд, щеголяя формами и дизайном. Крыши блестят на солнце. Газоны пострижены. Клумбы с цветами ухожены. Заборов нет. Все открыто, доступно. Нищий Чипер и бывшая проститутка поднимаются по ступеням, стучат в дверь. Ни хозяев, ни прислуги. Но дверь открыта. Войти внутрь, оглядеться. Роскошь и простор режут глаз.

А-лис позволяет Глори вспомнить ее убогую квартиру, где они живут с Чипером. Видение четкое и ясное. Реальность вызывает тошноту и зависть. Теперь а-лис заставляет Глори смотреть на дорогие стулья у барной стойки. Она хочет иметь такие же стулья, хочет такую же кухню и барную стойку. И неважно, сколько это все стоит!

– Мы украдем эти стулья! – говорит Глори. – Заберем с собой. – Она пытается поднять их, но они прикручены к полу. – Да помоги же мне! – шипит она на Чипера, но тут же успокаивается, смеется, говорит, что, наверное, сошла с ума.

Темные тучи оставляют небо. Солнце заливает элитный пригород теплыми лучами; отражаясь от бассейна на заднем дворе дома, они слепят Глори глаза. Как завороженная, она смотрит на эти блики. Где-то лает собака. Брызжа слюной, бультерьер бросается на стеклянные двери, разделяющие дом и бассейн. Глори ненавидит этого пса.

– Нужно уходить, – говорит Чипер.

Дом остается позади. Глори не помнит, каким он был внутри, но все еще видит стулья и собаку. Ей кажется, что в этом доме самыми дорогими были стулья и бультерьер охранял только это сокровище. Можно было украсть все, что есть в доме, но не тронуть стулья, и пес бы ничего не сделал ворам.

– Нам нужно купить а-лис и зарядить где-нибудь нейронный модулятор, – говорит Чипер. – Только давай на этот раз выберем дом, где есть хозяева.

Они поднимаются по улице, в конце которой праздник и

веселье. Играет музыка, взрываются хлопушки, звучат звонкие голоса. Глори видит Жана Мерло, ставшего в этом нейронном трипе старшим братом Чипера. Он улыбается им и машет рукой. Его дом в начале улицы, и он предлагает Чиперу остановиться там.

– Только без Глори, – говорит Мерло.

– Почему без Глори? – спрашивает Чипер.

– Она же проститутка.

– Уже нет.

– Брат! – кривится Мерло. – Невозможно выбрать свой путь, пройти по нему, а потом вернуться к началу и притвориться, что не устал. Дорогу в этой жизни мы выбираем лишь однажды. Это как цвет волос: родился блондином – блондин навсегда.

– Не идет Глори – значит, не иду я, – говорит Чипер.

Глори улыбается. Он не видит, но сейчас она благодарна ему за эту преданность. И нет больше обид и зависти. Зарядить бы где-нибудь нейронный модулятор да купить немного а-лиса.

А нейронный трип делает уже следующий поворот. Борис Бродский и Догар Ситна стоят в обнимку и зовут Глори по имени. Она понимает, что знает их, но ничего не помнит о статье и газете, не помнит, кем была. «Наверное, очередные клиенты», – решает Глори.

– Ты голодна? – спрашивает доктор Ситна и, не дожидаясь ответа, зовет в дом, к столу. – И не волнуйся о Чипере, о нем позаботится брат.

Глори ест жадно, спешно.

– Куда торопишься? – спрашивает Бродский.

– Нужно зарядить нейронный модулятор и достать немного а-лиса, – честно говорит Глори, прикидывая, что можно будет украсть серебряные столовые приборы, когда желудок насытится.

– Есть тут один… – неуверенно говорит Бродский, не желая произносить слово а-лис вслух.

Глори следит за его взглядом. У высокого окна стоит Клод Маунсьер, который в этом нейронном трипе снова стал ее бывшим сутенером.

– Нужен клиент? – спрашивает он, когда Глори подходит к нему.

– Нужен а-лис, – говорит она.

– А деньги?

– Нет денег.

– Так ты все еще с этим неудачником Чипером?

– Не называй его так.

– Почему?

– Потому что… – Глори пытается вспомнить что-то хорошее о

Чипере, но не может. Знает, что хорошее есть, но вот что именно? – Черт! – злится Глори. – Какого черта ты прицепился ко мне? Просто скажи, есть у тебя а-лис или нет?

Клод Маунсьер достает из кармана пакетик с красными пилюлями.

– Не так быстро! – говорит он, когда Глори тянет к пакетику руку. – Есть тут один клиент…

– Я завязала.

– Он просто горит. Думаю, хватит и пары минут.

– Я же сказала… – Глори смотрит, как пакет с красными пилюлями исчезает в кармане сутенера. Другого шанса не будет. Брат никогда не поможет Чиперу с деньгами, зная, что Чипер потратит их на а-лис и бывшую проститутку. А если не принять а-лис в ближайшие пару часов, то начнутся сны наяву – жуткие, сбивчивые. И если Глори еще как-то справляется с ними, то Чипера они сводят с ума. – Ну черт с тобой, – говорит Глори, оглядываясь. – Где твой клиент?

Сутенер улыбается. Они протискиваются сквозь толпу в дальний угол огромной гостиной. Высокие окна открыты настежь. Ветер приносит из сада запах цветов.

– Сколько ты дашь мне таблеток? – спрашивает Глори, когда сутенер приводит ее к столу с закусками, за которым стоит крошечная ширма высотой не выше пояса.

– Десять пилюль тебе хватит?

– Двадцать.

– Двадцать за пару минут? – сутенер смеется. – Двенадцать – и то по старой дружбе.

Глори молчит, пытается разглядеть лицо клиента, но оно какое-то бесформенное, словно набросок скульптора, шаблон, из которого предстоит высечь личность.

– Лишь пару минут, – предупреждает Глори, надеясь, что успеет закончить здесь прежде, чем Мерло приведет в дом младшего брата.

– Умница! – хвалит ее сутенер, наблюдая за работой.

Клиент без лица гладит волосы Глори. Она пытается расстегнуть ему пряжку ремня, украшенную сверкающими драгоценными камнями. Их блеск слепит глаза, унося сознание прочь из дома, к Чиперу и его брату, пытающемуся убедить Чипера отказаться от Глори, соблазняя другими девушками, которых можно найти на этой вечеринке. Глори видит, как они поднимаются по лестнице, входят в распахнутые двери, скользят вдоль высоких окон, за которыми благоухает цветочный сад.

– Она изменилась, – заступается за Глори Чипер.

– Ты так думаешь? – издевается над ним Мерло.

Он словно знает, что происходит сейчас за ширмой, потому что ведет младшего брата именно туда.

– Ну, что я тебе говорил? – слышит Глори его голос за спиной.

Клиент без лица охает, мычит что-то бессвязное.

– Как водяная помпа! – подмигивает ему сутенер, продолжая расхваливать Глори.

Она поднимается с колен. Чипер смотрит на нее и молчит.

– Давай свои пилюли, – говорит Глори сутенеру.

Он отсчитывает двенадцать штук. Глори прячет их в кармане.

– Вот, – Мерло протягивая брату упаковку салфеток. – Думаю, твоей девушке это понадобится.

Чипер кивает, достает пару салфеток.

– Вот, – говорит он, протягивая их Глори.

Она вытирает лицо. Стыда и смущения нет. Есть лишь небольшое чувство вины перед Чипером, но не перед собой.

– Немного на подбородке пропустила, – говорит он, достает еще одну салфетку и помогает ей вытереть лицо.

– Теперь все? – спрашивает Глори.

Чипер кивает, смотрит какое-то время на влажную салфетку в своей правой руке, затем на пачку салфеток в левой, на лицо Глори, ей в глаза, словно чего-то ждет. И сейчас он похож на ребенка. Но ребенка предали. И Глори чувствует перед ним вину за это предательство, понимая в то же время, что случившееся не более чем реальность жизни, которую невозможно объяснить такому большому, но наивному ребенку. Поэтому остается чувствовать вину перед Чипером, но не перед собой.

– Твою мать! – неожиданно говорит Чипер.

Смятая салфетка, которой он помогал Глори вытирать подбородок, падает на пол. Упаковка с оставшимися салфетками летит в стену. Глори видит это в замедленном действии. Вот Чипер замахивается, вот упаковка салфеток покидает его руку. Где-то на полпути упаковка превращается в бокал с красным вином. Он разбивается о стену, звенит стеклом. Красные брызги повсюду. Вернее, уже не брызги, а пилюли а-лиса. Сотни, тысячи пилюль. Глори слышит, как они падают на пол, закатываются под столы, стулья.

– Нам пора уходить, – говорит она Чиперу, стараясь не злиться на его каприз, повлекший за собой разбитый бокал, стараясь не злиться ни на кого в этом мире.

40

Глори очнулась в больнице, увидела Чипера и первые несколько мгновений думала, что это Мерло. Настоящий Мерло, реальный. Не брат Чипера из нейронного трипа, а человек, за которым Глори готова была пойти хоть на край света – так, по крайней мере, ей казалось, когда они были вместе… «Но времена эти давно прошли», – подумала Глори, и видение рассыпалось. Чипер был бледным и смотрел на нее так, словно это из-за него она оказалась здесь.

– Я не специально, – спешно сказала Глори. – Я приняла сначала одну таблетку, собиралась включить модулятор, но тут позвонил доктор Ситна…

Она говорила много и сбивчиво, стараясь не упустить деталей, потому что после того, что случилось с Парси Лейн, Чипер не мог позволить себе потерять еще одну женщину. Увлеченная рассказом о случайной передозировке, Глори не заметила, как начала рассказывать о нейронном трипе, а потом отступать было уже поздно.

– Прости меня, – сказала она в конце этой истории.

– Простить? – растерялся Чипер. – За что я должен тебя простить?

– Я продалась за горсть а-лиса, забыл?

– Это был всего лишь трип.

– Но ведь это было у меня в голове.

– Это всего лишь фантазия.

– У меня это уже не первая фантазия.

– Главное, что ты жива.

Они замолчали. Глори закрыла глаза и долго лежала, притворяясь, что спит, зная, что Чипер наблюдает за ней. Ближе к вечеру пришел доктор Ситна. Он долго обижался, что она не позвонила ему, не рассказала о случившемся.

– Все уже в прошлом, – сказала Глори.

– А-лис убивает синоптические связи. Еще одна передозировка – и ты превратишься в Парси Лейн. Нужно пройти восстановительный курс. Не в этой больнице.

– Чем плоха эта больница?

– Она бесплатная.

– У меня нет денег, чтобы платить за реабилитацию.

– Оставь заботу об этом мне.

– Не хочу. Просто не хочу – и все.

– Потому что ты живешь с Чипером?

– И это тоже.

– Я не ревную.

– Вот как? – Глори кисло улыбнулась, вспоминая недавний разговор с Чипером. – А должен ревновать.

– Что?

– Ревность – это естественно. Я рассказала Чиперу о своем трипе, где была проституткой, зарабатывавшей на пригоршню а-лиса, и он сказал, что это ничего не значит. Теперь ты говоришь, что не ревнуешь меня. Почему? Вам плевать? Когда я была замужем, то Клод ревновал меня. Когда я завела любовника, то ревновала его. Ревность – это естественно. Это страх потерять близкого тебе человека. Не безумная ревность и уж тем более ничего из психоанализа, когда людям нужно лечиться, а не любить, а простая, чистая, можно сказать, невинная ревность. – Глори попыталась подняться с кровати, выдернула из вены иглу капельницы. – Ревность – это хорошо. А если нет ревности, то нет и любви – так, всего лишь посредственность. Тишина и покой. Просто жизнь. Ночь в одной кровати. Ужин за одним столом. Быт. Планы. Возможно, дети. Но не любовь. Я говорю о любви между мужчиной и женщиной. Потому что это стихия, буря, шторм, но не штиль, не покой. Это столкновение двух стихий. Всплеск, взрыв. Любовь – это безумие. Любовь заставляет нас делать глупости, плевать на общество. Слезы и смех. Секс и поцелуи. Просто взгляд. Вздох. Прикосновение. И когда ты кого-то любишь, по-настоящему любишь, то невозможно насытиться этим. Тебе всегда мало. Мало слов, мало объятий, мало поцелуев, мало секса. Любовь заставляет тело и мозг стать одним целым… – Глори скинула больничный халат и, не стесняясь наготы, начала натягивать одежду, в которой ее привезли в больницу. – И если кто-то думает, что можно любить тихо и спокойно, то этот человек не знает, что такое любовь. – Она прошла к выходу из палаты, остановилась напротив Догара Ситны. – Вот ты, например… Ты кого-нибудь любил? Ты был безумным? Хоть раз? А?

– Думаю, у тебя начинается депрессия после передозировки, – хмуро сказал он, решив не отвечать на вызов, провокацию.

– Верно, – кивнула Глори, и на губах ее появилась холодная, уродливая улыбка. – Всего лишь депрессия, – она рассмеялась и вышла в коридор, захлопнув за собой дверь раньше, чем Догар Ситна успел последовать за ней.

41

Задержка. Закрывшись в грязной ванной Чипера, Глори считала дни и материлась на чем свет стоит. Со дня передозировки прошло три месяца. За это время она не написала ни одной статьи, стала принимать больше а-лиса, особенно когда Чипера не было рядом, потратила почти все оставшиеся после развода деньги и вот теперь, кажется, ко всем своим несчастьям еще и забеременела.

– Твою мать! – шипела Глори, загибая пальцы.

Две недели. Две чертовых недели. Нет смысла покупать тест. Такой большой задержки у нее никогда не было. Глори снова выругалась. Нет, от Мерло, возможно, она и готова была родить ребенка. Не сейчас, а когда они встречались втайне от ее мужа и мир вращался в безумном танце. Но вот Чипер… От Чипера рожать Глори не хотела. Не было здесь ни любви, ни кризиса, когда хочется воплотить в ребенке все то, что не удалось самому. Когда начинаешь надеяться, что ребенок вырастет и станет кем-то, добьется чего-то, заполнит ту пустоту и разочарование, которое неудачи оставили в твоем собственном сердце.

– Твою мать!

Глори выкурила шесть сигарет подряд. Хорошо, что Чипера сейчас не было дома, в этой убогой квартире, где совершенно не хочется растить своего ребенка. Глори не думала о том, кто это будет: мальчик или девочка. Неважно. Она живет с Чипером, потому что чувствует себя виноватой в смерти Парси Лейн. Она отняла у Чипера его любовь и пыталась вернуть долг, деля с ним стол и постель. Но вот дети… Дети были уже перебором.

Глори заставила себя собраться. Теперь прихорошиться, натянуть лучшее платье и отправиться к доктору Ситне.

– Ты должен мне помочь избавиться от ребенка, – сказала Глори с порога.

– От твоего ребенка? – растерянно спросил Догар Ситна.

– Конечно, от моего! – всплеснула руками Глори и снова выругалась.

Она прошла в гостиную и по-хозяйски налила себе выпить. Коньяк был дорогим и сильно обжигал рот. Глори выпила залпом, налила еще, закурила.

– Тебе сделать выпить? – спросила она Догара Ситну, словно это не она, а он был гостем.

Доктор кивнул, неодобрительно покосился на зажатую в зубах Глори сигарету.

– Если ты ждешь ребенка, то лучше отказаться от никотина,

алкоголя и а-лиса, – начал было он, но Глори жестом велела ему заткнуться.

– Я не собираюсь оставлять этого ребенка, – сказала она.

– Но…

– Никаких «но»!

– Но…

– Хватит! – Глори буквально упала в кожаный диван. – Это мое решение, и оно не обсуждается, – устало сказала она.

Какое-то время они молчали. Догар Ситна пил коньяк и смотрел, как Глори курит сигарету за сигаретой.

– Могу я узнать, кто отец?

– Чипер.

– Тогда почему ты не хочешь рожать?

– Что значит «почему»?

– Ты ведь живешь с Чипером. Если бы отцом был кто-то другой, то я мог бы понять, а так…

– У нас с Чипером нет будущего.

– Зачем же тогда ты живешь с ним?

– Из жалости. Из чувства вины. Я отняла у него Парси Лейн. Моя статья отняла, но ведь это я написала ее. Если бы не статья, то Чиперу хватило бы денег, чтобы содержать Парси в больнице. А так появилось слишком много других людей, способных общаться с коматозниками.

– Никогда бы не подумал, что ты станешь жить с кем-то из жалости, – признался доктор Ситна.

Глори покосилась на него и раздраженно фыркнула.

– Может быть, у вас с Чипером все-таки есть шанс? – осторожно спросил Ситна.

– Ты переживаешь за ребенка или мстишь мне за то, что я выбрала Чипера, а не тебя?

– За ребенка. Если Чипер отец, то… Вы бы могли завязать с а-лисом. Ты будешь работать журналистом, я помогу Чиперу с нормальной работой… Все может наладиться…

– Ничего не наладится. Знаешь, как говорят – какое первое впечатление о человеке при знакомстве, таков человек и есть. Так вот, к совместной жизни это тоже можно применить. Потом можно взвесить все за и против, но все это уже будет предвзятость.

– Мне кажется, ты неправа.

– Неважно, что кажется тебе. Не тебе рожать от Чипера ребенка и жить в убогой квартире, с трудом сводя концы с концами… – Глори закурила еще одну сигарету. – И не спорь. Это просто логика. Понимаешь? Когда есть любовь, тогда можно послать все к черту и переть вперед на чистом энтузиазме, а когда

любви нет… когда ты лишь чувствуешь за собой вину… когда все так запутано и так кристально ясно одновременно… – Глори сделала большой глоток, едва не подавившись коньяком, прокашлялась, долго молчала, глядя куда-то в пустоту. – Последнее время я очень часто принимаю а-лис в одиночку. Мне совсем не нравится то, что я вижу, но… Но эти трипы такие реальные.

– Так ты хочешь избавиться от ребенка, потому что думаешь, что не сможешь отказаться от а-лиса?

– Не цепляйся к словам! Я сказала тебе об одиночных трипах не потому, что боюсь стать плохой матерью, а потому, что в этих трипах я всегда вижу себя проституткой. Это как целый мир, целая жизнь. Мой бывший муж становится моим сутенером. Бывший любовник – одним из клиентов, а Чипер – младшим братом этого клиента. Я видела, как мы познакомились с ним, как стали жить вместе. У нас нет дома, нет работы. Иногда я снова занимаюсь проституцией, чтобы заработать на а-лис, – Глори криво улыбнулась. – Как-то раз я рассказала об этом Чиперу. Не знаю, чего ждала, но… В общем, он сказал мне, что все это ничего не значит, что это просто одиночный нейронный трип, но… Но будь я проклята, если это ничего не значит. Это кривое зеркало нашей с ним жизни. И как бы я ни пыталась что-то изменить, ничего не выходит. В последние недели я даже нашла работу в этих трипах. У нас с Чипером была квартира. И он готов был мириться с тем, что я сплю со своим работодателем. И все это время я чувствую вину перед Чипером, но не перед собой. И когда Чипер закатывает мне скандал в этих трипах, я понимаю, что никуда он не денется. Никуда не денемся мы оба. Мы увязли в этой жизни, в этом болоте.

42

– Ты не беременна, – сказал доктор Гайвенс, когда Глори пришла к нему делать аборт.

– Как это не беременна?! – возмутилась она.

Они долго и на повышенных тонах говорили о задержке, о приеме а-лиса и случайностях. Вернее, на повышенных тонах говорила в основном Глори, доктор Гайвенс старался сдерживаться, помня о том, что Глори – женщина Догара Ситны, его друга и коллеги. Особенно странным ему казалось, что обычно женщины откладывают аборт до последнего – тянут, ждут, надеются, затем, склонив голову, идут за разрешением и уже со справкой в больницу, где все заканчивается спустя час. «Наверное, дело в том, что она давно принимает а-лис», – думал доктор Гайвенс, стараясь не замечать колкостей этой сумбурной, вспыльчивой женщины, которая, несмотря на все обоснованные доводы, продолжала доказывать, что просто обязана ждать ребенка.

– Какого черта на тебя нашло? – спросил вечером Догар Ситна.

Глори молчала, словно весь запал ушел у нее на бесцельные споры с доктором Гайвенсом. Ситна взял ее под руку, попытался отвести к своей машине. Глори вырвалась, шагнула назад.

– Что не так? – растерялся Ситна.

Вместо ответа Глори растерянно уставилась на него.

– Я всего лишь хотел отвезти тебя к Чиперу.

– Не хочу к Чиперу.

– Но я думал…

– Я тоже думала, что беременна… Думала, что это позволит мне злиться на него, обвинять, а так… – она достала сигарету, долго пыталась прикурить, борясь с порывистым ветром. – Твою мать! – Глори выбросила сигарету.

– Если не хочешь ехать к Чиперу, то можем поехать ко мне, – предложил Ситна.

– Не с кем играть в свои нейронные программы?

– Я не использую тебя.

– Угу…

– Если хочешь, то я могу отвезти тебя в гостиницу.

– У меня нет денег на гостиницу.

– Я оплачу.

– Не хочу, чтобы за меня кто-то платил.

– Понятно. – Ситна озадаченно почесал щетинистый подбородок. – А если как выход я предложу тебе жить у меня в

комнате для гостей. Будешь готовить и прибираться по дому – это тебе как плата за проживание подойдет?

– Мне нужна хорошая статья, а не работа прислуги.

– Все еще мечтаешь стать журналистом?

– Я и так журналист. К тому же быть домохозяйкой я уже пробовала. Ничего хорошего не вышло. – Глори пытливо заглянула Ситне в глаза. – У тебя случаем нет пары статей на миллион?

– Я врач, а не журналист.

– Но ведь с моей звездной статьей помог мне ты. Без тебя я не нашла бы таких, как Чипер… Без тебя Парси Лейн была бы жива.

– Теперь ты обвиняешь в смерти Парси меня?

– Нет, просто пытаюсь выжать из тебя пару хороших статей… Хотя бы одну статью… – Глори мрачно улыбнулась. – Извини. Ты хороший человек. Лучше, чем я. – Она осторожно протянула к нему руку, коснулась его щеки, затем развернулась и пошла прочь.

– Куда ты? – крикнул Ситна.

Глори пожала плечами.

– Подожди!

– Я не буду работать твоей горничной! – ответила она не оборачиваясь.

– У меня есть тема для твоей статьи.

– Не уговаривай, – машинально сказала Глори, затем вздрогнула, замерла, медленно обернулась. – Что ты сказал?

– Если хорошая статья – это все, что тебе нужно, то я могу помочь тебе с этим еще раз.

43

Глори и Ситна разговаривали до позднего вечера. В квартире доктора. На кожаном диване, выпив две бутылки дорогого вина и заказав ужин из местного ресторана. Разговаривали об а-лисе и его легальных версиях, узаконенных правительством, которые иногда поставлялись в клинику, где работал Ситна, для тестирования.

– Никогда бы не подумала, что были узаконенные варианты наркотика до истории Чипера, – призналась Глори.

– А ты думаешь, почему Чипер и другие, кто разговаривает с коматозниками, все еще на свободе? – грустно улыбнулся Ситна. – Не знаю, помнишь ты или нет, но когда только появились нейронные модуляторы, довольно часто поднимался вопрос о том, чтобы запретить их. Все было на грани. Потом вместо запрета в массах появился а-лис. Забавно, что на фоне роста акцизов на табачные и алкогольные изделия а-лис и нейронные модуляторы остаются в стороне. Если так пойдет и дальше, то скоро доза а-лиса и бар, где можно воспользоваться модулятором, будут стоить дешевле, чем пачка сигарет или бутылка вина.

– Так ты думаешь, что это заговор?

– Я ни о чем не думаю. Я доктор, которому предлагали провести ряд тестов а-лиса. Это все. Остальное зависит от тебя.

– И какого рода были эти тесты?

– Изучение мозга. Мы ведь нейронная клиника. Забыла?

– Парси Лейн была частью эксперимента?

– Парси? Нет! Парси – это уже настоящее. Предложения были в прошлом. Когда нейронные модуляторы только набирали популярность, а об а-лисе никто не слышал.

– Мне казалось, а-лис – это результат разработок черного рынка, а если послушать тебя, то за всем стоит правительство.

– Не знаю, кто за этим стоит, но что именно правительство впервые показало нам а-лис – это факт.

– Может быть, это были первые изъятые партии с черного рынка?

– Возможно.

– А эти эксперименты? Что именно вы делали? Просто наблюдали и собирали информацию?

– Да.

– Куда сдавалась отчетность?

– Я врач, а не посыльный.

– Вы продолжаете тесты сейчас?

– Сейчас, думаю, у них уже появились свои клиники и научные центры.

44

Догар Ситна хорошо помнил тот день, когда впервые увидел нейронный модулятор своими глазами, хотя прежде читал об этом чуде техники в научных журналах, но относился к нему как к очередной фантастической идее, которая никогда не станет частью повседневной жизни. Но молодой доктор ошибся. Очень молодой и очень талантливый, сумевший устроиться на практику в одну из самых элитных клиник, а когда практика закончилась, остаться там, став одним из ведущих специалистов. Тогда ему было двадцать семь и на его безымянном пальце не было и намека на обручальное кольцо. Да что там кольцо! Он еще звонил матери, которая резко сдала в последние годы, похоронив супруга. Ее последний муж не был биологическим отцом Догару Ситне, но молодой доктор относился к Натану Брэму как к родителю и шел по следам Брэма, решив стать врачом.

Брэм появился в жизни матери Ситны, когда мальчику было семь лет. Невысокий, с густыми, сильно вьющимися волосами медного цвета. Мать Догара, Дана, трижды пыталась родить новому супругу ребенка, но после очередного выкидыша, едва не убившего ее, обсудив затею с супругом, решила отказаться от нее. Маленький Догар слышал разговор – стоял в дверях и смотрел на отчима. Мать сидела к нему спиной. Отчим продолжал разговор, словно специально хотел, чтобы Догар слышал. Потом он взял Догара в развлекательный парк и спросил, что мальчик думает обо всем этом.

– Очень жаль, что у меня не будет брата, – честно сказал Догар.

Натан Брэм кивнул и долго молчал, что-то взвешивая и перебирая губами, словно читал молитву или был сильно увлечен своими мыслями.

– Ты тоже уйдешь? – спросил Догар.

– Что? – растерялся Натан Брэм.

– Если ты уйдешь, как и мой отец, то это убьет мать, – сказал мальчик.

Брэм снова долго молчал, затем пообещал пасынку, что будет рядом с его матерью так долго, как только сможет. Тогда маленькому Догару это показалось целой вечностью. Но вечность закончилась пятнадцать лет спустя. Натан Брэм заболел, и мать снова осталась одна. Догар звонил ей так часто, как только мог, но женщина угасала на глазах. В пятьдесят три она умерла. Ее похоронили рядом с могилой Натана Брэма.

Догар Ситна не появился на похоронах. Не смог. Надеялся,

что сможет, но операция на мозг пострадавшего в аварии мужчины длилась более шестнадцати часов. Ситна был ассистентом, которому пришлось продолжить операцию, когда старый доктор, не выдержав нагрузки, попросил сменить его. Страха не было. Свою первую операцию Ситна провел грамотно и с холодным сердцем. Он работал как машина – смерть матери стерла все чувства. Особенную пустоту приносила мысль, что в то время как ее тело опускают в могилу, в то время как он может попрощаться с ней, его нет рядом, потому что он должен спасать жизнь совершенно незнакомому человеку.

– Хорошая работа, – похвалил его на следующий день старый доктор.

– Я пропустил похороны матери, – хмуро сказал Ситна.

– Зато спас человеку жизнь.

Ситна кивнул, но настроение это ему не улучшило. Даже когда старый доктор отвел его в палату и познакомил с мужчиной, которому Ситна делал операцию, он остался хмур. Нужно было сдать затянувшуюся смену, переодеться и отправляться с опозданием в город детства. Именно об этом думал Ситна, когда его вызвал к себе директор клиники. Чтобы уйти, не хватило пары минут.

Агента в сером костюме звали Доран Торш, и он имел отталкивающий неприятный вид. Особенно его лицо со следами оспы. И глаза – большие, синие, которые вылезали из орбит так сильно, что Ситна невольно отвернулся, не желая встречаться взглядом с агентом.

– Что-то не так? – спросил директор клиники.

– У меня умерла мать, – сказал Ситна. – Вчера, когда я делал операцию, ее похоронили.

– Сожалею, – директор состроил кислую мину.

– Мне нужно быть там, пусть и с опозданием, – сказал Ситна, не особенно заботясь об учтивости.

– Я вас подвезу, – неожиданно подал голос агент Торш.

– Спасибо, но у меня есть машина, – Ситна не хотел, но начинал злиться. – К тому же я работал без сна больше суток и…

– Вы не любите свою работу?

– Что? Конечно, люблю. Зачем, по-вашему, я учился на врача?

– Не знаю, зачем вы учились, но именно сейчас ведете себя так, словно хотите распрощаться навсегда с карьерой.

– Вы угрожаете мне? – растерялся Ситна, впервые серьезно взглянув на агента.

– Я всего лишь предлагаю подвезти вас. Сейчас в городе пробки. У меня правительственный пропуск. Поверьте, то время, которое вы потратите на разговор со мной, мы компенсируем,

когда будем выбираться из города, – агент не то улыбнулся, не то просто поджал губы. – Как вам такое предложение, доктор Ситна?

45

Строительство нового больничного крыла длилось чуть меньше двух месяцев. В качестве застройщика выступала коммерческая организация «Крисси», в качестве спонсороа – администрация города. В новом крыле на первых этажах должно было расположиться детское отделение клиники, чуть выше – административный центр. Ни педиатрия, ни управление клиникой не интересовали Ситну. Впрочем, не интересовало его и новое крыло, как не интересовало и агента Торша. Проект, который он курировал, занял помещения, где ранее находился детский центр клиники. Все кабинеты и палаты были перестроены, повышена охрана, на дверях электронные замки с уровнем доступа, а аппаратура… О, Ситна просто с ума сошел, когда увидел дорогостоящее оборудование. Он словно попал в будущее. Причем подобное преображение произошло за те несколько дней, пока Ситна находился в родном городе, отдавая дань памяти умершей матери…

Но все это было после – началом стал двухчасовой разговор с агентом Торшем и диковинный нейронный модулятор, в реальность которого Ситна не верил, пока не увидел воочию, не подключился к нему. Это случилось в кабинете старого доктора, которому пару часов назад ассистировал Ситна. Кожаная кушетка была старой и протертой. Кожа на подлокотниках давно потрескалась. Повсюду пыль, потому что старый врач не пускал в свой кабинет уборщицу, жалуясь, что она перекладывает его бумаги и он не может найти после ее визита нужные ему записи.

– Удивлен, что он пустил сюда нас, – сказал Ситна агенту Торшу. – Уборщице он не позволяет даже заглянуть в свой кабинет.

– Я не уборщица. Мне не нужно его разрешение.

– Понятно. – Тон не понравился Ситне, как не нравился и сам агент. Не нравился с первого слова, первого взгляда. Не нравился, казалось, еще раньше, чем Ситна увидел его – словно врожденная антипатия, когда один тип людей не может ни при каких условиях поладить с другим типом. Но потом агент заговорил о нейронных модуляторах. – Думаю, этот проект никогда не станет реальностью, – честно сказал Ситна. – Неважно, сколько денег на него потратят, но это будет еще один тупик, как программа звездных войн в двадцатом веке – всего лишь очередная страница в жанре фантастики… – Ситна собирался еще что-то сказать, но агент уже не слушал его, устремив взгляд на стол для дополнительного оборудования старого доктора, где впервые за

последние годы не было пыли.

Новое оборудование резало глаз, дисгармонируя с обстановкой стеллажей и бумажных книг, которыми пользовался старый доктор.

– Это что? – растерянно спросил Ситна. – Это нейронный модулятор?

– Рабочий прототип, – уточнил агент Торш.

– Рабочий прототип? – Ситна тряхнул головой, стараясь избавиться от растерянности. – Но я думал…

– Хотите испытать его?

– Что?

Вместо ответа агент подошел к столу.

– Садитесь на кушетку, доктор, – сказал он Ситне.

Программа для модулятора была всего одна – океанский пляж, где белый песок был таким горячим, что обжигал ступни ног. Ситна чувствовал морскую свежесть, слышал крик чаек. Теплый ветер качал высокие пальмы. Других людей не было, словно программа давала ему возможность освоиться, привыкнуть. Потом появился агент Торш. В отличие от Ситны, которого программа облачила в пляжный костюм из длинных шорт и гавайской рубашки, на агенте по-прежнему был надет серый костюм, дисгармонирующий с окружением так же, как нейронный модулятор дисгармонировал с обстановкой кабинета старого врача.

– Впечатляет, правда? – спросил агент.

– Правда, – сказал Ситна, оглядываясь по сторонам.

Синие волны наползали на берег, слепя глаза тысячью бликов.

– На данный момент разработано более сотни программ для нейронных модуляторов. В основном это военные симуляторы и учебные пособия, но разработки продолжаются, а как только модуляторы поступят в продажу, а код программ откроют, недостатка в фантазиях не будет.

– Поступят в продажу? – Ситна боролся с желанием подойти к кромке воды и убедиться в ее реальности. – Как же давно существует этот проект?

– Достаточно долго, чтобы исчерпать себя в закрытой зоне.

– Так вы хотите, чтобы набранная вами команда специалистов провела ряд тестов перед тем, как начнется продажа?

– Все тесты уже проведены.

– Зачем тогда вам я?

– Не только вы, доктор. Десятки таких, как вы, – молодых и перспективных, у которых впереди много лет работы и десятки

открытий.

– Но если вы сказали, что проект исчерпал себя…

– Исследования показали, что ему недостает реализма. Представьте себе тренажер для врачей. Вы проводите операцию, зная, что пациент нереален, скальпель в вашей руке нереален, весь мир нереален. Ваше сердце бьется ровно, адреналин не поступает в кровь. Нет волнения, эйфории, страха. Вы можете успешно провести сотни таких операций, но в реальности рука ваша дрогнет и пациент умрет. Теперь представьте себе солдата, летчика, рука которого дрогнет при сбросе бомб – тысячи гражданских жертв. И неважно, насколько реальным будет этот мир, – мозг не позволит вам поверить в его реальность. Поэтому наш следующий проект пытается обмануть мозг, заставить вас поверить в реальность происходящего. Рабочее название этого проекта – «а-лис».

46

Опоздание на похороны матери отошло на второй план. Когда разговор с агентом был закончен, Ситна чувствовал себя боксером, вставшим после нокдауна – нужно поднять руки, защищаться, наносить ответные удары, но все силы уходят только на то, чтобы стоять на ватных ногах. Кстати, в родной город Ситна добирался на своей машине. Не то чтобы агент Торш не сдержал обещания, но после того, как разговор закончился, он не стал снова предлагать Ситне довезти его, а Ситна решил, что напоминать не стоит. Да и не хотел он ехать на похороны с Торшем. Сейчас лучше было побыть одному, к тому же он все равно опоздал и пара часов ничего не решат.

В качестве бонуса Торш выдал ему набор из портативного нейронного модулятора и десятка рассекреченных тренажерных программ. Ситна бросил чемодан в багажник и нырнул в переполненные автотранспортом улицы мегаполиса.

Ему удалось выбраться из города лишь ближе к полуночи. Дважды он засыпал за рулем – стоял в пробке и испуганно вздрагивал, услышав клаксоны находившихся позади недовольных водителей. Поэтому, как только Ситна увидел отель, он сразу свернул с дороги. Главным было, что разрываемый машинами мегаполис остался позади. Он отоспится до утра, а там уже поедет дальше.

Ситна взял ключи от своего номера на втором этаже, принял душ, лег на кровать, но заснуть так и не смог, переживая за находившийся в багажнике нейронный модулятор. Оставалось вернуться на стоянку и забрать чемодан. Теперь спать. Но сна все равно не было. Волнение. Ситна открыл чемодан, изучил оставленные агентом программы для модулятора. Военные тренажеры его не интересовали: стрельбища, летные симуляторы. Ситна отбрасывал носители информации, лишь бегло взглянув на инструкцию. Только однажды его взгляд зацепился за шпионскую программу. Нет, Ситна никогда не любил ролевые игры, вернее, никогда не думал о том, что нечто подобное может ему понравиться, но сейчас… когда выбирать было не из чего…

Он долго возился с модулятором, пытаясь включить его. Еще больше времени ушло на то, чтобы загрузить шпионскую программу. Вернулась сонливость. Возможно, именно из-за этого Ситна и не заметил, что шпионская программа предназначена для женщин, а когда модулятор включился, было уже поздно.

Ситна понял, что оказался в женском теле, и тихо выругался. Мир вокруг был мрачным, шумным. Он стоял возле седовласого

политика, который зачитывал с трибуны предвыборную программу. Женское тело Ситны было молодым и крепким. Он буквально чувствовал хорошую физическую форму этой оболочки. Нейронная программа моделировала в его сознание главную цель – дождаться окончания выступления, отправиться в кабинет политика, открыть сейф. Ситна не знал нужной комбинации, но был уверен, что программа даст подсказку, когда придет время. И это незнание, это ожидание показалось ему крайне волнительным. Особенно когда громыхнули аплодисменты и он с политиком покинули сцену. Они шли по длинному коридору в кабинет. Политик был взволнован и не замечал выбившихся прядей седых волос, прилипших к его правой щеке.

– Дай мне платок, – попросил он Ситну в теле секретаря.

Нейронная программа смоделировала в голове Ситны, в каком именно кармане находится платок. Политик промокнул потный лоб и вернул платок Ситне.

– Думаешь, я зацепил их? – спросил политик.

– Думаю, да, – сказал Ситна, вспоминая аплодисменты. Его собственный голос резанул по ушам, напомнив о том, что он находится в теле женщины.

Когда они вошли в кабинет, нейронная программа смоделировала Ситне воспоминание о том, как политик открывает сейф, находящийся в стене за картиной. Оставалось лишь дождаться, когда раздастся телефонный звонок и политик выйдет в соседнюю комнату для разговора – это тоже было смоделировано программой. Но Ситна не знал шифр. Комбинация вертелась в голове, но не складывалась в фиксированный набор, словно это была догадка, ребус, который нужно разгадать. И еще это женское тело, так сильно отвлекающее от главных задач!

«Где же ответ?» – думал Ситна, оставшись один в кабинете. Игра захватила его, заворожила, увлекла. «Может быть, ответ в дне рождения политика? – думал Ситна. – Или в именах его детей?» Он отодвинул закрывавшую сейф картину. Наборная клавиатура состояла только из цифр. «Значит, не имена».

– Что ты делаешь? – спросил политик, вернувшись в кабинет.

– Я? – растерялся Ситна.

Политик подошел к нему, тряхнул за плечи и повторил вопрос. Не получив ответа, он влепил Ситне пощечину. Удар был несильным, но мир задрожал перед глазами так сильно, что Ситна не устоял на ногах. Задание было провалено. Еще несколько мгновений программа продолжала работать, затем выключилась, вернув Ситну в реальность. Он сидел на кровати, и ему казалось, что он слышит гневный голос политика. Щека

горела от пощечины, словно сон, который висит на веках, когда ты уже проснулся.

«Как же это будет выглядеть, когда удастся отключить понимание нереальности происходящего?» – подумал Ситна, пытаясь вспомнить рабочее название нового проекта. «А-лис. Да, кажется, а-лис, черт бы его побрал».

47

Первого добровольца звали Давид Вартан, и Ситна сразу отметил в нем военную выправку. Он появился за неделю до того, как агент Торш привез упаковку красных пилюль а-лиса, и вел себя крайне настороженно. Нет, Вартан не боялся эксперимента, он все время смотрел по сторонам так, словно уже видел себя в увольнительной. Особенно оживлялся Вартан, когда в отделение приходили женщины. На контакт с Ситной он почти не шел, относясь к нему как к инструменту системы, направившей его в эту клинику. Не изменилось его отношение и после того, как Ситна втайне от агента Торша устроил Вартану увольнительную. Давид вернулся с опозданием в два часа, мучимый сильнейшим похмельем.

– Бурная ночь? – спросил Ситна.

– На бурную ночь не было денег, – сказал Вартан. – Хватило лишь на то, чтобы напиться и полюбоваться женщинами.

– Мог бы сказать мне. Думаю, мы бы решили эту проблему.

– Это не проблема, – отмахнулся Вартан.

Больше они не разговаривали до дня следующей увольнительной, которую неожиданно предложил сам Торш.

– Только не забудь дать ему денег, – сказал Ситна агенту.

– Денег?

– Полагаю, его собственных сбережений едва хватит на выпивку. Не на девушек.

– На кой черт ему деньги на девушек? Он молод и напорист. Какой из него получится солдат, если он не способен добиться благосклонности женщины без денег?

– Это шутка, да?

– Ну а ты как думаешь?

– Я никак не думаю, – сказал Ситна. – Просто дай ему денег и все.

В эту ночь он снова не смог заснуть, проверяя полученные результаты после первого приема подопытным а-лиса, поручив паре ассистентов изучить состав самого а-лиса, пытаясь понять причины, по которым а-лис вступал в конфликт с написанными для модулятора программами. Эта неудача воспринималась как личный провал. Тем более что роль главы отдела была возложена на Ситну лишь временно, пока Торш не подыщет более квалифицированного специалиста. Время поджимало, провал не принимался. Ситна был почти уверен, что проблема кроется в программном обеспечении для нейронного модулятора, но Торш не принимал подобного оправдания, а Ситна не был

программистом, чтобы разобраться в просчетах совместимости.

– А может быть, дело вовсе и не в нейронных программах? – спросила его как-то раз Ивет Паленберг – последний ассистент, которого Торш позволил ему выбрать самому. – Мы ведь знаем, что без попытки контролировать модулирование процесс работает. Может быть, все дело в том, что после приема а-лиса контролю противится сам мозг, выбирая свои собственные фантазии? Как сон, понимаешь?

– Понимаю, но боюсь, Торш отнесется к этому заявлению как к очередному провалу, – сказал Ситна.

Торш говорил, что существует более двух десятков медицинских центров, которые занимаются подобными исследованиями, и Ситна хотел стать лучшим из задействованных в проекте специалистов, но сейчас он был почти уверен, что никто не сможет добиться успеха.

– Без интеграции нейронных программ проект бесполезен, – сказал Торш. На то, что прием а-лиса вызывает привыкание, ему было плевать. Плевать ему было и на оправдания. Он просто пришел однажды и сказал, что если центр не добьется результатов к концу месяца, то проект закроют.

Ситна принял известие как неизбежное. Если честно, то он сдался за пару месяцев до печальной новости. Азарт и желание выделиться прошли. Осталось лишь любопытство. «Тем более что от одного раза зависимость не возникнет», – сказал себе Ситна, запивая минералкой свою первую и последнюю в жизни пилюлю а-лиса.

48

В первые секунды ничего не происходило, и Ситна решил, что неправильно настроил нейронный модулятор, поднялся с дивана, шагнул к столу и в этот момент понял, что ни стола, ни кабинета уже нет. Нет и воспоминаний, как он оказался здесь. Лишь настоящее. Без прошлого. Без будущего. Вокруг лес. Под ногами песчаная дорога – струится, извивается, разрезая зеленую траву, ползет сквозь заросли вдаль. И нужно идти по ней – это единственное, что понимает Ситна. Но его одиночество длится недолго.

Женщина. До тридцати. Высокая. Властная. Она появляется на его пути, знакомится с ним, говорит, что дальше они пойдут вместе. Ситна не против, но женщина не нравится ему. Что-то не так с ней. Особенно ее общение. В нем нет постоянства, словно ее устами говорят десятки личностей. И личности эти начинают менять женщину сильнее и сильнее. Менять не только ее общение. Ситна замечает, что меняются ее мимика, тембр голоса. Потом начинает меняться рост, формы.

Ситна напуган, но старается не выдать этого, потому что верит – пока он притворяется, что ничего не замечает, ему ничего не грозит. Продолжает он притворяться, даже когда начинает меняться лицо женщины. С ним разговаривает негритянка, азиатка, европейка… старуха, ребенок, школьница, женщина средних лет… Ситна старается смотреть куда угодно, только не на эти лица. Пусть лучше будут вековые деревья, подпирающие небо, между которых петляет дорога. Но деревья расступаются, и дорога упирается в навесной мост, соединяющий каменные края беззубой пропасти.

Мост закрыт – дорогу преграждает железная кованая дверь, а ключ от нее висит на шее идущей рядом с Ситной женщины. Она улыбается и вставляет ключ в замочную скважину. Ситна слышит, как скрипят старые механизмы. Дверь открывается, но за ней вместо подвесного моста сияет белизной кристально чистый мир. Мир совершенства, где нет места ни одному изъяну. Спутница Ситны проходит в дверь. Белый свет обволакивает ее, пронзает своим совершенством. Женщина оборачивается, ждет Ситну, но он не двигается.

– Не бойся, – говорит она.

Ее кожа становится черной, а в руках появляется длинный кнут, у которого нет конца. Этот кнут притягивает к себе взгляд Ситны, завораживает.

– Разве удобно им пользоваться? – спрашивает он женщину.

– Нет, неудобно, – соглашается она. – Но ты даже представить не можешь, как далеко этот кнут способен дотянуться…

49

– Мне казалось, ты говорил, что никогда не принимал а-лис, – сказала Глори, когда обещанная история Ситны подошла к концу.

– А мне казалось, тебе нужен материал для новой статьи, – парировал Ситна.

Они открыли третью бутылку вина. Глори распечатала вторую пачку сигарет. Нетрезвый разговор как-то хаотично перебегал от нейронных программ к правительственным заговорам, которые Ситна настырно отвергал даже в сильном подпитии.

– Но если это не заговор, тогда что, черт возьми?! – начала злиться Глори.

– Просто история, – пожал плечами Ситна.

– К черту просто историю!

– Но ты хочешь написать об этом.

– С чего ты взял?

– История увлекла тебя. Ты больше не говоришь о Чипере и несостоявшейся беременности. Ты хочешь написать о том, что я рассказал.

– Думаю, я лучше напишу о том, как вышло так, что знаменитый врач начал использовать ролевые нейронные программы со сменой пола.

– Знаменитый? – Ситна криво улыбнулся. – Не знаю никого, кто бы соответствовал этому описанию.

– Думаешь, никто не купит эту историю? Хочешь поспорить?

– Думаю, что при желании можно продать все что угодно. Но вот будет ли эта история пользоваться спросом? Нет.

– Все лучше, чем ничего.

– Так ты считаешь, что история об агенте и испытаниях а-лиса ничего не стоит?

– Боюсь, сейчас невозможно найти концов. К тому же одно дело – писать о наркоманах, как Чипер, а другое дело – пытаться схватить правительство за яйца.

– Ты испугалась? – на лице Ситны появилась широкая улыбка, словно страх Глори был всем, чего он хотел добиться в этот вечер.

– Я разочарована, – скривилась Глори.

– Значит, никаких историй?

– Нет.

– А если я назову тебе адрес агента Торша?

– Что?

– Правда, он уже не агент…

– Ты знаешь его адрес?

– Кажется, ты решила взяться за историю? – Ситна улыбался так широко и так глумливо, что Глори с трудом сдержалась, чтобы не швырнуть в него початой бутылкой вина.

– Вы редкий сукин сын, доктор Ситна, – прошипела она сквозь зубы, пересаживаясь к нему на колени. – Но я рада, что мы друзья.

50

Жену бывшего агента Торша звали Монна, и когда Глори встретилась с ней, то Монна приняла ее за молодую любовницу мужа – открыла дверь, долго смотрела на Глори, затем кивнула, предлагая войти.

– Ты выглядишь моложе, чем его прежняя, – сказала Монна, между делом предлагая гостье чашку кофе.

– Да, кофе будет нелишним, – сказала Глори, затем осторожно спросила, можно ли закурить сигарету.

– А мой бывший знает, что ты куришь?

– Ему не нравятся курящие женщины?

– Ему все не нравится, – кисло сказала Монна.

Она села напротив Глори. Приготовленное кофе было горячим и отвратительным на вкус.

– Оно что, без кофеина? – растерялась Глори.

– Когда тебе будет за пятьдесят, поймешь.

– Надеюсь, что нет.

– И мой бывший тоже надеется. – Монна в очередной раз окинула Глори оценивающим взглядом. – Скажи, он уже рассказал тебе, что работал правительственным агентом?

– В первый же вечер, – соврала Глори.

– Хотел удивить?

– Что?

– Произвести впечатление.

– Наверное.

– В последние годы он это любит. – Монна заговорщически подалась вперед. – Хочешь, дам тебе совет? Забудь его и найди себе кого-нибудь по возрасту.

– Почему?

– Потому что после того, как потерял работу, Доран ни с кем не живет больше года.

– Могу я узнать, почему он потерял работу?

– Пришел в негодность.

– Нервный срыв?

– Старость.

– Вот как… – Глори поджала губы, обжегшись горячим кофе. Монна приняла этот жест за сомнения.

– И моложе он не станет, – сказала она.

– Надеетесь, что он вернется к вам?

– Он всегда возвращается. Мы прожили вместе почти тридцать лет, и он все время возвращался. Даже когда возглавлял проект с нейронными модуляторами и мог подцепить любую

женщину – возвращался. Кстати, ты помнишь, как начиналось это нейронное безумие, или же тебя тогда и на свете еще не было?

– Я читала об этом.

– О, поверь, прочитать об этом невозможно. Да и не пишут в этих книгах о таких, как Доран. Они всего лишь исполнители. Их жены – антураж, а такие, как ты, я имею в виду случайных любовниц, – лишь пыль на ступнях времени.

51

Когда Глори покинула дом Монны Торш, у нее уже не было сомнений в том, что это расследование может стать золотой жилой. Нет, Глори не собиралась писать о правительственном заговоре, да она и не верила, что таковой имел место быть. Неинтересен ей был и агент Торш. Но вот Давид Вартан – подопытный, о котором она уже слышала от Догара Ситны, – действительно мог превратиться в центрального персонажа будущей статьи. Особенно после того, как его судьбы мельком коснулась в своем рассказе Монна Торш.

– Свяжешься с моим бывшим, и тебя ждет судьба Давида Вартана, – сказала она, так и не раскусив, что Глори журналист, а не молодая любовница Торша.

– А что стало с Давидом Вартаном? – спросила Глори.

– Им попользовались и выбросили из проекта… Правда, моего бывшего тоже потом выбросили не без заслуги Вартана, но это уже не касается ни тебя, ни меня…

– Ну почему же не касается… – изображая усталость, Глори вглядывалась в глаза Монны. – Что именно сделал Вартан?

– Кажется, украл какое-то оборудование или препараты, – устало отмахнулась Монна.

– А-лис? – оживилась Глори.

– А-лис? – так же оживилась Монна.

– Мне рассказывал об этом Доран, – соврала Глори.

– Ах, вот оно что… – Монна помрачнела. – Со мной он никогда не делился тем, что происходит на его работе.

– Наверное, постарел, – спешно и не особенно удачно пошутила Глори. И уже осознанно, желая добить высокомерную женщину напротив: – Все мы стареем и становимся сентиментальными: вы, я, бывшие правительственные агенты. Все мы – лишь пыль на ступнях времени. Сентиментальная, никем не замеченная пыль.

52

У Тибора Маккормака был небольшой дешевой кабак на пересечении двух улиц, одна из которых называлась в честь восходящего солнца, а другая – давно умершего писателя. Сам кабак носил название «Серая мышь», и оно сохранится даже после того, как Маккормак отправится в тюрьму, а кабак будет трижды перепродан. Но все это будет после. Во времена молодости Давида Вартана и агента Торша кабак только открылся и славился местными проститутками и мелкими снующими среди подозрительных посетителей торговцами марихуаной. Только благодаря этим торговцам «Серая мышь» и сводила концы с концами, а в здешней атмосфере всегда клубился туман сигаретного дыма, смешиваясь с дымом от каннабинойдосодержащих растений.

Сам Тибор Маккормак был уже немолод – невысокий крепыш, склонный носить под пиджаком ретроревольвер. Когда Глори изучала его личное дело, то невольно вспоминала бывшего мужа. Правда, Клод Маунсьер не был так известен, как Маккормак, вошедший в историю как первый владелец питейного заведения, привлеченный к суду за распространение а-лиса.

Среди подельников Маккормака фигурировало имя Давида Вартана, но причастность последнего к правительственному проекту умалчивалась. Согласно газетным статьям и записям суда, Вартан являлся бывшим военным, который после выхода в отставку занялся сбытом и транспортировкой наркотических веществ. Впрочем, обвинения эти были сняты. Причины не оглашались, но Глори не сомневалась, что Вартан обменял свое молчание касательно правительственного проекта, где принимал участие под руководством агента Торша, на свою свободу. Не сомневалась Глори и в том, что главным поставщиком а-лиса в «Серую мышь» был не кто иной, как Давид Вартан, и, если судить по количеству конфискованных пилюль, поставки эти были весьма внушительными. К тому же Вартан обеспечил «Серую мышь» и нейронными модуляторами, которые в то время были диковиной. Суммы прибылей, полученные «Серой мышью» за время, пока рука закона не схватила ее за горло, приводились разные в разных газетах. В безумные прибыли Глори не верила – в то время а-лис не был еще так популярен, но вот что-то среднее…

Глори попыталась отыскать сведения о продаже кабака «Серая мышь», но выяснить удалось лишь, что после того, как Тибор Маккормак отправился в тюрьму, продажей занимался его младший брат, Дуган. Нового покупателя звали Аллен Кинтон, и,

когда Глори встретилась с ним, он смог вспомнить только, что «Серая мышь» едва не разорила его да что рядом с братом Тибора Маккормака все время находился бывший военный.

– Давид Вартан? – оживилась Глори.

– Да, кажется, – неуверенно согласился Кинтон.

Эта встреча натолкнула на мысль, что найти в городских архивах новые упоминания о судьбе Вартана ей не удалось потому, что он уехал из города. Ведь брат Тибора Маккормака приезжал сюда лишь для того, чтобы продать «Серую мышь». И чтобы найти Вартана, нужно найти сначала Дугана Маккормака. Чем он занимался? Где жил?

Поиски привели Глори в первый по величине мегаполис страны – город, откуда она бежала после развода. Нейронных газет в то время еще не было, поэтому, подняв архивы, Глори снова пришлось читать глазами старые вырезки. Это волновало, словно жизнь забросила ее в прошлое. Пыль, запах целлюлозы…

53

Жену Дугана Маккормака звали Гедре, и они состояли в браке больше двадцати лет – не самых хороших, но и не самых плохих лет. Впрочем, о плохом Гедре старалась не вспоминать. Пусть прошлое будет прошлым. Тем более что она и не знала о прошлом всех деталей. Для нее это было мрачное, беспокойное время, словно продажа «Серой мыши» возложила на плечи ее супруга, Дугана, грехи его отправившегося в тюрьму старшего брата.

Что касается приобретенного в те времена Дуганом нового друга, Давида Вартана, то он ей нравился. По крайней мере, он был единственным, кто остался рядом с ней в тот смутный период, оказывая посильную помощь. Он и детектив из отдела нравов Бобби Раст, который появился в жизни Гедре, рассказывая жуткие, нелицеприятные вещи о Вартане, и в первые месяцы их знакомства не вызывал ничего, кроме отвращения. Впрочем, и много лет спустя Гидре не верила, что Давид Вартан, ее друг, мог быть наркоторговцем. Нет. Проще было поверить, что наркоторговцем был старший брат Дугана, а Вартан, как друг Тибора Маккормака, попал под раздачу.

– К тому же, если он виновен во всем, что вы говорите, почему же Тибор Маккормак сидит в тюрьме, а Вартан – нет? – спросила Гедре, когда они только познакомились с Бобби Растом.

– Если вы не поверите мне, то рано или поздно в тюрьму следом за братом отправится и ваш супруг, – сухо сказал Раст.

– Вы ошибаетесь, – так же сухо заявила Гедре, но не прошло и месяца, как Дуган и Вартан открыли ночной клуб, и Гедре с ужасом отметила, что в словах Раста была доля правды.

Клуб был назван «Честолюбивые намерения» и специализировался на установленных в открытых кабинках нейронных модуляторах. Владельцем клуба стал Дуган Маккормак, но Гедре была уверена, что руководил там в основном Давид Вартан. Дуган был лицом клуба. Вартан – его сердцем. Дуган был художником, Вартан – военным. Странный тандем, но в первые годы это давало результат.

– И никакого а-лиса, – заверил Давид Вартан обеспокоенную супругу Дугана Маккормака. – У нас легальное заведение.

У него была открытая белозубая улыбка, которая убеждала Гедре не меньше слов. К тому же благодаря Вартану они с Дуганом смогли купить новый дом за городом.

– Вы тратите свое время, детектив, – сказала Гедре Бобби Расту, когда он встретился с ней во второй раз. – У Дугана

легальный бизнес, а его друг Давид Вартан, возможно, слишком хороший предприниматель, но не наркоделец уж точно… Скажите мне честно, – попросила Гедре детектива, – вы сами были в этом клубе хоть раз? Если нет, то вам нужно сходить. Мой муж расписал там стены. Это самая лучшая его работа. А после того, как некоторые посетители «Честолюбивых намерений» увидели роспись, у Дугана появились заказы. Его первые в жизни серьезные заказы. Понимаете? Клуб позволил ему стать настоящим декоратором.

54

Линдси Стивенс. Эта женщина появилась в жизни Гедре Маккормак еще до того, как открылся клуб «Честолюбивые намерения». Появилась случайно, ворвавшись в жизнь, словно ветер в распахнувшееся окно, разбавляя застоявшийся воздух. Связь длилась чуть больше полугода, а затем прекратилась так же внезапно, как и началась. Дуган узнал о Линдси Стивенс, когда все было в прошлом. В это, по крайней мере, хотела верить сама Гедре. Да так оно и было какое-то время, но потом, когда Дуган открыл клуб и стал проводить там большую часть времени, если, конечно, не декорировал другие помещения…

В общем, Гедре и сама не поняла, как в ее жизни появилась Рута Ландебергис. И не было это уже ворвавшимся в окно ветром. Скорее, что-то спокойное и монолитное, как медленное движение айсберга в ледяных водах океана жизни.

– Ты снова встречаешься с ней, да? – спросил Дуган: не прошло и месяца, как Гедре вступила в отношения с Рутой Ландебергис. – Снова с этой… – несколько секунд он размышлял, назвать Линдси Стивенс по имени или оскорбить. В результате не назвал никак, но Гедре поняла, о ком он говорит.

– Нет! – возмутилась она. – Да как ты мог подумать!

Ее обида была такой яркой и честной, что Дуган поверил. Поверил ровно на две недели, пока не увидел машину Линдси Стивенс недалеко от работы Гедре. Новый скандал вспыхнул и снова погас. Ненадолго. «И почему он обвиняет меня за связь с женщиной, которую я не видела уже несколько лет?» – возмущалась Гедре, невольно поражаясь превратностям судьбы. Тогда-то Давид Вартан и рассказал ей о разработке военных – нейронном детекторе лжи.

– Ты можешь пройти тест, если тебе нечего скрывать, – сказал он, когда Гедре в очередной раз пожаловалась ему на Дугана и его подозрения. – Правда, процедура может оказаться болезненной, но…

– Насколько болезненной?

– Чем сильнее ты будешь сопротивляться, тем значительнее могут стать повреждения нейронных связей мозга.

– А ты сам когда-нибудь проходил тест на этом детекторе?

– Нет. Проект закрыли раньше, чем он вышел из стадии разработки.

– И ты предлагаешь эту дыбу мне?

– Это не дыба, – рассмеялся Давид Вартан. – К тому же детектор вытащит из тебя лишь один ответ на конкретно

поставленный вопрос.

– Насколько конкретный вопрос?

– Настолько, что о Руте Ландебергис никто не узнает.

– О Руте… – Гедре вздрогнула.

– Не бойся, – улыбнулся Вартан. – Я не участвую в семейных разборках.

– И как давно ты знаешь?

– Раньше, чем узнала ты.

– Что это значит?

– Рута довольно часто появляется в клубе, хорошо платит за приватные нейронные программы. За заказы отвечаю я, так что… В общем, одна из программ была связана с тобой. С фантазией о тебе. Думаю, она увидела тебя когда-то в клубе… Я решил, что это не мое дело, но потом, когда поймал ее за приемом а-лиса…

– Она принимает а-лис?! – растерялась Гедре.

– Некоторые посетители иногда проносят в закрытые кабины а-лис, – пожал плечами Вартан. – Правилами клуба это запрещено, но иногда…

– Что было, когда ты поймал ее с а-лисом?

– Она сказала, что я не имею права трогать ее, так как она встречается с женой хозяина клуба.

– И что сделал ты?

– Взял паузу.

55

Гедре тоже хотела взять паузу, но как только попыталась поговорить об этом с Рутой, то та пригрозила, что если Гедре оставит ее, то Дуган тут же обо всем узнает. А потом снова появился детектив Раст из отдела нравов и начал рассказывать о Натали Карлайл – прежней девушке Руты Ландебергис, которая отправилась в тюрьму за хранение наркотиков. И все стало совсем плохо. Гедре хотела сбежать, раствориться, спрятаться, пока все это безумие не закончится. Но бежать было некуда. Дуган почти не появлялся дома, а когда появлялся, то молчал как рыба, подчеркивая свою обиду. Рута требовала встреч дважды в неделю и приходила в неистовство каждый раз, как только замечала за Гедре грусть или напряжение. Эта чокнутая Рута, которую детектив Раст обвинял в распространении наркотиков.

– Она продает а-лис в клубе «Честолюбивые намерения», – говорил детектив отдела нравов. – Не думаю, что ваш муж знает об этом. – Дальше он снова обвинял Давида Вартана во всех смертных грехах, считая его главным поставщиком а-лиса для Руты Ландебергис и других подобных дельцов. – Если вы не поможете мне, то потеряете клуб, потеряете дом, потеряете мужа, которому придется доказывать, что он не знал о торговле а-лисом в его заведении.

Будущее, нарисованное детективом Растом, было мрачным и безнадежным, отчего Гедре хотелось бежать еще дальше, чем прежде. Да она бы и сбежала, уехала на курорт или еще куда-нибудь, если бы Давид Вартан не предложил ей свою помощь.

– Детектив Раст считает, что ты торгуешь в клубе а-лисом, – честно сказала Гедре.

– Он просто делает свою работу, – криво улыбнулся Вартан. – И он скажет или пообещает тебе все что угодно, лишь бы ты помогла ему. Но как только он потопит наш клуб, потопит все то, что смог построить твой муж, следом за этим он отправит на дно и тебя. Поверь мне, я знаю, как работают эти люди.

– Знаешь, потому что нечто подобное случилось в «Серой мыши»?

– Знаю, потому что когда-то давно служил в армии.

И Давид Вартан рассказал Гедре о том, как был подопытным добровольцем в правительственном эксперименте.

– Когда прекращаешь принимать а-лис, то начинаешь видеть сны наяву, – сказал Вартан. – Иногда мне кажется, что я до сих пор вижу эти сны. И лечения нет. А-лис что-то изменяет в нашей голове. Но знаешь, что они сделали, когда закрылся проект?

Просто выкинули меня из системы. Тебя ждет то же самое, если ты начнешь помогать детективу Расту.

56

– Больше я никогда не видела Руту Ландебергис, – сказала Гедре, когда Глори встретилась с ней спустя почти пятнадцать лет после тех событий.

Польщенная интересом прессы, она, казалось, и сама была не против вспомнить о временах, когда через несколько лет после исчезновения Руты Ландебергис пропал Давид Вартан, клуб больше года находился под арестом и каждый, кто был замешан в этой истории, мог оказаться в тюрьме или просто исчезнуть, как это случилось с Рутой или Вартаном.

– Мы до сих пор выплачиваем наложенный в те годы на клуб штраф, – сказала Гедре.

– А как же детектив Раст? – спросила Глори. – Мне казалось, он обещал помочь.

– В то время он сам был под подозрением отдела внутренних расследований.

– И вы не спрашивали его о том, где мог находиться Давид Вартан?

– Нет.

«Значит, придется это сделать мне», – решила Глори. Но сначала нужно было подготовиться – вряд ли Раст будет так же словоохотлив, как Гедре Маккормак. Нужно иметь возможность надавить на него, заставить выложить все, что он знает о Давиде Вартане. Что стало с бывшим военным? Почему он исчез и где находится сейчас? И помочь в этом Глори мог только один человек, уже писавший о любовнице Бобби Раста, – Хинде Соркин. Пятнадцать минут славы Жана Мерло, которым когда-то так сильно завидовала Глори. Что ж, теперь они с ним были на равных, а если ей удастся раскрутить историю Давида Вартана, то она сможет обскакать бывшего любовника, оставив его в этом неофициальном соревновании далеко позади.

Теперь нужно собраться, встретиться с ним и найти подход, чтобы выведать все, что он знает о детективе из отдела нравов Бобби Расте. А в том, что у Мерло есть информация на этого человека, Глори не сомневалась. Хинда Соркин преследовала Мерло после выхода его статьи больше года, и Мерло нужно было подстраховаться. И пусть детектив Раст выступал в роли примирителя в этом столкновении, вряд ли он при возможности не отомстил бы журналисту за свою любовницу. Так что информация у Мерло на Раста должна была быть. Иначе Мерло не был бы журналистом.

57

Первым откровением для Глори было то, что Мерло помнит ее и, вероятно, все еще влюблен. Вторым откровением было то, что и она, кажется, была влюблена в него. По крайней мере, снова оказаться с ним в одной постели было волнительно. Вокруг, казалось, изменился весь мир, а эти отношения остались прежними. Если бы еще исключить а-лис, к которому успела пристраститься Глори, да известие, что бывший муж начал торговать а-лисом. Муж, о котором Глори совершенно успела забыть. Словно этот мегаполис, куда снова привела ее судьба, никогда и не был ее домом. Просто очередное расследование, очередная статья. Но здесь Глори забывала о Чипере, о докторе Ситне, о Парси Лейн. Да и сам Мерло был таким простым и настоящим, что Глори начинала спрашивать себя, почему бросила его, когда еще жила здесь. Почему сбежала? Зачем? А может быть, им была необходима эта пауза? Они поумнели, повзрослели. «Подсели на а-лис», – кисло подметила за себя Глори.

Мысль о том, чтобы приучить Мерло к а-лису, возникла внезапно. Это был какой-то подсознательный порыв, который она не могла контролировать и поняла, что это ошибка, только когда Мерло оказался в больнице с передозировкой. Ошибка не потому, что а-лис мог убить ее «старого-нового» любовника, а потому, что если идти этой дорогой, то они превратятся в Чипера и Парси Лейн – пара наркоманов, которые тратят все деньги на пилюли и батареи для нейронных модуляторов. А это Глори уже проходила. И от этого она уже сбежала. Поэтому, находясь в больнице, возле кровати Мерло, Глори решила, что как только он очнется, она откроет ему свои карты и напрямую попросит рассказать все, что он знает о детективе Расте.

– Так все это было ради очередной истории? – спросил Мерло.

Глори разозлилась на него за то, что он этим вопросом заставил ее чувствовать себя виноватой.

– Вся наша жизнь – истории, – сухо сказала она, стараясь не выдать своих переживаний.

«Пусть думает, что мне плевать. Так проще. Намного проще», – убеждала себя Глори, но все же сказала Мерло, что если он откажется делиться с ней информацией, то она поймет.

– Журналисты ведь как стервятники, – улыбнулась она. – Кто первый учуял падаль, того и мясо.

58

Ночь, тишина и сны наяву. Сейчас Мерло был рад им. Далекое прошлое, которого никогда не было. Пара одноклассниц, имен которых он не помнит. Друг детства, с которым давно потеряны все связи…

– Как включить эту штуку? – слышит Мерло его далекий голос, приходящий отголоском из нейронного трипа, принося видения, запахи, чувства.

Колхаус, еще совсем мальчишка, крутит в руках нейронный модулятор усопшего деда. Мерло видит друга в старом доме своего деда, продолжая оставаться в больничной палате, но реальность и вымысел смешиваются, сливаются. И Мерло уже не лежит на кровати – он стоит под окном и держит в руках вырождающиеся початки марихуаны. Здесь, у моря, этот сорняк вообще растет в каждом огороде.

– Даже в клумбах! – оживляются одноклассницы.

Мерло смотрит, как они срывают увядшие, засохшие листья марихуаны. Теплый, пропахший солью ветер качает в клумбах задушенные сорняками красные гладиолусы. Старый дуб шелестит пыльной листвой. Небо синее-синее. Солнце теплое, яркое, но его лучи теряются в кронах деревьев, не достигая клумб.

– Марихуана любит солнце, а здесь тень, – говорит одноклассницам Мерло.

Они кивают и неловко продолжают забивать выпотрошенные сигареты.

– Да как, черт возьми, мне это включить?! – снова орет в доме Колхаус, высовывается в окно. – Давай, Жан, – просит он Мерло. – Покажи мне.

– Я не знаю, как это включать. Поищи инструкцию.

– К черту инструкцию! Это же твой дед!

– Я даже не помню, как он выглядел, – говорит Мерло.

Одноклассницы раскуривают самокрутку. Пропахший солью воздух смешивается с чем-то приторно-сладким. Мерло хочет посмотреть на одноклассниц, но вместо этого взгляд цепляется за дрожащие на ветру красные гладиолусы.

– Вот, попробуй, – слышит он голос одной из одноклассниц.

Самокрутка дымится перед глазами, зажатая женскими пальцами. На неухоженных ногтях блестит розовый лак. На указательном пальце пара заусенцев. Белый крохотный шрам возле второй фаланги мизинца.

– Сны наяву? – слышит Мерло далекий голос медсестры,

которая пришла проверить капельницу.

Теперь моргнуть, вернуться в реальность. Белые простыни, жесткая кровать, больничная палата.

59

Мерло выписался утром. Вернее, не выписался, а оделся и просто ушел. Таксист-араб довез его до дома. Мерло молчал, наблюдая, как толпы одетых в серое людей плывут по тротуарам. Несколько раз во время поездки возвращались рожденные а-лисом сны. Колхаус видел соседей своего усопшего деда, видел его могилу. Где-то рядом заплетающимся языком одноклассницы монотонно перечисляли смыслы своей жизни – повторяющиеся, накуренные цели и стремления, сдобренные смешками и нетрезвым хихиканьем. Видел Мерло и странную девочку на велосипеде, которая жила в конце улицы. У нее были глубокие черные глаза, смуглая кожа и очень длинные волосы.

– Чур моя, – сказал Колхаус.

– Ей всего шестнадцать, – сказал Мерло, готовый к спору, но потом понял, что таксист-араб привез его домой и нужно выходить из машины.

Шторы в квартире были задернуты, окна закрыты. В застоявшемся воздухе пахло Глори. Полумрак и незаправленная кровать напоминали о сексе. Плоть к плоти.

Мерло закурил, сел в кресло и уставился на мятые простыни. Где-то далеко лаяла собака, мычали коровы. Мерло слышал голоса соседей, которые хвалили его усопшего деда. Голоса из нейронного трипа.

«Кажется, у меня где-то был коробок марихуаны», – пришли в голову далекие мысли, но Мерло не особенно верил в реальность этого воспоминания. Но попытаться стоило. Может быть, хоть так ему удастся избавиться от снов наяву? Мерло заставил себя подняться.

Морская волна наползла на берег, облизала ступни, оставив на коже белую пену. Мимо прошла светловолосая девушка в синем купальнике.

– Посмотри, какие у меня клевые трусы, – сказал Колхаус, хвастая плавками в цвет национального флага.

Мерло тряхнул головой, пытаясь вернуться в реальность.

«Может быть, если досмотреть свой трип до конца, то потом будет легче?» – подумал он как-то отрешенно, снова сел в кресло, увидел среди постельного белья розовый бюстгальтер Глори, пепельницу, заполненную окурками со следами губной помады, чулок на спинке стула, тушь для ресниц возле зеркала…

Где-то далеко прокричала чайка, кружа над синим неспокойным морем, затрещали ракушки под ногами, которыми был усеян пляж. Девушка со светлыми волосами встретилась с

Мерло взглядом и улыбнулась ему. Он отвернулся, посмотрел на кровать в своей квартире, на вещи, оставленные Глори.

– Нет, к черту, – проворчал Мерло.

Он вышел на улицу, оставив квартиру открытой, поймал такси и назвал водителю адрес «Фиалки». Таксист кивнул и дал по газам. Машина набрала скорость. Мерло видел, как мелькают фонарные столбы и небоскребы. И где-то там, в ночном небе, летела белая чайка, преследуя его.

– Быстрее, черт возьми! – заворчал на таксиста Мерло, хотел открыть окно и прогнать надоедливую птицу, но стеклоподъемник был сломан, и ему оставалось лишь следить за чайкой, прижавшись лицом к грязному стеклу.

60

В клубе было шумно, но грохот музыки странным образом помог Мерло протрезветь. Мысли стали ясными, чистыми. «Какого черта я снова пришел сюда?» – подумал Мерло и спешно попятился к выходу, увидев за барной стойкой хозяина «Фиалки».

Клод Маунсьер медленно повернулся, словно почувствовав на себе взгляд Мерло.

– Какого черта ты пришел сюда? – спросил он, подойдя к бывшему любовнику бывшей жены.

– Ты не поверишь, но я и сам спрашиваю себя об этом, – глуповато хохотнул Мерло.

Клод Маунсьер остался хмур, продолжая сверлить недруга взглядом.

– Ищешь Глори? – наконец спросил он.

– Глори? – Мерло хотелось сжаться, исчезнуть. – Глори ушла. От меня ушла. А я… Я просто…

– Ты заметил, как сильно она изменилась?

– Что?

– Совсем другая.

– Да нет. Просто журналист.

– Как и ты.

– Ну да.

– Напишешь обо мне, и я тебя убью.

– Я знаю.

– Хорошо. – Клод Маунсьер помрачнел. – Она даже трахаться как-то по-другому стала. Ты не заметил? Пришла сегодня утром, сказала, что ей нужен а-лис… Ты не знаешь, когда она подсела на эту дрянь?

– Нет.

– А эта статья, которую она пишет? Думаешь, это действительно что-то серьезное или так, очередной бред наркомана?

– Думаю, что-то серьезное.

– Тогда хорошо… Пока еще хорошо… – Клод Маунсьер окинул Мерло внимательным взглядом. – Она сказала, у тебя была передозировка?

– Я не знал, что попаду в больницу.

– Глори подсадила тебя?

– Да.

– Здесь ты из-за нее или из-за а-лиса?

– Она получила от меня все, что хотела, и ушла.

– Как и от меня. – Клод Маунсьер выудил из кармана пакетик

красных пилюль и протянул Мерло. – Вот. Ты тоже – забирай и проваливай отсюда. Не хочу больше видеть тебя здесь никогда. Понял? Никогда.

61

– Почему на море такой хороший гандж и такое плохое вино? – спрашивает Колхаус, когда ближе к утру Мерло возвращается домой, принимает а-лис и включает нейронный модулятор.

Прошлое отступает, оставляя иллюзию. Беспокойства нет. И чайки над вспененными волнами уже не раздражают, а радуют глаз – белые, игривые. Но вино… Вино действительно плохое, и а-лис уже рисует в голове Мерло фантазию о заводе, где можно купить хорошее вино – густое, сладкое. И Мерло рассказывает об этом другу детства.

– На обратном пути заедем, – обещает он.

И все как-то скользит, льется, вращается в ускоренном ритме под всплески волн на пляже, шум колес по дороге домой, скрип кроватей ночью и жалобы одноклассниц, что к ним совсем не пристает загар.

А утром, этим поздним, солнечным, зевотным утром, Мерло встречает соседскую девочку с черными глазами, и черты ее лица почему-то напоминают ему о Глори – о женщине из будущего, которое ему только предстоит прожить. И с каждой новой встречей сходство это становится более сильным, реальным.

– Хочу переспать с ней, – говорит Колхаус, и Мерло чувствует ревность и обиду на друга за эти слова, но не может понять, в чем причина этих чувств. – Хочу привести эту соседку и подключиться с ней к нейронному модулятору твоего деда, – строит планы Колхаус, когда они снова сидят на морском пляже, и ракушки, покрывающие весь берег, больно врезаются в ягодицы.

А вечером, вернувшись домой, Колхаус включает нейронный модулятор и показывает Мерло сохраненную версию программы, в которой он резвился с одной из одноклассниц.

– Никогда бы не подумал, что она на такое способна, – говорит Мерло, окруженный содомскими нейронными образами и восприятиями.

– Но ведь это просто фантазия, – говорит Колхаус. – Как думаешь, соседка согласится на нечто подобное?

– Понятия не имею, – говорит Мерло, видя в соседке Глори из будущего. – Может быть, для начала просто пригласить ее к нам в гости? – предлагает Мерло, купаясь в нереальных всплесках будущего, которые показывает ему а-лис. Показывает и заставляет забывать. Снова и снова. И что-то во всем этом есть недоброго, зловещего, словно одиночество и мысли о смерти всех близких тебе людей. – А может, ну к черту эту соседку? – торгуется

Мерло. – У нас ведь уже есть одноклассницы.

– Можешь забирать себе обеих, – смеется Колхаус.

– Зачем обеих? – серьезно спрашивает Мерло, озадаченный перечным вкусом своих чувств и воспоминаний о Глори. – Мне хватит и одной.

И уже поздним вечером на скамейке возле дома, с захмелевшей одноклассницей в обнимку:

– Может быть, завтра поедем назад?

– Почему?

– Не знаю. Жутко здесь как-то.

– А может быть, все дело в той записи, которую сделал Колхаус, когда мы с ним подключались к нейронному модулятору твоего деда?

– Да, – цепляется за эту идею Мерло, потому что соседская девочка с лицом Глори пугает его сильнее и сильнее.

– Так ты хочешь уехать, потому что ревнуешь меня к Мэтью? – спрашивает одноклассница.

– Да, – снова врет Мерло однокласснице, себе, всей этой ночи вокруг.

– Он мне не нравится, – говорит одноклассница. – Уже не нравится.

– Угу, – говорит Мерло и крепче обнимает ее за плечи.

Они занимаются любовью прямо на улице. Стонут и охают под мычание соседских коров, словно грузинская песня, в которой два верхних голоса сопровождаются басом.

– Ты клевый, – шепчет одноклассница, оставляя на шее Мерло багровый засос. – Очень клевый, – повторяет она, когда мимо них проходит Колхаус.

– Ты куда? – спрашивает Мерло.

– Пойду попытаю счастья с соседкой, – говорит он, растворяясь в густой как смоль темноте.

Его нет всю ночь и нет утром. Трип рисует Мерло какие-то поездки, суету.

– Нужно сходить за Колхаусом, – говорят одноклассницы.

Дождя нет, но проселочная дорога вязкая. Мерло слышит, как чавкает под ногами грязь.

– Поторопись! – кричат одноклассницы, но его ноги тонут в грязи все глубже и глубже.

Он остается один – стоит и смотрит, как из дома в конце улицы выходят Колхаус и соседская девочка, встречая одноклассниц.

– Забавная у нас здесь получается история! – задорно говорит девочка, как две капли похожая с Глори, и дом за ее спиной растворяется в лучах не то заката, не то рассвета.

Мерло видит, как растекаются стены дома, плавятся, тают, и за ними открывается бесконечное конопляное поле. Мерло чувствует запах этих сочных листьев.

– Кому нужно море, если есть такие поля? – спрашивает его друзей Глори.

Она сбрасывает с себя одежду, тонет в конопляных зарослях, продолжая звать за собой Колхауса и одноклассниц. Мерло видит, как они раздеваются – тела бледные, без тени загара. Глори смеется. Пара старух – тех самых, что показывали Мерло могилу его деда, – наблюдают за происходящим.

– Почему ты не ушел с друзьями? – спрашивают старухи.

Мерло бормочет что-то бессвязное о дороге, в которой увязли его ноги, но вдруг понимает, что дорога сухая и твердая.

– Что ж, зато у тебя остался нейронный модулятор, – говорят старухи.

Мерло кивает и возвращается в старый, покосившийся дом деда. Модулятор стоит на столе. Мерло включает запись трипа, где Колхаус веселится с одной из одноклассниц.

«Вот и все, что осталось от друзей», – думает он, вспоминая смех Глори. Смех женщины, которая бросила его раньше, чем он успел завязать с ней отношения. И будущее тает, как ранее таял соседский дом. Вся жизнь тает, срывается капелью с замерзших крыш. Ничего нет. Никакого будущего. Совсем.

62

Мерло очнулся в холодном поту и до утра не спал, пытаясь вспомнить все, что случилось с ним за последние годы, убедиться, что это сохранилось в его сознании. Нейронный трип, казалось, перевернул весь мир. Лишь ближе к обеду Мерло пришел в себя. Пилюль а-лиса было много, но он спустил их в унитаз. Он разобрал на части свой нейронный модулятор и отправил в мусоропровод.

– Хватит с меня этих историй!

Мерло переоделся, пообедал в закусочной, которая была ближе всего к его дому.

Теперь вернуться на работу. Притвориться, что не было последних безумных недель (или месяцев?). Может быть, позвонить жене, попросить прощения. Взять у редактора дополнительную нагрузку. И самое главное – не думать об а-лисе, не ждать снов наяву. Не вспоминать Глори. Не вспоминать нейронные трипы…

Три долгих дня Мерло притворялся, что все стало как раньше. Притворялся, даже когда появились сны наяву и он начал видеть конопляное поле, слышать голос Глори, которая звала его, манила, мелькая меж сочных, тянущихся к небу крепких стеблей, шершавых листьев и пушистых соцветий – обнаженная, желанная.

Эти видения приходили так внезапно и были такими реальными, что коллеги начали косо смотреть на Мерло, которому пришлось инсценировать запой, чтобы скрыть истинные причины своего странного поведения. Да, подобное принять коллегам было проще. Молодой журналист разрушил свой брак, связавшись с бывшей любовницей. Такой расклад они понимали. Редактор – и тот предложил Мерло взять пару оплачиваемых выходных, чтобы прийти в себя. И все, казалось, действительно наладилось. Сны наяву угасли, а сам Мерло почти убедил себя, что и не было тех безумных недель, но потом… Потом в редакцию пришел счет из больницы с подробным перечнем оказанных услуг и причиной госпитализации.

– Я не могу держать в газете наркомана, – сказал главный редактор «Эффи» Тимоти Хейвлок.

И мечты, что все наладится, рухнули как карточный дом.

63

Когда Мерло вернулся в родной город и встретил Мэтью Колхауса – настоящего, а не глюк из нейронного трипа, ему потребовалось почти три месяца, чтобы рассказать о своей жизни в мегаполисе. Нет, Мерло не был многословен. Он просто не хотел врать и скрывать от Колхауса неприятные для воспоминания детали. Поэтому приходилось брать паузы и подготавливать себя. Но Мерло чувствовал, что обязан выложить другу все, что случилось, – иначе это сожрет его изнутри.

– Такая вот история, – закончил свой рассказ Мерло.

«История, которая принадлежит нам, – сказала где-то в воспоминаниях Глори, словно а-лис все еще имел над Мерло власть. – История, которой принадлежим мы».

– Но все уже в прошлом, – сказал Мерло не то Глори, не то Колхаусу, не то самому себе. – Мне плевать… На все плевать… – он заставил себя улыбнуться, понимая, что больше разговаривает с Глори, чем с Колхаусом. – Я слишком сильно напуган. Я слишком сильно разочарован… Это как попытка самоубийства. Поднимаешься на крышу, а кровельщик спрашивает, куда ты идешь. Никуда, говоришь ты. И ведь это правда. И никаких больше историй. Шесть секунд свободного полета – и жизнь оставляет тебя. Ты чувствуешь удар о землю, видишь зеленый газон, постриженные кусты, белый бордюр тротуара, но все это тонет в кровавом приливе. Ты чувствуешь его вкус у себя во рту. Понимаешь, что дальше ничего не будет, но в этот самый момент подходит Глори, целует тебя в окровавленные губы и говорит: «Я люблю тебя. Я всегда любила тебя, дурачок…» И хрен его знает, что все это значит… Такая вот жизнь.

64

В эту ночь Мерло решил, что для того, чтобы забыть Глори, ему нужно найти новую девушку. Пусть даже виртуальную, записанную в интерактивную программу для нейронного модулятора. И пусть она будет совсем не похожа на Глори.

Местная сеть не поддерживала интеграцию нейронных модуляторов, да и скорость сети была крайне низкой. Странно, но Мерло уже и не помнил, когда пытался скрасить досуг подобным образом, да и не нужно ему это было в мегаполисе, где найти женщину на ночь не было проблемой. А здесь, в этом крохотном Дрю-Бер… «Как вообще здесь знакомятся взрослые люди? – спрашивал себя Мерло, изучая предлагаемые в сети программы для досуга. – Где здесь вообще найти девушку для секса без обязательств? Интересно, как бы повела себя Глори, если привезти ее сюда? Свела с ума весь город или сошла с ума сама?» Мерло выругался, заставляя себя не вспоминать жизнь в мегаполисе и женщин из прошлого. Ничего этого уже нет. Теперь только Дрю-Бер да интерактивные программы…

Третий сайт для взрослых, который посетил Мерло, выбросил на экран баннер, что кредитная карта посетителя пуста и невозможно сделать покупку.

– Прощай, мегаполис, прощай, легальное программное обеспечение, – проворчал Мерло, закуривая очередную сигарету.

Пиратские сайты встретили его бесконечной рекламой и прочим мусором, большая часть которого была ориентирована на нейронные модуляторы и вместо информативности лишь нагружала и без того медленное соединение. Серфинг начал утомлять, и Мерло попытался скачать первую попавшую на глаза программу, на обложке которой была нарисована рыжеволосая девушка. Ссылка на скачивание оказалась недействительной.

– Вот дерьмо! – разозлился Мерло, перейдя раз десять по битым ссылкам, а потом и вообще увидел предупреждающий баннер, что его адрес попал в черный список программы по контролю за пиратством. – Это же просто чертова порнуха! Кому нужно защищать старую, покрывшуюся плесенью порнуху?!

65

Новая жизнь, новые проблемы, но заплаты старые.

– Куда катится мир?! – спросил Мерло молодого коллегу по работе, признавшись, что не смог скачать ни одной нейронной программы категории порно. – Создание программ для релаксации стоит намного больше, но почти все они бесплатные или находятся в неофициальном общественном доступе, а вот скачать себе интерактивную девочку… – он выругался и, выбив из пачки две сигареты, одну закурил сам, а другую протянул коллеге Арану Бейту.

– Зачем что-то качать? – растерянно спросил тот. – У тебя же крутая машина с нейронным модулятором. Прокатись вечером по барам. Малолетки сами повиснут на тебе.

– Так-то оно так, да я уже не малолетка, – кисло улыбнулся Мерло, но когда Бейт предложил вечером прокатиться по городу и посетить пару баров, отказываться не стал, убедив себя, что Бейт лишь немногим младше него.

Сколько ему было? Двадцать три? Двадцать пять? Молодой верстальщик. «Зачем он учился типографскому делу? – думал Мерло, вспоминая грязные руки Бейта с засохшими чернилами под ногтями. – В этом же нет смысла. Это пережиток прошлого. Одно дело – старики, которые работают в типографии, верстая газеты, но молодой парень…» Мерло не хотел спрашивать Бейта об этом, считая подобное не совсем этичным, но когда они встретились вечером, не смог удержаться.

– А зачем ты учился на журналиста? – ответил вопросом на вопрос Аран Бейт.

Они сидели в душном, прокуренном баре. Мерло долго молчал, поставленный в тупик вопросом Бейта, затем решил, что это не вопрос, а просто форма защиты, и начал рассказывать о жизни в большом городе. Бейт фальшиво изображал интерес – Дрю-Бер был у него в крови, в мыслях. Он пропитался этим сонным городом, и ничто другое уже не могло растормошить его, если только освободившийся старый бильярдный стол. Бейт вскочил со своего стула и заорал, что хочет играть. Мерло так и не понял причины этого оживления – то ли Бейт выпил слишком много пива, то ли устал от разговоров.

– Пойдем, – позвал Бейт.

– Я не умею играть.

– Ты жил в мегаполисе и не умеешь играть?

– У меня были другие интересы.

Бейт рассмеялся, решив, что это шутка, и бросил Мерло кий.

– Разбивай! – он выстроил из шаров пирамиду. – Просто бей в шар так, чтобы он попал в центр.

После тридцати минут игры и моря колкостей от Бейта и других игроков за соседними столами Мерло решил, что с него хватит.

– Пойду подышу свежим воздухом, – сказал он, бросил кий на потертый стол и вышел на улицу.

– Ты всегда сдаешься так быстро? – спросил Бейт, выходя следом.

– Я не сдаюсь. Просто мне не нравится эта игра, – Мерло закурил.

Бейт предложил купить марихуаны.

– Когда это в Дрю-Бер стали продавать марихуану? – растерялся Мерло.

– Хочешь сказать, что в твою молодость этого здесь не было?

– Нет.

– Ну ты даешь, старик! – Бейт снова рассмеялся.

– Знаешь, если честно, то я уже ненавижу твой смех.

– Ненавидишь мой смех? – Бейт неожиданно помрачнел, задумался. – Да, похоже, тебе действительно нужна женщина, – сделал он вывод. – Сколько у тебя не было секса?

– В этом городе ни разу.

– Совсем?

– Как-то не до этого было. – Мерло поморщился, снова услышав смех Бейта.

66

Они покинули бар и долго кружили по разбитым улицам ночного Дрю-Бера. Мерло рассказывал о нейронных трипах, любовнице и семейной жизни. Бейт цеплялся к каждой юбке, мимо которой они проезжали.

– Когда-то мы с Колхаусом были такими же, – сказал Мерло, впав вдруг в ностальгическую меланхолию.

– С кем? – спросил Бейт.

– С другом моего детства.

– Ах, с этим Колхаусом! Он странный.

– Ты с ним знаком?

– Немного.

– И почему он странный?

– Он не рассказывал тебе о карлике?

– Рассказывал.

– И ты думаешь, это нормально? – Бейт открыл окно и снова попытался подцепить пару малолеток.

Девушки остановились, захихикали, разглядывая машину.

– Здесь есть нейронный модулятор, – сказал им Бейт.

Пока молодой друг перечислял программы, которые можно использовать, чтобы развлечься в этот вечер, Мерло пытался определить, сколько девушкам лет. Шестнадцать? Восемнадцать?

– Надеюсь, они совершеннолетние? – спросил он Бейта, когда девушки забрались на заднее сиденье его машины и стали объяснять, как проехать на школьную футбольную площадку, где их никто не побеспокоит.

– Не знаю, – честно сказал Бейт и попросил остановиться возле бильярд-бара.

Его не было минут десять. Мерло молчал, не зная, о чем говорить с девушками на заднем сиденье своей машины. Девушки тоже молчали. От них пахло лаком для волос, кремом и антиперсперантом. Казалось, что вся машина пропиталась этими запахами. Мерло открыл окно. Старая неоновая вывеска бара сбоила, мигала. Тощая рыжая псина лежала возле столба, на котором была установлена вывеска. Мерло бездумно смотрел, как псина вылизывает себя. Девушки на заднем сиденье проследили его взгляд и захихикали. Их смех раздражал так же, как их запах.

– Ну вот и я! – объявил Бейт, забираясь в машину.

Он принес две бутылки вина и шоколадку, повернулся к девушкам и замурлыкал какие-то нелепые детские пошлости. «С Глори и то было лучше», – хмуро подумал Мерло, пытаясь проползти по разбитой дороге на школьное футбольное поле.

Почти стемнело, но несколько ребятишек продолжали пинать мяч.

– Встань за дальними воротами, – сказал Бейт.

Он выудил из кармана несколько одноразовых стаканов, открыл вино и начал расхваливать прелести нейронного модулятора и группового подключения к нему. Бейт говорил так шаблонно, что было понятно – он только читал об этом, но никогда в действительности не пробовал. Было понятно для Мерло, для девушек на заднем сиденье – Бейт сейчас был самым мудрым и самым интересным человеком на всей планете. Одна из них охотно пила вино, но отказывалась подключаться к нейронному модулятору. Вторая не пила, но и не отказывалась.

– Тогда сделаем это втроем, – сказал Бейт и подлил отказавшейся девушке еще вина.

Она забрала остатки шоколадки и выбралась из машины, согласившись подождать подругу снаружи. Мерло настроил нейронный модулятор на троих, выбрав программу необитаемого острова.

– Вот это да! – сказала девушка, оказавшись в нейронной модуляции.

– Вот это да! – подхватил Бейт.

Мерло пожалел, что не активировал ночной режим. Так было бы проще заняться делом, а не ждать, когда все налюбуются на яркие фантазии разработчиков.

– Не хочу секса, хочу просто оглядеться! – сказала девушка.

Мерло заставил себя улыбнуться.

– На другой стороне острова есть пляж, – сказал он девушке.

– И что? Я смогу искупаться?

– Сможешь.

Мерло прервал свою модуляцию и выбрался из машины.

– Быстро ты! – сказала девушка со стаканом вина и черными от шоколада зубами.

– Ничего не было, – для порядка сказал Мерло и закурил сигарету.

– Совсем? – удивилась девушка и, нетрезво икнув, жестом попросила у Мерло сигарету.

– Совсем.

– Почему?

– Потому что твоей подруге понравился остров и она захотела просто искупаться.

– Там можно купаться?!

– Да.

– А утонуть там можно?

– Нет.

– Жаль. Было бы интересней.

– Достань а-лис, подключись к модулятору, и будет тебе интерес.

– А-лис? Это что?

– Это… – Мерло посмотрел на девушку и устало покачал головой. – Ничего серьезного.

– Понятно, – протянула она.

Какое-то время они молчали.

– А ты знаешь, что у нас в городе тоже делают нейронные программы? – неловко спросила девушка, словно желая доказать, что не такая глупая, как кажется.

– Нейронные программы? – переспросил Мерло, продолжая наблюдать, как дети у других ворот пинают футбольный мяч.

– Да, только они… интимные.

– Что?

– Порно, – сказала девушка и покраснела.

67

Почти неделя ушла у Мерло на то, чтобы найти сайт местной порностудии. Еще две недели ему пришлось ждать дня зарплаты, чтобы оплатить регистрацию на этом сайте. Ничего выдающегося на сайте не было, просто Мерло захватила идея посмотреть на творчество команды, которая жила в его родном городе. К тому же он все равно собирался подобрать себе пару нейронных программ подобного плана, а цены на местном сайте не были космическими, даже для его нынешнего скромного оклада. Впрочем, скромным его оклад никто кроме него не считал.

– Больше тебя в газете получает только наш главный и единственный редактор, – сказала девушка из бухгалтерии по имени Джафит Альта.

Да, теперь Мерло знал, как ее зовут, но так и не смог вспомнить, как учился с ней в школе.

– Только не обижайся, пожалуйста, – попросил он ее. – Я и себя не особенно уже помню в школе, а уж других…

Извиняться ему приходилось довольно часто, потому что каждый раз, когда они сталкивались с Джафит, между ними завязывался разговор, и каждый раз Джафит, словно издеваясь над ним, вспоминала школу. В итоге Мерло пришлось привыкнуть к этим извинениям. Они стали частью его служебной дружбы с бухгалтером.

В день, когда Мерло оплатил доступ к местному сайту для взрослых, эти извинения перешли на новый уровень. Сеть в его доме работала чудовищно медленно, поэтому зайти на сайт он мог только на работе. Собственный кабинет располагал к приватности. Полноценные нейронные программы оплачивались отдельно, но демонстрационные ролики можно было скачать бесплатно, чтобы потом купить заинтересовавшие. Мерло не пытался сосчитать, сколько всего на сайте было девушек, остановившись на первой, которая совершенно не напоминала ему Глори – рыжая, высокая, с зелеными глазами. Ее звали Фрита, и когда Джафит Альта вошла в кабинет Мерло, он как раз просматривал демонстрационное видео предлагаемых программ с Фритой в главной роли. Быстро выключить звук не получилось. Глаза Джафит округлились.

– Я просто… – Мерло почувствовал, что краснеет. Краснеет не потому, что смотрит порновидео, а потому, что делает это в тридцать лет. Не в двенадцать или на худой конец пятнадцать, а в тридцать. И еще этот чертов регулятор громкости – маленький, не приспособленный для спешных манипуляций.

– Это что такое было? – растерянно спросила Джафит, когда стоны Фриты наконец-то стихли. Или не растерянно? Мерло мог поклясться, что видит в ее глазах маленьких чертиков. Или же это было просто презрение? Смех? Понимание комичности сложившейся ситуации?

– Я уже очень давно один, – сказал Мерло первое, что пришло в голову.

Джафит кивнула.

– Совсем один, – повторил Мерло.

Она снова кивнула, помялась на пороге и сказала, что хотела попросить об одолжении.

– Но если сейчас не подходящее время… – Джафит улыбнулась.

– Да нет, все нормально, – Мерло заставил себя улыбнуться в ответ. – Сейчас, очищу историю посещений в браузере…

– Не торопись.

– А вдруг еще кто-нибудь войдет, – Мерло натянуто рассмеялся.

Джафит кивнула, показывая, что оценила шутку, и спросила, какие у него планы на выходные.

– На выходные? – растерялся Мерло.

– Моя сестра выходит замуж. Нужна хорошая машина. А лучше твоей в редакции ни у кого нет… – Джафит хитро прищурилась, и чертиков в ее глазах стало больше. – Я не была уверена, согласишься ты помочь или нет, но сейчас, учитывая, что я знаю твою тайну…

68

Тема хорошей машины поднялась еще раз на свадьбе, но уже не Джафит, а редактором местной газеты Филом Бергом.

– Ты живешь не по средствам, – сказал он. – Даже я не могу позволить себе такую дорогую машину.

– Ну я ведь работал в большом городе… Там совсем другие зарплаты. – Мерло заметил непонимание в глазах редактора и спешно добавил, что у него был друг, который продавал подержанные автомобили. – Не думаете же вы, что я купил свою машину новой? – нервно хохотнул Мерло.

– Думал, – честно сказал Фил Берг, и Мерло радостно и от души рассмеялся, решив, что тема его дорогой машины исчерпана.

– Замучили тебя сегодня? – заботливо спросила Джафит, когда время было далеко за полночь.

Мерло не ответил, лишь вяло улыбнулся. Официанты крохотного ресторана, где проходила свадьба, суетились, убирая со столов посуду.

– Подвести тебя домой? – предложил Мерло.

– Может, как-нибудь в другой раз, – сказала Джафит и погладила его по щеке. – Как-нибудь…

Мерло заставил себя улыбнуться. Он вообще в этот вечер только и делал, что заставлял себя улыбаться. Когда Мерло остался один, он все еще машинально растягивал губы, реагируя на свои мысли, словно кто-то до сих пор был рядом. Ему хотелось думать о Джафит и ее прикосновении к его щеке, но вместо этого он вспоминал Фила Берга. Сейчас редактор ассоциировался у него с прошлым, с моментом, когда была куплена машина и… шумом мегаполиса, где можно было всегда затеряться, сбежать ото всех, если что-то пойдет не так, если кто-то будет слишком назойлив или наоборот, откажется, когда предложишь подвезти. Да, там всегда можно было найти того, кто согласится, но здесь…

Мерло проехал свой дом и очнулся только после того, как увидел вывеску приветствия на въезде в город. «Не останавливаться», – сказал он себе. Но мост через заросшую камышом реку был закрыт на ремонт, и Мерло пришлось вернуться в город. Остаток ночи он провел в машине, снова разрядив аккумуляторы, используя нейронный модулятор, а утром пешком отправился на работу. Пара старых верстальщиков, которые, казалось, жили в здании типографии, увидели молодого журналиста и радостно загоготали, давясь кашлем.

– Что смешного? – спросил Мерло, решив, что они веселятся,

потому что он пришел пешком.

– Да сегодня же выходной! – ответил ему один из верстальщиков.

– Выходной? Тогда какого черта вы делаете здесь?

– Мы? – в один голос спросили два старика, переглянулись и снова зашлись смехом.

– Я вообще-то задал вопрос, – решил идти до конца Мерло.

Смех продолжался, и Мерло достал сигарету, подчеркивая, что не уйдет без ответа.

– Ты же хотел бросить! – напомнили ему верстальщики и еще громче заржали.

69

Начало недели. Редактор дал Мерло написанный карандашом набросок о какой-то местной ферме и велел сделать статью на три колонки.

– Может, мне съездить туда и посмотреть, что к чему? – предложил Мерло.

– Зачем? – спросил редактор.

– Не знаю, – пожал плечами Мерло. – Обычно, когда о чем-то пишут статью, пытаются сначала понять, о чем пишут.

– Ты не знаешь, что такое ферма?

– Знаю, конечно, просто…

– Просто напиши статью, – отрезал редактор.

Мерло закрылся в своем кабинете, долго злился, куря у открытого окна сигарету за сигаретой, затем включил секундомер и начал готовить статью. На это ему потребовалось семь минут и шестнадцать секунд. Редактор не взглянул на работу Мерло, лишь кивнул и сказал:

– Идеально.

Следующие два дня никто не трогал Мерло, словно его последняя статья стала расследованием года.

– Я журналист, а не секретарша, – ворчал Мерло, дав себе слово, что если Фил Берг поручит ему еще хоть раз нечто подобное, то он пошлет его к черту. – Давайте я лучше буду вести колонку некрологов, – предложил он редактору, устав от бессмысленного сидения в кабинете к концу недели.

– Зачем? – спросил редактор.

– Хоть какая-то от меня будет польза. Надоело ничего не делать.

– Хочешь принести пользу – позвони своему другу, который торгует подержанными машинами, и попроси подыскать что-нибудь недорогое, но достойное для меня.

– Это не польза. Это почти шантаж.

– Это значит «нет»?

– Давайте не будем смешивать работу и личную жизнь, – попросил Мерло, а на следующее утро редактор отправил его в командировку, брать интервью у долгожителя, которому недавно исполнилось сто два года. – И в чем подвох? – спросил Мерло.

– Нет подвоха, – сказал редактор, но подвох был.

Два часа по разбитой дороге и тупик. Деревня за рекой. Пересечь поле, найти лодку, не заблудиться в лесу… А в конце оказывается, что долгожитель умер.

Мерло помялся возле покосившегося дома, сделал несколько

фотографий плетеной изгороди, амбара, картофельного поля, которое долгожитель исправно обрабатывал до самой смерти, свежего могильного холмика, вернулся в редакцию и честно потратил на статью три с половиной часа, в конце предложив жителям города устроить сбор средств для установки надгробия на могиле долгожителя.

Мерло работал почти до полуночи, а утром, прочитав статью, редактор велел ему удалить заключение, где предлагалось собрать средства на надгробие.

– Почему нет? – спросил Мерло.

– Потому что в этом году мы уже собираем средства для реконструкции женского монастыря и центрального храма, – сказал редактор.

– И много собрали? – сквозь зубы спросил Мерло.

– Вот и узнай, – сказал редактор и широко улыбнулся.

Мерло вернулся в свой кабинет и долго пытался дозвониться до оставшегося в большом городе друга, который торговал подержанными автомобилями. Он готов был умолять, унижаться, лишь бы редактор получил свою машину и оставил его в покое. Но номер друга сменился, а в справочниках Мерло так и не смог найти адрес нужного авторынка. Да и не помнил он уже, как назывался тот авторынок.

– Может, мне продать редактору свою машину? – спросил Мерло, когда подвозил Джафит после работы домой.

– Сомневаюсь, что ему нужна твоя машина. Ему нужна своя машина. Понимаешь?

– Хочу напиться.

– Ты не пьешь.

– Тогда обожраться а-лисом, подключиться к нейронному модулятору и послать все к черту.

– Где ты найдешь а-лис в этом городе?

– Ну тогда я не знаю.

– Можешь просто пригласить меня вечером на свидание.

– На свидание?

– Ну да. Если, конечно, ты не забыл о том, что это, пока жил в своем большом городе.

70

Они встречались трижды в неделю на протяжении месяца. Встречались как дети – сначала просто много говорили, потом держались за руки, обменивались смазанными поцелуями.

«Так даже лучше, – думал Мерло. – Никакого сходства с Глори». Но потом Джафит пригласила его к себе, и прошлое догнало Мерло, ударило в затылок и сбило с ног. Безумная ночь, безумная женщина и безумный секс… Нет, не так. Тихая ночь, скрипучая кровать и безумный секс. И – да, женщина тоже все равно безумная. Мерло выжали, измочалили, размазали по кровати и растерли по простыням. И – нет, это не напоминало ему Глори. Глори пропускала через соковыжималку его мозг, Джафит пропустила его тело.

– Кажется, у меня сейчас начнется обезвоживание, – признался Мерло.

Они лежали на кровати, тяжело дыша. Окно было открыто. В ночи стрекотали кузнечики, ухала какая-то чокнутая птица, и порхали летучие мыши. Мерло видел их, слышал хлопки крыльев, когда они пролетали возле окна. Еще он слышал, как что-то хрипит и булькает у него в груди, словно он только что пробежал марафон. Пытаясь отдышаться, Мерло повернулся на бок и закрыл глаза.

– Тебе нужно заниматься по утрам бегом, – услышал он голос Джафит. – И нужно срочно бросать курить… А то скоро превратишься в дряхлого старика.

71

Утро. Мерло разбудил звонок в дверь. Джафит поднялась с кровати, накинула халат и пошла открывать. Мерло вздрогнул, услышав голос ее матери, затем услышал, как Джафит рассказывает о нем. Соскочив с кровати, он спешно начал одеваться.

– А я вам пирожков испекла, – сказала потенциальная теща, когда Мерло выглянул из спальни.

Ему искренне захотелось поверить, что это не реальность, а какой-нибудь нейронный трип или просто результат приема дешевых психоделиков, неважно, лишь бы только все закончилось через час или два. Но нет, мать Джафит, широко улыбаясь, начала говорить, что помнит его еще ребенком. Мерло молчал, не пытаясь улыбаться.

«Сбежать не удастся», – понял он, и его измочаленное ночью тело тут же отозвалось болью.

Где-то далеко, совершенно в другом мире, засвистел чайник. Мерло и мать Джафит прошли на кухню. Он хотел выпить чашку кофе и выкурить пару сигарет, но вместо этого пил чай и притворялся, что ему нравятся пирожки, принесенные потенциальной тещей.

– О! – неожиданно оживилась она, когда Мерло уже думал, что все закончилось и теперь он сможет сбежать отсюда. – Ты ведь у нас мужчина? – спросила потенциальная теща.

– Вчера точно был… – нет, Мерло не пытался шутить.

– Думаю, она хочет, чтобы ты выбрал подарок моему отцу к юбилею, – улыбнулась Джафит. – Ты ведь не против?

– Кто? Я? – Мерло знал, что похож сейчас на идиота, но иначе вести себя уже не мог. – Конечно, могу.

Два часа они ходили от магазина к магазину, выбирая подарок потенциальному тестю. Мерло почему-то думал о рабстве. Думал о гладиаторских боях. Думал об импотенции как о безотказном лекарстве от безумия…

Ближе к обеду мать Джафит отвела их в спортивный магазин, купила спиннинг и, поблагодарив Мерло за помощь в выборе подарка, отпустила на все четыре стороны.

– Напиши статью о том, нужно ли нашему городу бюро находок, – сказал в понедельник редактор.

– Бюро находок? – Мерло все еще чувствовал себя идиотом после воскресного безумия.

Он смотрел на редактора и думал о Джафит, Глори, бывшей жене и всех тех людях, которые находят и теряют что-то важное в своей жизни. Или не очень важное? А может, находят и теряют не они, а кто-то другой находит и теряет их?

– Так что там с моей машиной? – спросил редактор.

– С какой машиной? – продолжая быть идиотом, спросил Мерло.

– С престижной и дешевой, которую продаст мне твой друг из большого города.

– Ах, с этой машиной… Боюсь, сейчас нет дешевых, но престижных.

– Тогда пусть будет не совсем дешевая.

– Не совсем дешевая будет стоить столько, что придется продать всю редакцию вместе с верстальщиками.

Мерло вздрогнул, услышав смех.

– Ну все, иди работай, – сказал редактор.

– Спасибо, – сказал Мерло.

Он вышел из кабинета, увидел Джафит и замер, желая провалиться сквозь землю.

– Давай пообедаем вместе, – предложила она.

– Почему бы и нет? – сказал Мерло.

В пустом кафе они сели возле окна и заказали два куриных супа, пару бифштексов, какао и блинчики. Заказ делала Джафит. Ела тоже в основном только она. Мерло смотрел на нее и думал об излишках веса, детях и лактации. «Наверное, в таких грудях, как у Джафит, должно быть много молока. Очень много… Как хорошо порой просто напиться и ни о чем не думать».

73

Ближе к вечеру Мерло закрылся в своем кабинете и снова зашел на местный сайт для взрослых. Он не собирался скачивать предлагаемые нейронные программы, только распечатал фотографии и подписал на них имена, затем позвонил Колхаусу и сказал, что нужно встретиться.

Друг детства долго изучал фотографии.

– И зачем они тебе? – наконец спросил он Мерло.

– Хочу написать об этом сайте.

– Зачем?

– Если не займусь делом, то свихнусь.

– Тогда проще просто напиться.

– Я не пью.

– С каких пор?

– Не знаю. Джафит сказала, что не пью, значит, не пью.

– Так у тебя с ней все серьезно?

– Надеюсь, что нет.

– Брак – это спасение.

– Брак – это кошмар!

– Тебе нужно почаще надевать мои очки, тогда поймешь, что такое настоящий кошмар, – Колхаус ткнул пальцем в фотографии местных порноактрис. – Вот это кошмар.

– Иди ты к черту со своими очками, островом в океане и карликом-проповедником, – Мерло примирительно улыбнулся и начал набирать номер Арана Бейта. – Давай лучше просто напьемся, – предложил он Колхаусу, а затем, когда на его звонок ответили, предложил Бейту то же самое.

Они встретились в местном бильярд-баре.

– Только никакой пирамиды и теории разбоя, – попросил Мерло своего молодого коллегу и заказал ему за свой счет выпить.

Колхаус молчал. Его черные очки смущали Арана Бейта.

– Может, снимешь их? Здесь ведь и так темно, – сказал молодой верстальщик.

Колхаус наградил его взглядом, но отвечать не стал.

– Я говорю…

– Не трогай ты его, – остановил Бейта Мерло. – Если хочет сидеть в очках, пусть сидит.

Желая сменить тему разговора, Мерло достал фотографии местных порноактрис и начал расспрашивать о них коллегу.

– Имена ненастоящие, – сказал Бейт.

Мерло достал карандаш.

– Называй настоящие и адреса.

– Не буду.

– Какого черта?

– Просто не буду и все.

– Он встречался с одной из них, – тихо сказал Колхаус.

– Откуда ты знаешь? – насторожился Бейт. – Я имею в виду, с чего ты это взял?

– Ты и вон та брюнетка, – Колхаус указал на одну из фотографий Мерло. – Вы светитесь одинаково.

– Светимся одинаково? – растерялся Бейт.

– Долгая история, – отмахнулся Колхаус.

– Мне наплевать, с кем из них ты встречался, – поспешил сменить тему разговора Мерло. – Уверен, что это было еще до того, как она стала частью нейронных программ этого сайта. Я просто хочу написать об этих людях.

– Написать? – Бейт недоверчиво смотрел то на Мерло, то на Колхауса.

– Статья в газете. Понимаешь? Я ведь журналист. Я должен что-то писать. Верно?

74

Дом, где была устроена нейронная студия, стоял на краю города – невысокий, коренастый, с зеленой крышей и желтым забором.

– Логово зверя, – так назвал его Колхаус, когда они проезжали мимо.

– Тебе виднее, – сказал другу Мерло, решив, что вернется сюда на следующий день один.

Оператор, который открыл ему дверь, был высоким и неприлично тощим. Он долго притворялся, что не понимает, о каком сайте идет речь, и только после того, как Мерло показал ему экземпляр нейронной газеты со своим звездным расследованием, впустил его в дом.

– Считай это интервью скрытой рекламой, – сказал Мерло.

Оператор хмуро кивнул.

– Сколько тебе лет? – спросил Мерло, понимая, что его могут выставить вон в любой момент. – Восемнадцать? Девятнадцать?

– Двадцать.

– И ты работаешь здесь только оператором или же занимаешься и программным обеспечением?

– Я занимаюсь здесь всем… Разве что только не снимаюсь.

– Ого, – Мерло пытался быть дружелюбным. – Насколько я знаю, писать программы для нейронных модуляторов – это целая наука. Ты где-то учился на это?

– Да.

– Почему бросил?

– Почему вы решили, что бросил?

– Тебе двадцать лет. Никто не получает серьезное образование к двадцати годам, если, конечно, он не гений. Ты гений?

– Нет.

– Но ты работаешь с нейронными программами, значит, где-то учился этому.

– Меня выгнали за употребление а-лиса.

– Вот как? – просиял Мерло.

– Это не так весело, как вы пытаетесь показать.

– Конечно, не весело, – продолжая улыбаться, сказал Мерло. – Просто меня выгнали из «Эффи» за такой же проступок. – Он выдержал недоверчивый взгляд оператора. – Как ты справлялся с последствиями? Лично я много пил. Избавиться от снов наяву невозможно, но вот коллеги по работе проще принимают запой, чем пару принятых таблеток а-лиса.

– Но вы сказали, что вас все равно выгнали, – напомнил оператор.

– У меня была передозировка, и когда я думал, что все уже позади, из больницы пришел счет.

– Печально.

– Не то слово.

75

Интервью. Мерло хотел встретиться с Фритой, но молодой оператор настоял на том, чтобы это была ее подруга – Диана.

– У нее сейчас сложный период в жизни, и интервью – это хороший способ почувствовать себя важной, – сказал он, а потом показал черновой материал будущей нейронной программы с Дианой в главной роли.

Мерло не хотел смотреть.

– Может быть, я лучше подожду, когда выйдет конечный вариант?

– Это частный заказ. Конечного варианта не будет на сайте, – сказал оператор.

Встреча состоялась в детском кафе – Диана сама захотела так.

– Закажи мне коктейль со взбитыми сливками, а себе кофе, – велела она.

– Конечно, – Мерло позвал официантку, а когда заказ был готов, поставил для важности на стол диктофон. – Ты не против? – спросил он Диану.

Она пожала плечами.

– Если диктофон начнет тебя напрягать, сразу скажи. Я его уберу. У меня и так хорошая память. Диктофон нужен, чтобы сохранить твой голос, интонации, эмоции.

– Понятно. – Диана взяла бокал с коктейлем, сделала глоток, слизнула с верхней губы белые сливки. – Как говорит наш оператор, будь естественной.

– Ну да, как-то так, – согласился Мерло.

Диана улыбнулась и снова испачкала губы взбитыми сливками. Испачкала специально. Мерло подумал о Джафит. Могла ли она стать порноактрисой? А Глори? А сама Диана сейчас? Была ли она похожа на порноактрису?

– Вот только не надо на меня так смотреть! – скривилась она, словно читая мысли Мерло. – То, что мы делаем, – не порно.

– Я понимаю.

– Нет, не понимаешь. Никто не понимает. Это просто проекции, сцены обнаженки… Каждая вторая знаменитая актриса снималась обнаженной хотя бы по пояс. Никто ведь не смотрит на них как на порнозвезд.

– Некоторые смотрят.

– Тогда они просто придурки!

Они замолчали. Мерло пил кофе, стараясь выглядеть безучастным. Диана смотрела на школьников за соседним

столиком.

– Когда-нибудь у меня будет большой дом и много детей, – тихо сказала она. – Я знаю, что всем плевать на мои мечты, но…

– Вашему оператору не плевать.

– Он еще мальчишка.

– Но мы здесь только благодаря ему. Это он сказал, чтобы я взял интервью у тебя, потому что ты сейчас переживаешь не самый лучший период в своей жизни, а интервью сможет отвлечь тебя.

– Я же говорю: он всего лишь глупый мальчишка.

– Так он неправ?

– И да, и нет?

– Почему тогда ты не уйдешь из проекта?

– А причем тут проект? Продавать свой образ в нейронных программах не так уж и плохо, если сравнивать с альтернативой.

– Тогда в чем причина?

Диана показала шрамы на правом запястье.

– Ты сделала это до того, как начала продавать свой образ в нейронных программах, или после?

– Не помню. На меня просто иногда находит и все… Но сейчас я в порядке. – Диана закатила глаза и неожиданно начала цитировать Омар Хаяма – слова о том, что жизнь одна и нужно успеть нагуляться вволю.

– Звучит как-то депрессивно, – подметил Мерло.

Диана пожала плечами и призналась, что последнее время слишком много пьет.

– Фрита говорит мне, что все это временно, что скоро мы все завяжем, но иногда мне кажется, что эти нейронные программы будут со мной всю жизнь.

– Я думаю, Фрита права, – сказал Мерло, пытаясь вспомнить, как выглядит эта девушка – совершенно не похожая на Глори рыжуха. – И не бойся, я не стану в своей статье называть ваши настоящие имена. Сценических будет достаточно.

– Это ничего не изменит. Слишком много продано приватных программ.

– Сомневаюсь, что тем, кто покупает приватные программы, есть дело до личной жизни актеров.

– Это маленький город. Очень маленький. И мне придется либо бежать отсюда, либо встречать этих людей почти каждый день.

76

Мерло встретился с главным редактором и сказал, что у него есть материал для новой статьи.

– Молодец, – сказал редактор и отправил его в центральную больницу, писать статью о прививках от гриппа.

– Почему ты вообще решил, что тебе разрешат написать статью о нейронных порнопрограммах? – спросил Бейт, когда они обедали во время перерыва.

– Дело не в порнопрограммах, – сказал Мерло. – Дело во мне, моей машине, во всем этом чертовом городе. Редактор не знал, о чем я хочу писать. Ему плевать. Он завернет любую мою статью. Я имею в виду настоящую статью.

– Зато платят тебе больше всех остальных, – пожал плечами Бейт.

Аппетит окончательно пропал, и Мерло вышел на улицу, оставив нетронутым свой обед. Он выкурил три сигареты подряд, наблюдая, как за высокими окнами ест Бейт.

Теперь отправиться в центральную больницу – два часа по разбитой дороге в одну сторону и два в другую, забрать набросок статьи главного эпидемиолога. «Угрозы нет», – говорит статья, в которой нет ни одной ошибки, как нет ни одного достойного печати предложения.

Мерло вернулся в город за полчаса до закрытия редакции. Можно было и не заходить на работу, но он решил, что полчаса ему хватит, чтобы сделать статью о гриппе. Да ему хватит и пяти минут! Оказавшись в своем кабинете, Мерло снова взялся за секундомер. Дверь в коридор была открыта, и он слышал, как коллеги стучат ящиками столов, готовясь уходить.

Выкурить сигарету. Выпить чашку кофе. Времени все меньше и меньше. Секундомер готов к включению. До закрытия редакции десять минут. Статья о гриппе ждет. Нужно уложиться в пять минут. Да. И теперь это главная цель журналиста.

Мерло затушил сигарету и включил секундомер. Побежали секунды его новой жизни. «Интересно, дают ли премию за самую быструю статью в истории журналистики?» – подумал Мерло, а через мгновение увидел на пороге своего кабинета Фриту. Живьем она выглядела совсем не так, как на экране, и он узнал ее не сразу. Без косметики, без хитрого, похотливого взгляда. Волосы – и те были не ярко-рыжими, а какими-то блеклыми, почти соломенными.

– Ты пишешь о нас статью? – спросила она, подошла к столу и пристально посмотрела Мерло в глаза. – Диана сказала, ты не

похож на большинство жителей этого города. Она ошиблась?

– Не знаю. Я долгое время не жил в этом городе.

Фрита задумалась, затем кивнула. Она достала из серой тряпичной сумки коробку от нейронной программы без обложки.

– Я хочу… Мы хотим, чтобы ты посмотрел это.

– И что это?

– Просто посмотри, – голос у нее был сухой, монотонный.

– Ты понимаешь, что это всего лишь редакция, а не телешоу «Мы ищем таланты»? – неудачно пошутил Мерло.

– Это не то, что ты подумал, – сказала Фрита.

Она ушла, плавно раскачивая бедрами. Ушла точно так же, как из этого кабинета уходила Джафит и все остальные женщины. Мерло посмотрел на часы, затем на черную коробку без этикетки, которую оставила Фрита. Цифры на включенном секундомере продолжали бежать.

– Да, с рекордом придется повременить, – тихо сказал Мерло и начал собираться.

77

Номера счетов, адреса доставки, фамилии приватных заказчиков – Мерло не сразу понял, что все это значит, не сразу узнал в большинстве клиентов жителей родного города.

– И что ты думаешь обо всем этом? – спросил он, показав выписки Мэтью Колхаусу.

– Ничего не думаю.

– Но там почти все видные жители нашего города.

– Я видел.

Колхаус снял очки и долго разглядывал Мерло: слишком внимательно, чтобы это могло что-то значить.

– И что мне теперь делать? – спросил Мерло.

– А что бы ты хотел сделать? – спросил Колхаус.

– Не знаю. Я хотел просто написать о них статью, а не подрывать мещанские устои этого города.

– Я говорил тебе не ходить в тот дом. Но ты сказал, что ты журналист… – плечи Колхауса вздрогнули. – Так и веди себя как журналист.

– Никто не даст мне напечатать эту статью в нашей газете.

– Газеты есть разные.

– Меня выгнали из «Эффи», забыл?

– У тебя есть друзья.

– Нет друзей. Глори – и та использовала меня.

– Может быть, теперь настало время использовать ее?

– Ты предлагаешь мне отдать статью ей?

– Если, конечно, ты не ищешь дешевой славы.

– А если ее это не заинтересует?

– А ты постарайся заинтересовать ее. Помнишь, как она говорила? Вы, журналисты, как стервятники – кто первым почуял падаль, того и мясо.

– А что потом? Глори получит порцию своей славы, а я потеряю работу и стану изгоем в этом городе. Скандал вспыхнет и погаснет. Последствия будут ощутимы только для меня и тех, кто снимался в нейронных программах.

– Но ведь это именно они дали тебе тему для статьи. Значит, им это нужно.

Колхаус поднялся с дивана, вышел на улицу. Мерло шел за ним.

– Мы еще не договорили, Мэтью!

– Об этом невозможно договорить, Жан. Здесь нет нужных слов. Иногда ты должен что-то сделать просто потому, что должен. Или не сделать. Выбор за тобой. Ты в центре, на грани. И

теперь только тебе решать, на чьей стороне быть. И поверь мне, на этой грани нельзя стоять долго. Зазеваешься – и она разрежет тебя надвое. Не будет больше Жана Мерло, лишь его разрозненные, никому ненужные половины. Но когда ты поймешь это, будет уже поздно. Так что обратный отсчет начался. – Колхаус неожиданно обернулся и уставился на Мерло стеклянными глазами. – Тик-так, Жан. Тик-так.

78

Мерло связался с Фритой и сказал, что им нужно встретиться и уточнить детали статьи. Это была лож, потому что Мерло просто хотел поговорить, заглянуть ей в глаза и понять, почему она пытается похоронить себя, свой бизнес, каким бы аморальным он ни был, а заодно и журналиста, на голову которого бросает наковальню этой статьи.

– Если только днем и только в детском кафе, – сказала Фрита, словно Мерло был одним из тех, кто покупает нейронные программы с ее участием, пользуется ими какое-то время, а потом этого становится мало и он начинает мечтать проделать все те гадости в реальной жизни с реальной девушкой.

«А я мечтал?» – спросил себя Мерло, вспоминая, как искал девушку, совершенно не похожую на Глори…

Когда на следующий день он пришел в детское кафе, Фрита уже ждала его, сделав заказ – коктейль со взбитыми сливками и черный кофе. И снова никакой косметики, никаких эмоций.

– Ты сказал, что у тебя есть вопросы, – сухо прервала банальные приветствия Фрита.

Мерло смутился, может быть, немного разозлился, но внешне сохранил невозмутимость, взял кофе, жалея, что в кафе нельзя курить, и спросил Фриту, понимает ли она, к чему приведет статья о клиентах их сайта.

– Конечно, – сказала она сухо, словно пустынный ветер добрался в этот богом забытый город и поселился в груди повстречавшейся ему девушки.

– И могу я спросить, почему? – спросил Мерло. – Это ведь просто бизнес. Не порнография, не проституция. Всего лишь заработок, работа. Не самая эстетичная, но…

– Ты видел Диану? – резко спросила Фрита. – Видел ее шрамы?

– По-моему, она просто увлекается не теми поэтами.

– Ты полный идиот, если думаешь, что в ее запоях и депрессии виноват Хайям.

– Так все это ради подруги?

– Все это ради каждого из нас.

– А ваш оператор знает?

– Оператор еще мальчишка. Дай ему пару лет и увидишь тень Дианы, которая идет за ним по пятам.

– И ты показала мне ваших клиентов, надеясь, что это спасет твоих друзей?

– Разве для того, чтобы кому-то помочь, нужно обязательно

быть друзьями?

– Ты понимаешь, что будет, если я напечатаю эту статью?

– Ты у нас умный, вот ты и скажи.

– Статью не пропустят в местной газете. Если я и смогу ее опубликовать, то это будет в «Эффи» или другой крупной редакции. Историю узнает вся страна. – Мерло замолчал, вглядываясь Фрите в зеленые, холодные глаза. – Вы станете изгоями в этом городе. Я стану изгоем.

Фрита молчала, потягивая коктейль со взбитыми сливками.

– Когда я облажался в «Эффи», мне пришлось вернуться сюда, сбежать, поджав хвост. Если облажаться сейчас, то бежать будет некуда. Мне, тебе, вашему оператору, Диане… Мы не найдем больше работу в этом городе. Никто из нас. Скандал вспыхнет и погаснет, останется лишь память. Те, о ком мы напишем, отделаются испугом, но никогда не простят ни одного из нас… – Мерло смотрел Фрите в глаза, но его взгляд уже притягивали взбитые сливки на ее губах. Это было сильнее него. Никаких пошлых фантазий. Только сливки.

Мерло тихо выругался и, поднимаясь из-за стола, признался, что ненавидит свою работу.

79

В этот вечер Мерло решился позвонить Глори, лишь когда время перевалило за полночь, да и то искренне надеясь, что забыл ее номер или что она уже спит. Но Глори не спала. Голос был ровным, недосягаемо далеким и настолько чужим, что Мерло вначале решил, что попал на какую-то другую девушку. Сколько прошло времени с их последней встречи? Пять месяцев? Семь?

– Ты еще не закончила свою статью? – спросил Мерло.

– Нет, – как-то неестественно спокойно сказала Глори.

– Зашла в тупик?

– Нет.

Мерло замолчал, а Глори не спешила спрашивать его, почему он позвонил.

– У меня есть статья для тебя, – наконец решился Мерло.

– Что за статья? – без особого интереса спросила Глори.

– Тебе понравится.

– Почему тогда ты не напишешь об этом сам?

– Я работаю в консервативной газете, редактор никогда не пропустит материал о порносайте.

– С каких пор ты стал заниматься порнографией?

– Дело не в порнографии. Видишь ли… – Мерло нервно закурил. Что-то было не так. Что-то с Глори. Что-то с ним. Словно за последние месяцы изменился весь мир. – Этот сайт находится в моем городе.

– И что?

– У нас маленький, консервативный город, уже наличие подобного сайта…

– Мне это неинтересно, Жан.

– Да подожди ты! – нет, он не злился, он боялся, что сейчас Глори прервет связь. – Одна из девушек, которая снимается для нейронных программ, продаваемых на сайте, передала мне список приватных клиентов. Большинство из них оказались жителями моего города. – Мерло замолчал, и в какое-то мгновение ему показалось, что связь все-таки прервалась. – Ты еще там? – спросил он для верности.

– Да, – голос Глори был, как и прежде, пресным и безразличным.

– И что ты скажешь?

– Ты показывал эту статью своему редактору? Каким бы консервативным он ни был, но шанс перемыть кости своим соседям…

– Он тоже в списке, – сказал Мерло, оборвав Глори на

полуслове.

Повисла пауза. Мерло прикурил от истлевшей сигареты новую. «Сейчас она точно прервет связь», – думал он.

– Тебе нужен мой совет, Жан? – наконец-то спросила Глори.

– Нет, мне нужна твоя помощь.

– Совет и будет помощью. Брось все и забудь о статье.

– Я не могу. Я обещал девушке с сайта, что опубликую эту статью.

– И зачем ей это?

– Говорит, что настало время поставить точку.

– И что потом? Я имею в виду ту девушку. Тебя не простят за то, что ты дал ход этой статье, а ее за то, что помогала тебе. Ты ей объяснил, что если эта статья появится в газетах, то лучше не станет?

– Дважды.

– Не помогло?

– Нет.

– Дааа… Это ты умеешь.

– Что умею?

– Находить себе чокнутых подруг.

– Фрита не моя подруга.

– Фрита?

– Что, теперь не нравится ее имя?

– Нет, просто подумала, что этот разговор может кто-то слышать. Кто-то в твоем городе. И если тебе плевать на себя, то, может быть, подумаешь о других и не станешь называть имен?

– Сомневаюсь, что кто-то нас слушает.

– Твое право.

– Так ты приедешь?

– Ради девушек с сайта?

– Найди любую причину и приезжай.

80

Последствия. Разговор с Глори разбудил что-то спрятанное глубоко внутри, и Мерло так и не смог больше заснуть в ту ночь. Чтобы убить время, он сделал набросок статьи о местном сайте нейронных порнопрограмм. Работа захватила, и сон окончательно отошел на второй план. Даже утром. Особенно если учитывать двадцать выпитых чашек кофе. Двадцать ночью и еще шесть в первую половину дня на работе.

Поручений не было, и Мерло продолжал редактировать статью, стараясь копировать стиль Глори, чтобы ей не пришлось делать много исправлений, когда статья попадет ей в руки. На первый взгляд выходило неплохо – сухо, информативно, аргументированно. Если бы не перерыв на обед, то ему, возможно, удалось бы закончить статью, подготовить ее к набору. Может быть, Глори исправит пару слов, но в остальном…

Мерло вспоминал Глори, когда они только познакомились, и сравнивал с той, в которую она превратилась, когда стала журналистом. Неужели подобные перемены происходили и с ним? Мерло до «Эффи» и Мерло после. А сейчас? Изменился ли он, вернувшись в родной город?

Мерло заказал молочный суп и блины с творогом, хотя вполне мог ограничиться парой чашек кофе и сигаретой.

– Хочешь вернуться в большой город? – спросил Бейт, подсаживаясь за его столик.

Вопрос поставил Мерло в тупик.

– Твоя статья, – помог ему Бейт. – Кажется, ты пишешь что-то для серьезной газеты?

– С чего ты взял? – насторожился Мерло.

Бейт пожал плечами и переключился на официантку, делая заказ. Незаконченный разговор повис в воздухе. Бейт улыбался. Мерло смотрел на него, пока не принесли поднос с едой.

– Пойду выкурю сигарету, – сказал Мерло, поднимаясь из-за стола.

– Твоя еда остынет, – сказал Бейт.

– Ничего страшного.

На улице Мерло долго смотрел сквозь высокие окна, как ест Бейт. Он видел лишь спину молодого коллеги да руку, которой тот поднимал ложку, но перед глазами все еще стояла улыбка Бейта. «Он знает о статье. Они все знают». Мерло попытался вспомнить, была ли фамилия Бейта в переданном Фритой списке. «Либо есть, либо параноик», – решил Мерло. Он вернулся в редакцию, желая проверить. Дверь в его кабинет была открыта.

Местный программист лет пятидесяти копался с его компьютером.

– Какого черта вы делаете? – спросил Мерло.

Программист обернулся, хмыкнул что-то в соломенные усы и сказал, что придется забрать компьютер в ремонт.

– Какой еще ремонт? – Мерло чувствовал, как стены редакции сжимаются, сдавливая его.

– Ничто не вечно. А в этом городе… Здесь все старое… – программист прошел мимо Мерло, унося компьютер. – Здесь все нужно чинить время от времени, – он заглянул Мерло в глаза и устало улыбнулся. – Простите, но то, над чем вы работали перед обедом, скорее всего, не сохранится.

– Ничего, – Мерло хотел промолчать, но не смог, – я всегда делаю копии.

Он прошел в свой кабинет, оставив дверь открытой, сел за стол. По коридору ходили люди – словно напуганные звери, которые потихоньку успокаиваются и возвращаются к жизни. Хотя все это могло быть и паранойей. Мерло хотел, чтобы так было. Паранойя в маленьком городе. Безумие, помешательство. Как очки Колхауса. Как остров, где Колхауса встретил карлик, изменив жизнь.

– Чертовы карлики, – сказал Мерло и подумал, что было бы неплохо выпить еще кофе, но кто-то забрал и его кофеварку.

Оставалось лишь ждать, когда закончится рабочий день, и идти домой, где было кофе, где был компьютер… Мерло надеялся, что еще был.

81

Сон. Мерло отключился на диване, в сотый раз перечитывая копию приготовленной для Глори статьи, стараясь довести ее до совершенства. Ему снилось, что он стал участником криминальной авантюры, где хулиган из забытого детства выступал в роли главного злодея, а редактор и десяток высокопоставленных чиновников из списка Фриты – судьями, которых нужно обмануть, избавившись от злодея.

– Думаешь, сможешь убить его? – спросил Колхаус, косясь на худощавого злодея с ружьем в руках.

– Не знаю, – честно признался Мерло. – Я никогда никого не убивал. Даже не думал о том, что могу кого-то убить.

– Это хорошо, – сказал Колхаус, а строгие судьи оживленно зашептались.

Злодей вел Мерло по незнакомым улицам родного города. Недалеко от местной больницы, которую Мерло тоже не мог узнать, они остановились.

– Теперь копай, – сказал злодей и указал на лопату, торчавшую в большой куче гравия.

– Ты знаешь, когда-то давно муж моей любовницы уже пытался похоронить меня, – сказал Мерло. – Так что придумай что-нибудь поинтересней.

– Могила не для тебя, – сказал злодей и показал на связанную Фриту.

Одежды на ней не было, но она была жива, и Мерло подумал, что это хорошо. Время на спасение еще есть. Он взял лопату и, не раздумывая, ударил ей злодея.

– У меня есть поджига, – сказал Колхаус и вложил ему в руку свое примитивное оружие.

Мерло смотрел на злодея, понимая, что удара лопатой для победы будет мало.

– Стреляй же! – прикрикнул на него Колхаус. – Зло не может смириться, признать свои ошибки. Зло может либо победить, либо умереть.

Злодей растянул в оскале разбитые губы, поднял ружье и прицелился в связанную Фриту. Мерло расценил это достаточным предлогом, чтобы убить монстра. Поджига щелкнула, зашипела, а затем разродилась грохотом выстрела. Мерло промахнулся. Дробь лишь разорвала кожу на щеке злодея. И улыбка монстра стала шире.

– Я сверну тебе тощую шею! – зашипел он, бросаясь на Мерло.

Время замедлило свой бег. Мерло знал, что в реальности у

него нет шансов, но сейчас, имея фору в несколько секунд, падая под весом злодея на кучу щебня за спиной, он пытался отобрать у него ружье, вывернуть его так, чтобы дуло уперлось монстру в грудь, и нажать на курок. Потом громыхнул еще один выстрел. Мерло упал, больно ударившись спиной о щебень. Злодей навалился на него. В его груди зияла черная дыра, но крови не было. И судьи уже окружали их, споря о тактике и ошибках.

– Вам нужно подождать решения, – сказал Колхаус Мерло и Фрите, которой кто-то уже развязал руки и накинул на плечи длинную мужскую куртку.

Их отвели в старый дом, в обитую красным войлоком комнату. На полах мягкие ковры. На стенах картины. На окнах тяжелые шторы. Дверь закрылась.

– И что теперь? – спросила Фрита, натягивая оставленные кем-то брюки и блузку.

Мерло пожал плечами, чувствуя, что время снова начинает играть с ним свои шутки, только на этот раз ускоряясь. «Решение не может быть вынесено, – подумал Мерло, вспоминая судей. – Решать вообще нечего. Я защищался. Я спасал девушку».

– Давай пошлем всех к черту и уйдем отсюда, – предложил он Фрите.

– А как же суд?

– К черту суд.

Он подошел к двери, но кто-то запер ее на ключ. Или же не на ключ? Мерло заметил десятки гвоздей, забитых с другой стороны. Расщепив старые доски двери, они смотрели на Мерло своими остриями. Весь дом из старого, но шикарно обставленного превратился в заброшенный и полуразвалившийся. Не было больше ни ковров, ни картин. Шторы сменились досками, закрывавшими выбитые окна.

– Отойди, – сказал Мерло Фрите, собираясь выбить дверь.

Трухлявые доски поддались с первого удара, в нос ударил запах гари. Мерло вышел на улицу. Напротив дымился, догорая, сарай. Чуть дальше сутулился обгоревшей крышей соседский дом.

– Думаю, судьям уже нет дела, виновен я или нет, – сказал Мерло.

– А мне кажется, что они уже вынесли свой приговор, – сказала Фрита. – Думаю, что все закончилось.

Мерло хотел возразить, но что-то холодное наполнило желудок. Тело стало легким, невесомым, устремляясь в небо. Мерло увидел сгоревший город, ставший его миром. Миром костров и провалившихся крыш. Воздух подхватил Мерло и понес над выжженным миром, над тюрьмой, в которую отправили его судьи.

Мерло закричал и проснулся, услышав свой крик.

82

Реальность вернулась почти мгновенно. Сон стал просто сном. Мерло лежал на кровати и смотрел за окно, на бледное предрассветное небо. Страх отступил. Пачка сигарет была пуста. Он вспомнил, что еще одна осталась в машине, поднялся с кровати и вышел из дома. Утро было хмурым, влажным, словно собиралось разродиться дождем. Машина покрылась росой. Мерло достал пачку сигарет и только после этого заметил, что колеса его машины проколоты, а заднее стекло разбито.

– Значит, не паранойя.

Он хотел закурить, но в карманах не было зажигалки. Оставалось вернуться в дом, сварить кофе, дождаться, когда начнется рабочий день, и позвонить в мастерскую. Для верности Мерло уточнил, нет ли фамилии мастера в списке приватных заказчиков. Нет, не было. Да и возраст у мастера был преклонным.

– Думаю, будет лучше, если ты уедешь из города на какое-то время, – сказал Колхаус, когда Мерло связался с ним из автомастерской, дожидаясь, пока ему заклеивают колеса.

– А как же Фрита и остальные? – спросил Мерло. – Что делать с ними?

– А что ты хотел с ними делать?

– Я имею в виду…

– Я знаю, что ты имеешь в виду, Жан. Я ведь вижу мир совсем не так, как ты.

– Снова твои чертовы очки?

– Дело не только в очках.

– Верно, дело еще в твоей голове. Не знаю, что с тобой случилось, пока ты жил в большом городе, но… – Мерло услышал крик старого мастера, что колеса готовы, и мысленно поблагодарил его за то, что не дал возможности наговорить другу лишнего. – Извини, Мэтью, нужно заплатить за ремонт.

83

Мерло не знал, как встретят его на работе. Да он, собственно, и ехал в редакцию только ради того, чтобы посмотреть. Не станут же калечить его машину средь бела дня?!

– Ну, как твоя статья для большой газеты? – спросил Бейт, едва Мерло успел припарковаться.

– Статья готова. – Мерло закурил, уставившись на молодого коллегу. – И поверь мне, разбитые стекла и порезанные колеса я проходил и раньше.

– Какие колеса?

– Кто-то покалечил ночью мою машину.

– Твою машину? – на лице Бейта вспыхнула неподдельная тревога. – Сильно?

– Было бы сильно, я бы пришел пешком, а не приехал на ней.

Они замолчали, потягивая сигареты. Из открытого окна бухгалтерии за ними наблюдала пара человек, лиц которых Мерло не мог разглядеть с такого расстояния.

– Зря ты связался с этой статьей, – неожиданно заботливо и очень тихо сказал Бейт. – Колхаус говорил тебе не ходить в тот дом.

– Дом ни при чем.

– Я говорю о статье…

– Слушай, Аран, – решил играть в открытую Мерло, – я не пойму, какой к этому делу интерес у тебя? Твоего имени ведь нет в списке приватных заказчиков.

– Может быть, я тоже хочу стать журналистом?

– Так тебе пообещали мое место?

– Твое место? – Бейт играл не то фальшиво, не то без особого желания. – Причем тут твое место? Я говорю о твоем расследовании, интересуюсь деталями, пытаюсь понять, как ты работаешь, изучить базисы.

– Вот как… – протянул Мерло, снова на мгновение почувствовав себя параноиком. – Ко мне на днях должна приехать подруга, – сказал он. – Она занимается независимыми расследованиями, которые потом продает в газеты. Если ты действительно хочешь стать журналистом, то я могу вас познакомить.

– Было бы неплохо, – широко улыбнулся Бейт.

Они вошли в здание редакции вместе. Бейта ждали верстальные станки, а Мерло – закрытый кабинет, где редактор распорядился провести дезинфекцию.

– Какую еще к черту дезинфекцию?! – вспылил Мерло, когда

ему об этом рассказала Джафит.

Она пожала плечами и показала ему место в коридоре, где он сможет расположиться на время дезинфекции.

– Да вы издеваетесь! – Мерло хотел рассмеяться, но не мог.

– Не вини нас, вини муравьев, – посоветовала ему Джафит.

– Каких еще… – вот теперь Мерло смог выдавить улыбку. Самое забавное, что муравьи действительно были, правда, не так много, чтобы закрывать его кабинет и проводить дезинфекцию.

84

Последнее предупреждение. На ночь Мерло предусмотрительно загнал машину в пыльный отцовский гараж. «Вряд ли они решатся сжечь мой дом», – думал он, но стопроцентной уверенности у него не было.

Ближе к полуночи, когда Мерло собирался лечь спать, в окна гостиной влетели четыре камня. Один из них угодил в старую люстру, другой уничтожил пыльный хрустальный сервиз. Не включая в гостиной свет, Мерло сидел на диване и пытался вспомнить, кто и когда подарил его родителям сервиз. А люстра? Кажется, ее повесили еще предки его родителей. Когда он был маленьким, то ему казалось, что эта люстра одного года с вымершими мамонтами. Он так и заснул – сидя на диване, с зажатой в руке сигаретой.

Ему приснились Глори и ее бывший муж. Глори была еще ниже, чем в жизни, и когда Мерло целовал ее, то ему приходилось поднимать ее на руках, как ребенка. Потом он увидел ее бывшего мужа, и Глори велела ему убегать. Улица была узкой и длинной. Мерло бежал по ней, понимая, что Клод все равно заметит его. «Идиотская ситуация, – думал он, продолжая бежать, вернее, скакать огромными шагами, словно гравитация встала на его сторону. – Клод все равно заметит меня. Клод, который носит с собой «Магнум».

Мерло услышал выстрел и проснулся, вскочив с дивана. Выстрел оказался стуком в дверь.

Времени посмотреть на часы уже не было, но за окнами светало.

– Да иду я, иду! – крикнул Мерло, когда стук повторился.

На пороге стояли два полицейских – это было первое удивление. Второе – они сказали, что поймали человека, который разбил Мерло окна и повредил его машину.

– И как вы узнали об этом? Я не делал заявлений.

Два полицейских переглянулись и предпочли молчать.

– Ладно, – вздохнул Мерло, машинально пытаясь отыскать оставленные на диване сигареты. – И кто же это был?

Ему назвали имя молодого оператора, занимавшегося нейронным программированием для местного порносайта.

– Его поймали недалеко от вашего дома, – сказали служители порядка.

– Чушь, – рассмеялся Мерло.

– Он уже во всем признался.

– И каким же был его мотив?

– Он не хотел, чтобы вы писали статью о его сайте. Не хотел, чтобы их закрыли.

85

Мерло не стал выдвигать обвинений. Он не знал, что пообещали оператору, но в его причастность к разбитым окнам и проколотым колесам Мерло не верил. По дороге на работу он курил и пытался предугадать, какие еще сюрпризы его ждут в этот день. Может быть, вместо Бейта его встретит сам редактор и сообщит об увольнении? Или в полиции найдут какой-нибудь неоплаченный штраф и наденут на него наручники? Мерло забавлялся, позволяя фантазии свободно парить над просторами восприятия. Он представлял, как редактор пытается пойти с ним на сделку, представлял его лицо и возможные предложения…

Но предложений не было. Вместо редактора его встретила Джафит и обвинила в измене.

– И ладно бы с кем! – верещала она, влепив Мерло уже третью пощечину, и казалось, что не только редакция, но и все жители города слышат ее голословные обвинения и качают головой. – Тебя уважали на работе! Ты нравился моей матери! – кричала Джафит, недоумевая, как ее любовник смог променять все эти сокровища на связь с проституткой, продающей себя на порносайте.

– У меня никого не было здесь кроме тебя, – сказал лишь однажды Мерло, но клевета уже дала метастазы и спорить было поздно.

В завершение на улицу вышел редактор и сказал Мерло, что будет лучше, если он в ближайшие дни не станет появляться на работе. Затем Джафит расплакалась. Редактор по-отечески заботливо обнял ее, уводя в здание. И все вокруг ненавидели Мерло в этот момент так сильно, что их ненависть, становясь заразной, проникала и в него, заставляя чувствовать вину.

Два старых верстальщика вышли на улицу посмотреть концерт и теперь курили, осудительно качая головой. Мерло не помнил, чтобы они хоть когда-то были такими серьезными – сторонние люди, не имевшие к истокам этого скандала никакого отношения. Просто случайные свидетели. Как и Джафит. Как и большинство людей вокруг. И ничего сделать было нельзя. Оставалось лишь поджать хвост и бежать прочь.

86

Фрита позвонила около девяти и сказала, что хочет встретиться.

– Не думаю, что сейчас нам стоит встречаться, – сказал Мерло.

– Да ладно. Все и так думают, что ты трахал всех из нашего проекта, включая оператора.

– Я думаю не о себе.

– А о ком тогда? Обо мне? – Фрита натянуто рассмеялась. – С каких это пор журналистов стали заботить чужие судьбы?

– Сомневаюсь, что я все еще журналист. Наверное, я перестал им быть, как только приехал в этот город.

– А я все еще порнозвезда. И пока не закроется наш чертов сайт, буду оставаться порнозвездой.

– Продавать свой образ для записи нейронных программ – это не одно и то же, что сниматься в порно.

– Рада, что ты так думаешь. Теперь объясни это остальным жителям города.

– Я не смогу.

– Жаль.

Они замолчали, и Мерло неловко попытался извиниться.

– Я втянул тебя во все это…

– Брось, если меня кто-то и втянул в это, так это были все наши приватные клиенты, которые платили хорошие деньги и делали заказы.

– Один из них уволил меня сегодня утром.

– Я знаю, слышала, что случилось… Сильно тебе досталось?

– Пострадала честь, тело не тронули.

– А твоя девушка?

– Джафит?

– Я не знаю, как ее зовут.

– Звали… В смысле, если рассматривать ее как мою девушку – звали, потому что девушки у меня больше нет.

– Ты был влюблен в нее?

– Она бы сказала, что был.

– Значит, не страшно?

– Я пережил развод, переживу и это.

– В разводе тоже была виновата твоя статья?

– Нет. Девушка. Глори.

– Даже не верится.

– Но Глори писала статью, из-за которой встречалась со мной.

– Вот это уже больше похоже на твою жизнь.

– К черту мою жизнь.

– Вот и я так же подумала о своей… Подумала, что если не изменю что-то сейчас, то уже никогда не изменю.

87

Фрита пришла спустя четверть часа. Чемодан, который она тащила за собой, был тяжелым, и Мерло услышал хруст крохотных колес чемодана раньше, чем увидел Фриту.

– Я поругалась с сестрой, – сказала она тяжело дыша, когда Мерло открыл дверь.

Ее рыжая челка прилипла ко вспотевшему лбу, щеки раскраснелись.

– Могла бы попросить приехать за тобой.

Фрита наградила его усталым взглядом и вошла в дом.

– Сварить тебе кофе?

– Почему бы и нет?

Они сели в гостиной на диван и долго молчали. Мерло положил пачку сигарет на стол рядом с кофейником. Фрита достала одну, закурила.

– Ты помнишь свою первую сигарету? – спросила она.

– Наверное, нет.

– А женщину?

– Женщину помню. У меня их было намного меньше, чем сигарет. Меньше, чем пальцев на руках.

– Странно слышать такое от богемного журналиста.

– Я никогда не был богемным журналистом.

– А как же большой город? Слава?

– Боюсь, это так же верно, как называть ваш маленький сайт порнографией и проституцией.

– Многие именно так и думают.

– Полагаю, этим многим просто плевать. У них есть набор базисов, клише, которые они навешивают на людей, отличающихся от них. Вот и все.

– Никогда бы не подумала, что моя сестра сильно отличается от меня.

– Она замужем?

– Да, но это не различие, просто везение. Она встретила хорошего человека, а я нет.

– Я тоже когда-то встретил хорошего человека. Женился. А потом появилась совершенно чокнутая девушка и все рухнуло.

– Почему ты не попытался вернуть ее?

– Кого? Жену или чокнутую девушку?

– Хотя бы девушку…

Впервые со времени знакомства Мерло заметил на лице Фриты улыбку.

– Что? – растерялась она.

– Да так…

– Удивлен, что я спрашиваю о чокнутой девушке, а не о твоей жене?

– Удивлен, что ты улыбаешься.

– Я не улыбаюсь.

– Улыбаешься.

– Не улыбаюсь! – Фрита наградила его гневным взглядом и потянулась взять еще одну сигарету.

– Та чокнутая девушка скоро приедет сюда, – сказал Мерло, выждав пару минут. – Она независимый журналист, который должен опубликовать статью о вашем сайте.

– Вот как… – Фрита курила, разглядывая Мерло сквозь синий, поднимающийся к потолку сигаретный дым. – Хочешь, чтобы я ушла?

– Почему?

– Ну…

– Мы дважды расставались с Глори и дважды начинали заново. И каждый раз она была для меня как неизученный материк, карты которого еще только предстоит составить. И сейчас… Я не знаю, какая Глори приедет сейчас. Но это будет уже другая девушка. Может быть, все еще чокнутая, но уже совсем другая. И боюсь, я не смогу открыть этот материк для себя в третий раз. Не те корабли, не та команда, не тот капитан. Понимаешь?

88

Мерло не ошибся. Глори приехала утром следующего дня – чужая, незнакомая. Несмотря на ранний час, ее глаза были скрыты черными солнцезащитными очками. Встреться они на улице, и Мерло вряд ли узнал бы ее. Не узнавал он и мужчину, который приехал с ней, – понимал, что уже где-то видел его, но вот где? И еще эти очки! Такие же черные, как у Глори, и совершенно неуместные в этот ранний час.

– Это Бобби Раст, – помогла ему Глори. – Детектив из отдела нравов. Твоя звездная статья была о его любовнице, Хинде Соркин. Ты еще помнишь Хинду?

– Да… Конечно, я помню Хинду.

– Ну еще бы! – губы Глори дрогнули, согнулись в холодной улыбке. – Это же были твои пятнадцать минут славы. – Она наигранно огляделась, словно пыталась одним взглядом изучить весь этот крохотный город. – Правду говорят: дорога в ад вымощена благими намерениями.

– Это не ад, это просто маленький город, – сказал Мерло, чувствуя, что новая Глори на этот раз совершенно не нравится ему.

– Я говорю не о городе, – она снова холодно улыбнулась. – Я говорю о тебе.

Глори сняла очки и заглянула Мерло в глаза. Ему показалось, что она стала на порядок выше, чем раньше.

– Так мы можем войти или ты уже передумал принимать нашу помощь? – спросила Глори.

– Нет, не передумал, просто…

– У тебя сейчас девушка? – догадалась Глори. – Только не говори, что она одна из тех актрис с местного порносайта.

– Это не порносайт…

– Жан, Жан, Жан, – Глори устало зацокала языком. – Когда же ты начнешь думать головой?

– Это не то, что ты подумала. Ей просто нужно было где-то переночевать.

– Конечно, – протянула Глори и повернулась к своему мужчине. – Знаешь, Бобби, наверное, он никогда не перестанет удивлять меня. Он как материк, который ты уже исходил вдоль и поперек, но когда только подплываешь к нему, видишь на горизонте, то думаешь, что наткнулся на что-то новое, неизведанное… Хотя так, наверное, со всеми людьми… – она снова надела очки и повернулась к Мерло. – Могу я войти и посмотреть на твою девушку?

– Она не моя девушка.

– Конечно, конечно… Так я могу войти и посмотреть?

Мерло нехотя отошел в сторону. Может быть, дело было в неимоверно высоких каблуках, но Глори стала почти одного с ним роста. Бобби Раст вошел в дом следом за ней. «Еще один мужчина, которого она изменила до неузнаваемости, – подумал Мерло, вспоминая, как выглядел Раст прежде. – Куда делась кожаная куртка, небрежная щетина, рубашка с пятнами кетчупа на груди?»

– Эй, Бобби! – позвал Мерло. – Эта девушка разобьет тебе сердце. Поверь мне, я знаю, о чем говорю – со мной это было дважды.

89

Можно ли было в действительности разбить сердце Бобби Расту? До встречи с Глори – да, после – маловероятно.

– Расскажи мне все, что знаешь о Давиде Вартане, – попросила Глори раньше, чем назвала свое имя. – Я хочу написать о нем статью, – сказала она устало. – И не спрашивай, зачем мне это нужно или почему ты должен выкладывать мне все, что знаешь о нем. Я и сама не знаю, почему. Уже не знаю… Ничего не знаю…

Потом она рассказала о том, как ее статья убила Парси Лейн, как она из жалости стала жить с Чипером и как подсадила Жана Мерло на а-лис.

– Кстати, пока Мерло был в больнице, я пошла к своему бывшему мужу и переспала с ним за пакетик этих чертовых пилюль, – сказала Глори, глядя Бобби Расту в глаза. – Не то чтобы они были смыслом моей жизни, но… Вряд ли у меня вообще есть в жизни смысл… Так что… Если захочешь арестовать меня, то таблетки лежат в правом кармане платья. Большой срок мне не грозит, но ты сможешь отличиться. Ты ведь этим занимаешься, верно? Пытаешься отличиться всю свою жизнь? – Глори не то смеялась, не то злилась. – Хотя Гедре Маккормак считает тебя своим другом. Ты помнишь Гедре Маккормак? А ее клуб? Он называется «Честолюбивые намерения». Там, кстати, работал Давид Вартан. Ну да это уже неважно. Подопытный солдат пропал, так что…

– Подопытный солдат? – спросил Бобби Раст.

– А ты не знал? – Глори рассмеялась. – Мне рассказал об этом один врач, который курировал те эксперименты. Кстати, хороший человек, в отличие от меня, если не считать, что любит ролевые нейронные программы со сменой пола… Думаю, если я сейчас назову его имя, то испорчу жизнь и ему… – она попыталась снова рассмеяться, но вместо этого из ее глаз потекли слезы, хотя губы и растянулись в улыбке. – Чертовы сны наяву! – проворчала Глори, растирая по щекам тушь. – Все кажется таким нереальным. Ты не знаешь, где здесь можно найти приватный бар и нейронный модулятор, чтобы никто не задавал лишних вопросов?

Бобби Раст осторожно покачал головой.

– Ладно. Найду сама… – она развернулась и пошла прочь, словно и не было сейчас этого разговора.

Заинтригованный, Раст пошел следом. Глори не оборачивалась. Она понимала, что если не удастся привлечь внимание Раста сейчас, то второго шанса не будет. Странным

было лишь то, что играть почти не пришлось – Глори убеждала себя, что играет, притворяется, но все как-то уже было в ней, оставалось лишь открыться и вывалить груз на голову выбранного человека.

Теперь привести его в бар, где есть нейронные модуляторы, предложить а-лис и надеяться, что Гедре Маккормак не соврала и в последние годы Раст действительно пристрастился к красным пилюлям, иначе придется звонить доктору Ситне и просить вытащить ее из очередной неприятности.

90

Что знал Бобби Раст о судьбе Давида Вартана? Вартан определенно был жив. Что-то еще? «А слухи считаются?» – спросил бы Раст. Сейчас Глори была для него еще одним слухом. Но, в отличие от многих других, этот слух обещал не только информацию, но и нейронный трип. Раст не помнил, когда перестал сопротивляться своему пристрастию к а-лису. В отделе нравов всегда был доступ к наркотикам.

Говорят, как только стал употреблять в одиночестве, ты превратился из любителя в наркомана и пришло время либо смириться, либо завязывать. Бобби Раст всегда принимал а-лис в одиночестве и так же в одиночестве выводил препарат из своего организма, когда в отделе намечались проверки. В своих нейронных трипах он никогда не видел себя кем-то определенным, скорее набор образов, которые постоянно меняются. Он становился психологической копией хамелеона, принимая судьбу и образ наиболее соответствующего ситуации персонажа. И неважно, насколько сложную и кошмарную ситуацию рисовал ему собственный мозг, – он всегда находил выход. И это нравилось Расту. Это давало ему чувство свободы и полного контроля.

Возможно, виной всему была его молодость, когда он больше двух лет работал под прикрытием. Его показания помогли отправить за решетку более двадцати торговцев запрещенными препаратами. Тогда у него тоже было все под контролем. Он помнил каждого торговца, знал каждую притворную личность, каждого персонажа, которым должен стать. Он шел по грани, и это ему нравилось. После, попав в отдел и получив собственный рабочий стол, Раст заскучал.

Сначала он пытался компенсировать размеренность новой жизни, выезжая вечерами в город и снимая на ночь пару проституток, но потом появились нейронный модуляторы и а-лис, которые обещали безумные фантазии и невероятные приключения в играх разума.

91

Еще одним приключением в жизни Раста стал Давид Вартан. Это была игра хитрости, разума. И Раст, пытаясь подобраться к ночному клубу «Честолюбивые намерения», понимал, что проигрывает. Кто такой на самом деле Вартан? Кем были его покровители? Какие тайны скрывают дыры его истории? Ища ответы, Раст встретился с одним из бывших подельников Вартана по «Серой мыши». Не с Тибором Маккормаком, нет, тот никогда бы не стал говорить о Вартане, зная, что сейчас тот работает с его младшим братом. Это был один из его партнеров, отправившийся за решетку вместе с ним.

Пара пачек забитых марихуаной сигарет, которые Раст пронес мимо охраны на свой страх и риск, помогли развязать подельнику Вартана и Тибора Маккормака язык.

– Вартан достал нейронные модуляторы, считавшиеся в то время почти фантастикой, и начал поставки а-лиса. Не знаю, кто стоял за ним, но когда начался суд, его не было в зале. Понимаешь?

Раст понимал. Понимал, что добраться до Вартана будет крайне сложно. И еще эта дружба с женой младшего брата Тибора Маккормака – Гедре, хотя, если честно, то и Дугану Маккормаку Раст тоже симпатизировал. Бедный художник просто устал быть бедным. Да и не знал он обо всем, что происходит в клубе. Главным там был Вартан. Вот только когда начнутся аресты, в тюрьму снова отправится Маккормак, на этот раз младший, а Вартан, скорее всего, выйдет из воды сухим. Как и всегда. Он сменит еще один город, и все начнется сначала.

Раст стал видеть это в своих нейронных трипах – Вартан преследовал Раста, и его невозможно было обмануть или победить. Он был самым умным, самым хитрым, самым изворотливым, и за его спиной всегда была сила, всегда были люди, способные прикрыть его, вытянуть из беды. Но и Раст не был новичком. Он изучил Вартана, принял правила его игры – в трипах, в жизни. Но если в трипах Вартана было невозможно убить, то в жизни одной смерти для него было достаточно.

Эта мысль показалась Расту желанным дождем решения в засушливое лето его отчаяния. Оставалось лишь выбрать удобный момент и не допустить ошибок. Хотя ошибки бывают всегда. Раст никогда не работал в отделе убийств, но он спал с Хиндой Соркин, и Хинда всегда говорила, что ошибки есть. Что ж, значит, нужно было постараться сделать их как можно меньше. И место. Можно попробовать устроить все так, чтобы дело досталось Хинде

Соркин. Она ведь всегда делится с ним деталями своих расследований. Не должна, но делится. И еще нужно завязать с алисом. Не навсегда. Просто пока все не уляжется.

Решение было принято. Оставалось определиться, каким способом он избавится от Вартана. Пуля исключалась, так как использовать табельное оружие было рискованно, а достать другое, не привлекая внимания, было крайне проблематично, да и не было у Раста для этого уже времени. Нож казался слишком грязным и кровавым. Не подходила и случайная драка, так как Раст не был уверен, что сможет разделаться с Вартаном в открытом поединке. Что-то в нем было животного, инстинктивного. И еще эта солдатская выправка! Да, последнее Раст приметил еще тогда. Ему придется действовать быстро и решительно. Второго шанса не будет. Понимание этого принесло волнение, а следом за волнением пришел азарт.

Бобби Раст взял накопившиеся отгулы и на неделю уехал за город, чтобы никто не видел снов наяву, вызванных отказом от алиса. Для него это была стандартная практика, которая повторялась как минимум один-два раза в год, но сейчас снов наяву почти не было – так сильно он был увлечен планированием. Четыре дня – и голоса в голове стихли. Видений не было. Раст вернулся в город и потратил оставшиеся отгулы на наблюдение за Вартаном.

92

Идея избавиться от Вартана, устроив ему передозировку а-лисом, появилась случайно. Это была импровизация, спонтанность, к которой подтолкнул Раста сам Вартан.

– Какого черта ты не оставишь меня в покое? – спросил он, подсев в машину Раста. – Что тебе нужно? Деньги? А-лис? – Вартан заглянул Расту в глаза. – Да, я знаю, когда люди сидят на этой дряни. Это написано у вас на лице.

– Не понимаю, о чем ты.

Раст отвернулся, чтобы не смотреть на Вартана, не искушать судьбу, попытавшись разобраться с ним прямо сейчас. Клуб «Честолюбивые намерения» был уже закрыт. В подворотне, куда выходил черный ход клуба, безлюдно. Ночь почти закончилась, а утро еще не началось. Небоскребы скрывали небо, но Раст знал, что там уже появились первые молочные прожилки просыпающегося дня.

– Давай сделаем так, – предложил Вартан. – Я буду снабжать тебя а-лисом, а ты оставишь меня в покое.

– Я не принимаю а-лис.

– Конечно, не принимаешь, – на лице Вартана не дрогнул ни один мускул. – Никто не принимает, ведь это противозаконно. – Он достал пакет с красными пилюлями и положил на приборную панель. – Вот. Это чтобы ты подумал о моем предложении.

Вартан уже вылезал из машины, когда Раст схватил его и втащил обратно, обмотав вокруг шеи ремень безопасности. Вартан беспомощно взмахнул руками, но тут же собрался, просунул пальцы под ремень, пытаясь ослабить петлю. Руки у него были сильные. И еще это внезапное спокойствие Вартана, словно смотреть в глаза смерти для него не впервой!

– Ты мертвец, сыщик! Мертвец! – захрипел Вартан.

Раст чувствовал, что проигрывает, и чувствовал это его противник. Нужно было срочно что-то делать. Раст перехватил ремень в одну руку, потянувшись другой за оружием. «Плевать! Уже поздно думать о последствиях!» Мышцы напряглись, делая ставку, чтобы продержаться еще пару мгновений. Гнев залил глаза. Раст не сразу понял, что держит в руке вместо оружия пакет с пилюлями, которые оставил ему Вартан. Это был инстинкт, не здравый смысл.

– Тебе конец! – взревел Вартан, чувствуя, что силы покидают детектива, и в этот самый момент Раст втолкнул ему в рот пакет с а-лисом.

Полиэтилен порвался о зубы, и пилюли заполнили рот. Пара

из них попали в дыхательное горло, и Вартан зашелся кашлем. Он не сразу понял, что это, а когда понял, то уже не мог с уверенностью сказать, сколько а-лиса проглотил, пока давился кашлем. Раст отпустил его. Мышцы горели огнем.

– Ты труп! – заорал Вартан. – Ты еще не знаешь, но ты уже труп!

Тяжело дыша, Раст смотрел, как его враг уходит в клуб. Дверь черного хода была открыта. Вартан взялся за ручку. В голове что-то щелкнуло, глаза налились кровью. Вартан засунул два пальца в рот, пытаясь вызвать рвоту. Ничего. Лишь новый щелчок в голове. Вода! Ему нужна вода. Выпить как можно больше, а потом снова попытать счастье с рвотой.

Он распахнул дверь. Яркий свет ударил в глаза, ослепил. Или же этот свет лился у него из головы, ослепляя глаза изнутри? Правая нога Вартана споткнулась о левую. Он упал на колени, заставил себя подняться, но тут же снова упал. Ноги не слушались его. Все тело не слушалось. Вартан перевернулся на спину и затих, уставившись в потолок.

93

Сначала не было абсолютно ничего. Ни мира вокруг, ни мыслей внутри. Но потом что-то встрепенулось, вздрогнуло. Вартан открыл глаза и уставился в далекое черное небо с россыпью нереальных крохотных звезд, похожих на горсть серебряных монет, подброшенных кем-то. Эти монеты должны были упасть. Обязаны упасть. Но по велению какой-то неизъяснимой силы преодолели притяжение и зависли в небе. Подобно этим монетам завис и Вартан.

Он чувствовал, что плывет, но не прилагал для этого никаких усилий. Черная гладь океана просто отказывалась проглатывать его. Или же это был не океан… Пустота? Он плыл в пустоте и под ним было абсолютное ничто?

Вартан заставил себя собраться и повернул голову, желая увидеть, что внизу. Странно, но внизу тоже было небо с застывшей пригоршней серебряных монет. И был еще след – странный, призрачный. След руки, которая бросила в небо монеты. Уродливой руки. Квадратная ладонь заканчивалась крохотными пальцами с идеальными, ухоженными ногтями. Тягучие мысли в голове Вартана вздрогнули так сильно, что, казалось, звякнули застывшие в небесах серебряные монеты. Вартан узнал эту руку. Руку карлика, с которым он познакомился еще в армии, когда проходил отбор в добровольцы.

Карлика звали Андре Дега, хотя все говорили, что фамилия была ненастоящей. Он позаимствовал ее у французского классического импрессиониста. Никто не знал, почему выбор карлика пал именно на этого художника. Как не знали, почему он одевается во все эти крохотные пиджаки, жилеты с бабочками и носит очки, которые надевают либо порнозвезды, неловко изображая секретарей, либо гомосексуалисты, пытаясь подчеркнуть ориентацию. Не знали и то, как Андре Дега попал в армию. Исполнительный и трудолюбивый, вычурный до отвращения, он работал в медицинском отделе, бегая по длинным белым коридорам и раздавая указания высоким и мускулистым солдатам.

Позднее, когда Вартан покинул ряды вооруженных сил и начал торговать а-лисом в клубе «Серая мышь», именно Андре Дега пришел к нему за два дня до суда и предложил сделку, согласно которой Вартан молчал о том, откуда у него появился а-лис и нейронные модуляторы, а за это с него снимали все обвинения.

– Ах да, и еще одно, – сказал карлик своим фальшиво-грубым

голосом, – смени город и продолжай торговать а-лисом.

– Продолжать торговать? – Вартан с трудом сдерживался, чтобы не дать этому напыщенному уродцу пинка. – Как я буду торговать? У меня ведь конфисковали все, что было.

– Ты хотел сказать, конфисковали все, что ты украл у нас? – уточнил карлик, услышал, как скрипнули плотно сжатые зубы Вартана, и спешно попятился. – Я привезу тебе еще, – сказал он, забыв придать голосу наигранную басистую глубину. – Привезу столько, сколько будет нужно.

Так Вартан вступил в этот союз, мечтая, что когда-нибудь свернет карлику шею. Но вот настал день, и шею свернули ему. Вернее, не шею, а запихнули в горло десяток пилюль а-лиса. И теперь он плыл, сдавленный с двух сторон ночным небом. А карлик был жив и смеялся где-то далеко над превратностью судьбы. Или же не смеялся, а просто что-то говорил?

– Давай просыпайся. Просыпайся, грязный армянин, черт тебя возьми! – дребезжал он своим неправильным басом прямо в ухо Давиду Вартану. – Просыпайся! Просыпайся!

Вартан открыл глаза, увидев занесенную для пощечины крохотную руку карлика, которая опускалась, устремленная к его щеке. Вартан перехватил карлика за кисть. Андре Дега взвизгнул, подавившись псевдобасистыми проклятиями.

– Не надо, он не стоит того, – сказала Вартану японка средних лет в синем медицинском халате.

Она представилась как Куника Васаки, затем спросила Вартана, помнит ли он, что с ним случилось. Вартан хмуро кивнул, упомянув о стычке с Бобби Растом.

– Очень хорошо, – сказала японка, услышала отпущенную карликом колкость и отослала его прочь, велев Вартану подниматься с больничной койки.

Она отвела его в свой кабинет, показав карту распространения а-лиса.

– Сначала это случится с большими городами, потом затронет города поменьше, – сказала японка.

– Так все это еще один правительственный эксперимент? – скривился Вартан.

– Правительственный? Нет, – на лице женщины появилась едва заметная улыбка. – Если кто-то здесь и ставит эксперимент, то только природа. Мир исцеляет себя, меняется, меняя людей. – Она подвела Вартана к высокому окну, за которым раскинулся мегаполис, и дала черные очки. – Надень их и скажи, что видишь.

– Я вижу свет, – сказал Вартан. – Какие-то всполохи. Они пронзают дома, людей, машины…

– Ты видишь перемены, Давид. Скоро этот свет проникнет в

каждого, кто готов принять его. Мир хочет стать чище, лучше.

– Мир? – Вартан рассмеялся, снял очки и вернул Кунике Васаки. – Думаю, миру плевать на нас, а этот свет… Не знаю как, но уверен, что это создали люди.

– Люди лишь создали технологию, позволившую увидеть это. Ты слышал когда-нибудь о четвертом измерении? Многие ученые называют сейчас это абсолютом добра и зла, который нам позволил увидеть а-лис, изменив мозг, открыв тайное видение.

– А-лис был создан военными, чтобы тренировать солдат.

– Верно, но разве люди, открывшие когда-то давно горючие свойства нефти, думали о космических кораблях и высадке на луну? Думали о двигателях внутреннего сгорания и мегаполисах, улицы которых заполнены автомобилями? – японка выдержала паузу, надеясь, что Вартан обдумывает ее слова. – Сейчас наш мир трещит по швам от пороков и безумия. Наркотики, непотребства, сексуальные извращения… Мы вырождаемся, и если природа не изменит нас, то скоро человечество придет в упадок, уничтожит само себя. Нам нужно лекарство.

– А-лис не лекарство. А-лис – наркотик.

– Иногда нужно утонуть во тьме, чтобы увидеть свет. Ты слышал о людях, у которых а-лис изменил мозг так, что они получили новые способности?

– Я слышал только о необратимых повреждениях мозга.

– Когда-нибудь о сверхспособностях напишут в газетах. Придет время, и напишут. А повреждения мозга… Считай это неизбежным злом. Ты получил смертельную дозу а-лиса, но остался жив. Препарат изменил твой мозг, сохранив тебе жизнь. Мы надеялись, что так будет. С первого дня эксперимента надеялись. Подготавливали тебя, твой организм. И когда-нибудь таких как ты станет много. Это будет идеальный союз природы и науки. Вы построите новый мир, новую жизнь, где будет править свет. Только свет, понимаешь?

– Не очень.

– Сейчас есть лишь крохотный остров, где мы пытаемся создать прототип будущего мира… Ты поймешь все намного лучше, когда сам увидишь это место. Обещаю…

94

Давида Вартана доставили в клинику Куники Васаки – одну из самых дорогих в городе. Раст следовал за машиной неотложки. Судя по суете санитаров, Давид Вартан настырно отказывался умирать. «Живучий, сукин сын», – думал Раст, наблюдая, как Вартана везут на носилках к главному входу в клинику. Это был последний раз, когда он видел своего врага.

К обеду следующего дня раздался звонок из отдела, и ему сообщили, что его главный подозреваемый попал в больницу с передозировкой а-лиса. Раст выждал пару часов и отправился в клинику, чтобы встретиться с врачом, искренне надеясь, что к моменту, когда он приедет, Вартан будет уже мертв. Нет, Раст не боялся, что Вартан очнется, от такого не пробуждаются, но чувство удовлетворенности было неполным, пока этот делец был жив. Смерть – вот что было логическим завершением минувшей ночи.

– Мы промыли ему желудок, но доза была слишком большой, – сказал Расту молодой врач с густыми, сросшимися бровями.

– Так он все-таки умер? – спросил Раст, не скрывая радости.

– Нет, – врач тревожно нахмурился. – Он в коме.

Они прошли по длинному коридору в палату Вартана. На кровати лежал дряхлый старик. Глаза его были открыты, и он слепо смотрел в потолок.

– Это не Вартан, – сказал Бобби Раст.

– Нет? – растерялся врач.

– Вы хотя бы видели Давида Вартана или просто стоите здесь, чтобы встречать посетителей?

– Ну я… – врач нервно облизнул губы. – А вы уверены, что это не…

– Вартану было тридцать лет! Похож этот старик на тридцатилетнего? – Раст выругался и сказал молодому врачу, что хочет поговорить с кем-то более компетентным, но ответов ему так никто и не смог дать.

– Не мог же человек в коме просто встать и уйти, – говорили врачи и заверяли, что скоро Вартана обязательно найдут в одной из палат – пустые обещания. Давид Вартан исчез, испарился, растаял, как первый снег на запруженной машинами автостраде.

95

Тень Давида Вартана довлела над Бобби Растом еще не один год, но потом он смирился, остыл, успокоился. Потом появились проблемы у Хинды Соркин, накрывшие его с головой. Особенно статья Жана Мерло, который сначала притворялся другом Хинды, помогал ей в расследовании, а после, собрав достаточно грязи, вывалил все это в своей газете. Нет, Раст не испытывал ненависти к журналисту. В конце концов, это ведь просто его работа, его хлеб. Он и сам, когда работал под прикрытием, завел пару неплохих друзей в окружении наркодельцов, которых потом пришлось отправить за решетку. Ничего личного.

Раст пытался объяснить это своей любовнице, но Хинда и слушать ничего не хотела. Она обвиняла Мерло в том, что он помешал ее расследованию, особенно когда после выхода его статьи Хинду отстранили, отправив в бессрочный отпуск. Может быть, будь у нее свои дети, она смогла бы принять поражение, но так… Вряд ли незадачливый журналист знал, но несколько раз Бобби Раст действительно спас его. Не предупредил о намерениях Хинды, а действительно остановил ее, когда она уже собиралась забрать жизнь журналиста. Он унизил ее, он помешал ее расследованию.

Долгими вечерами, разговаривая с Растом, Хинда выдвигала версию, что Мерло был причастен к пропавшим детям, которых она пыталась найти. Да, это был сложный год. Сложный и безумный. Если бы не а-лис, то Раст, возможно, съехал бы с катушек, как и его любовница. Но а-лис не мог спасать вечно.

За месяц до начала ежегодных проверок Раст попытался отказаться от наркотика, но не смог. Сны наяву были такими яркими, такими сочными и реальными, что казалось, намного проще дать пару взяток, чем побороть привычку. «Завяжу на следующий год», – сказал тогда себе Бобби Раст, подсознательно понимая, что это ложь. Ситуация вышла из-под контроля. Все посыпалось, затрещало по швам: друзья, связи, карьера, личная жизнь. Даже достать пару пилюль а-лиса стало проблемой. Сны наяву вспыхивали и гасли, чередуясь вымученными нейронными трипами, в которых Раст уже не находил спасения. Прожить еще один день, преодолеть еще один вал, перевалив через гребень волны, зная, что следующая, возможно, отправит тебя на дно.

«Что ж, если и тонуть, то в объятиях красивой девушки», – решил Бобби Раст, встретив Глори Маунсьер, хотя в действительности он заинтересовался ей только потому, что у нее был а-лис. Конечно, она могла врать, но на рубеже новых снов

наяву, новых кошмаров, когда реальность и вымысел смешиваются, чтобы поверить, достаточно пары слов, мимолетного взгляда, призрачного намека…

96

Они заторчали вместе в ближайшем баре, где можно было воспользоваться нейронным модулятором. Совместный трип был долгим и ярким. А-лис превратил их в семейную пару, которая плыла на собственной яхте по спокойному океану к острову Жизни. Раст смутно понимал, что представляет из себя этот остров, но чувства к молодой супруге были простыми и понятными. Никогда прежде, в реальности, он не думал, что может так сильно кого-то любить. И уж тем более не думал, что любовь эта может быть взаимной. А-лис сохранил им воспоминания прошлых жизней, немного отредактировав детали встречи и добавив последующее развитие отношений. Он обманул их касательно яхты, нарисовав воспоминание о том, как этот подарок на свадьбу им сделал доктор Ситна. С ним у Глори были теплые, дружеские отношения. Но доктор был частью прошлого, которое молодые супруги хотели оставить позади, за спиной.

– Думаешь, такое возможно? – снова и снова спрашивала Глори, и Раст лишь качал головой, боясь нарушить очарование момента неверным словом.

Пусть будет только любовь – на палубе, в рубке, в каюте, за боротом, в теплых чистых водах спокойного океана. Любовь, которая казалась такой сильной, что обретала плоть, превращаясь в путеводную звезду, способную указать дорогу к острову Жизни. Это было подобно новому измерению, скрытому прежде от взгляда людей, но сейчас…

Сейчас что-то изменилось. Или просто пришло время. Время перемен, когда плоть и душа способны стать одним целым. И Раст понимал, что он и его жена – они не единственные, кому будет позволено достигнуть острова Жизни. Были те, кто прошел этой дорогой до них, и будут те, кто пройдет после. Остров Жизни станет сердцем нового мира, фундаментом, на котором возведут новые смыслы и новые идеалы. Но случится это не за один день и даже не за один век. Это будет долгий путь, и пройти его придется каждому. Пройти и принять. Свет и любовь. Единство души и тела.

Стоя на корме, держа за руку Глори, Раст видел, как приближается остров Жизни, как приближается это материализовавшееся будущее. «Как же много у этого будущего было неудачных попыток», – подумал Раст, вспоминая все свои предыдущие нейронные трипы.

Течение подхватило яхту и провело в искрящуюся солнечным светом бухту. Причал ждал их. Берег ждал: твердый и

монолитный после палубы корабля. Песчаная дорога, извиваясь, огибая пальмы, уходила вверх за зеленые холмы. «Что ждет нас за перевалом?» – подумал Раст. Волнительное ожидание заполнило сердце. Еще пара шагов. Еще совсем чуть-чуть… Раст замер, увидев неуклюжее здание. Он узнал его – клиника Куники Васаки, где когда-то исчез Давид Вартан. Очарование задрожало, дало трещину.

– А! Ну вот и еще одни! – услышал он басистый голос откуда-то снизу, опустил голову и увидел карлика, который смотрел на них с Глори, щурясь от ярких солнечных лучей.

– Вот только не надо говорить, что я испортил все очарование! – скривился карлик. – Нимфы и купидоны бывают только в сказках. А этот остров не сказка.

Он развернулся и деловито зашагал вниз по склону в направлении больницы, велев Расту и Глори следовать за ним.

97

Нейронный трип длился, казалось, целую жизнь. Да и не было это трипом. Вначале, возможно, и было, но потом… Потом все стало каким-то реальным, без рожденных а-лисом аллюзий и оживших фантазий, в которых порой страшно признаться даже себе. И еще было что-то внутри, какое-то чувство, оставшееся после пробуждения. Словно ты искал что-то очень давно и теперь нашел. Все. Стоишь перед дверью, и остается лишь постучать, чтобы тебе открыли. А может быть, ты уже внутри, только еще не понял этого? Или боишься поверить? Ведь прошлое… твое прошлое… оно стало совершенно другим.

– Ты тоже это чувствуешь? – спросила Глори, глядя Расту в глаза.

Она знала все его мысли и воспоминания, пока они были соединены нейронным модулятором. Значит, и он видел ее жизнь, ее мысли. Значит, он знал, что она хотела использовать его пристрастие к а-лису, чтобы вытянуть его знания касательно Вартана для ее будущей статьи, но… Но какое теперь это имеет значение? Они видели остров Жизни. Они видели клинику Куники Васаки – реальную и монолитную, за стенами которой было так чисто и светло, было так много других людей и… Глори вздрогнула, вспомнив Давида Вартана.

– Ты тоже видела его? – спросил Раст, словно мог читать ее мысли.

– Думаешь, это была реальность?

– Клиника выглядела реальной.

– Это могла быть игра нашего воображения. Я видела твои воспоминания. Вартан пропал в этой клинике.

– Я тоже видел твои воспоминания… Ты хотела принять со мной а-лис, а потом, угрожая, что напишешь об этом, заставить рассказать все, что я знаю о Вартане.

– Журналисты хуже стервятников.

– Да, я тоже так думаю.

Повисла пауза. Глори закурила, Раст заказал кофе.

– Сейчас соберусь с мыслями и пойду в клинику, – сказала Глори, наблюдая, как тлеет сигарета. Она не обращалась к Расту – просто озвучивала ход своих мыслей.

– Я тоже пойду, – так же отстраненно сказал Бобби Раст. – Сейчас допью свой кофе и пойду…

98

Стеклянные двери клиники были высокими и идеально чистыми. Именно такие двери Глори видела в своем недавнем трипе, хотя никогда и не была возле этой клиники в реальности.

– Только карлика не хватает, – сказал Бобби Раст.

– Да уж, – поежилась Глори, взяла детектива за руку и тут же извинилась. – Просто в том трипе мы были вместе и…

– Мне тоже понравилось, что мы вместе.

– Правда? – Глори покраснела и спешно начала подниматься по мраморным ступеням к стеклянным дверям, чтобы прервать этот странный разговор. – Ты помнишь, куда дальше нас вел карлик? – спросила она, смущенная количеством окруживших ее людей в холле клиники. – Я помню, что мы поднимались наверх… – Глори вглядывалась в лица людей вокруг. Казалось, еще мгновение – и все они снимут маски, став знакомыми.

– Думаю, это был третий лифт слева, – Раст указал на эскалатор.

– Да, эскалатор я помню, – согласилась с ним Глори.

Лифт тоже оказался знакомым. И гул моторов. Даже затертая кнопка, до которой в трипе не мог дотянуться карлик и на которую велел нажать Расту.

– Нет, такого не бывает, – сказала Глори.

– Знаю, – согласился Раст.

Двери лифта открылись. В кабине кроме Раста и Глори были еще три человека, но ни один из них не выходил на этом этаже, который Глори и Раст видели в нейронном трипе и никогда в жизни.

– А может быть, все-таки ты уже был здесь? – спросила Глори детектива. – Когда искал Вартана. Просто потом забыл.

– Я был только на нижних этажах.

– Но как же тогда…

Глори вздрогнула, услышав, как звякнули за спиной закрывшиеся двери лифта. Загудели моторы, унося кабину прочь. Длинный коридор был пуст. Теперь все точно было как в трипе, только без карлика, который вел их вперед к двухстворчатым тяжелым дверям в конце коридора. Двери были закрыты.

– Ты помнишь номер, который просил тебя набрать карлик? – спросила Глори, глядя на кодовый замок.

Бобби Раст пожал плечами. Глори смотрела, как он набирает нужную комбинацию, и надеялась, что она окажется неверной.

– Вроде бы так, – неуверенно сказал Раст, закончив набор.

Казалось, что прошла целая вечность, прежде чем

электронный замок щелкнул и двери открылись, пропуская Глори и Раста в приемную. Секретарша с раскосыми глазами подняла голову, отрываясь от работы, и улыбнулась им. Точно та же секретарша, что и в нейронном трипе. Раст и Глори переглянулись. Секретарша вопросительно подняла брови.

– Мы… эээ… – Глори посмотрела на дверь в кабинет Куники Васаки. – Собственно… можно нам… ну…

– Войти? – помогла ей улыбчивая секретарша.

В нейронном трипе эта азиатка и карлик разговаривали так, словно были друзьями. Глори хотела спросить об этом секретаршу, но так и не решилась. Да и не главным это было, не уместным. Сейчас можно было либо идти вперед, либо бежать назад – все остальное второстепенно.

99

Кабинет Куники Васаки был просторным, выдержанным в светлых тонах – именно таким, как его видели в своем трипе Глори и Раст. Сама хозяйка клиники сидела за хрупким столом. Не хватало только Давида Вартана. В трипе Глори и Раст видели его в кресле для посетителей. Сейчас это кресло было свободно.

– Садитесь, – сказала посетителям Куника Васаки, указывая на единственное кресло в просторном кабинете. Сказала точно так же, как сказала в нейронном трипе. На вид ей было около пятидесяти. Прямые черные волосы едва достигают плеч. Строгий костюм. Строгий макияж. Взгляд – и тот какой-то строгий.

– Когда в этой клинике пропал Давид Вартан, я пытался встретиться с вами, – сказал Бобби Раст, повторяя слова, произнесенные в нейронном трипе.

– Давид Вартан? – Куника Васаки задумалась на мгновение. – Да, кажется, этот человек был здесь. – Ее взгляд стал колючим, неприятным. – Он сказал, что вы хотели его убить, верно?

– Я хотел отправить его в тюрьму, – хмуро уточнил Бобби Раст.

– Задушив автомобильным ремнем безопасности?

– Он торговал а-лисом.

– А вы почти превратились в убийцу… – неожиданно Куника Васаки примирительно улыбнулась. – Поймите, я не могу контролировать, кто придет в этот кабинет. Не я выбираю вас. Вы сами выбираете это место. Этот остров… – Куника Васаки снова улыбнулась. – Остров Жизни, верно? Так вы называли его в своем трипе?

– Откуда вы знаете? – спросила Глори.

– О! А откуда вы знали, как прийти сюда? – Куника Васаки достала из ящика пару черных очков. – Вот, возьмите, думаю, в своем трипе вы уже видели их и знаете, что делать? – она выждала пару секунд, давая возможность Расту и Глори переглянуться. – Не стесняйтесь. Не вы одни ждете своей очереди прийти сюда. Лифт работает круглые сутки. Мир разделяется на тех, кто готов принять перемены, и тех, кто нет. Надеюсь, последних будет меньшинство. Потому что перемены уже здесь – внутри этого мира, внутри нас. И либо мы подчиним их, либо они подчинят нас…

Глори смотрела на Кунику Васаки, когда услышала еще один, посторонний голос, который прорывался откуда-то издалека. И голос этот извинялся.

– Простите, но этот нейронный модулятор сломан, – говорил

он. Вернее, не он – она. Говорила, трогая Глори за плечо. – Вы слышите? С вами все в порядке?

– Да, – сказала Глори.

Кабинет Куники Васаки растаял, вернув Глори и Раста в реальность. Они сидели в приватной кабинке дешевого бара.

– Если вам нужен модулятор, то можете перейти в соседнюю кабинку, – говорила официантка.

– Нет, все нормально… – Глори смотрела на Бобби Раста. – Ведь нормально?

– Думаю, да… – протянул Бобби Раст и, чтобы избавиться от официантки, попросил ее принести кофе. – Какой странный был трип, – сказал он Глори.

– Трип? Модулятор не работает.

– Да, но… Так ты ничего не помнишь?

– Я помню достаточно, а ты?

– Я? – Бобби Раст покосился на нейронный модулятор. – Мы не должны ничего помнить, если эта штука действительно сломана… – он замолчал, уставившись на пару черных очков в центре стола. – Это ты принесла их?

– Нет.

– Но если не ты, тогда… – он позвал официантку, требуя объяснений.

– Это был посыльный, – растерянно сказала девушка.

– Посыльный?

– Можете идти, – сказала официантке Глори.

– Но… – Раст собирался задать еще пару вопросов.

– Пусть идет, – настояла Глори.

Раст уступил, проводил официантку взглядом и уставился на пару черных очков.

– Думаю, мы должны надеть их, – сказала Глори.

– Ну уж нет!

– Тебе разве не интересно?

– Я вообще не понимаю, что происходит.

– Поэтому и должно быть интересно, – Глори осторожно протянула руку, взяла очки. – Кажется, размер мой.

– Не надевай. Не надо, – попытался остановить ее Раст.

– Почему? Выглядят как самые обыкновенные…

– А если нет?

– Боишься стать особенным? Как в нашем трипе?

– Не было никакого трипа.

– А как же остров Жизни? – Глори увидела мелькнувшие сомнения на лице Бобби Раста. – Вот видишь… – она улыбнулась и надела очки.

100

– Так вы теперь, значит, такие же чокнутые, как мой друг Колхаус? – спросил Мерло, когда Глори и Бобби Раст увидели Фриту, спящую на диване в гостиной, и сказали, что он должен отказаться от нее.

– Если не веришь мне, надень мои очки и посмотри сам, – сказала Глори.

– Бесполезно, – отмахнулся Мерло. – Я уже надевал очки Колхауса и ничего не увидел.

– Совсем? – нахмурилась Глори.

– Совсем.

Мерло отвел их на кухню и напоил крепким кофе. Они говорили о четвертом измерении, которое открывается для одних и закрыто для других, говорили о нейронных модуляторах и алисе, о газетах большого города и людях из крохотных городов, как Дрю-Бер. О женщинах и мужчинах. О сексе и любви. Об ответственности и безрассудстве. О превратностях судьбы и непредсказуемости жизни… И где-то среди всего этого они немного говорили о статье, которую Мерло написал для Глори. Совсем немного.

– Кажется, мы с тобой наконец-то повзрослели, – подметил Мерло в конце разговора.

Глори не спорила, лишь предупредила, перед тем как уйти, что если он останется с Фритой, то рано или поздно станет как она.

– Все мы рано или поздно становимся как кто-то, – сказал Мерло.

– Тогда это будет наша последняя с тобой встреча, – сказала Глори. – Как друзей – последняя.

– Боюсь, мы никогда не были друзьями. – Мерло посмотрел на Бобби Раста и примирительно улыбнулся. – Ничего личного, ладно?

101

Когда проснулась Фрита, Мерло уже был один. Он сидел за кухонным столом: в левой руке книга, в правой дымится сигарета.

– Удивлена, что, имея собственный нейронный модулятор, ты еще продолжаешь читать книги, – сказала Фрита, наливая себе кофе.

– Это стихи Бодлера, – Мерло для верности показал обложку.

– Хорошие?

– Для кого как.

– И как для тебя?

– Для меня – да.

– А для меня?

– Ты скажи.

– Я их не читала.

– Так возьми и прочитай.

– Думаешь, стоит?

– Пока не прочитаешь, не поймешь.

Мерло затушил истлевшую сигарету и закурил новую.

– Были гости? – спросила Фрита, увидев в раковине грязные кофейные чашки.

– Приезжала Глори с любовником.

– Так ты отдал наконец-то статью?

– Да.

– Но ждал, что она приедет одна?

– Если только совсем немного.

– Разочарован?

– Нет.

– А зря.

– Почему?

– Потому что ты все еще немного влюблен в нее.

– Может быть… но только не в нее, а в ту, которой она была, когда мы познакомились.

– Так ты еще и мечтатель?

– Уже нет.

– Жаль. Мне нравятся мечтатели.

– Где ты была лет десять назад?

– Ходила в школу.

– Да. Верно… – Мерло улыбнулся и снова уткнулся в старую потертую книгу.

Какое-то время Фрита продолжала сидеть с ним за одним столом, потом поднялась, начала собираться.

– Спасибо, что пустил переночевать! – крикнула она перед тем, как уйти.

– Да не за что, – отозвался Мерло. – В этом доме все равно слишком много пустых комнат.

Он слышал, как хлопнула входная дверь, слышал, как стучит тяжелый чемодан, прыгая по деревянным ступеням крыльца. В голову почему-то пришла фраза Экклезиаста о том, что женщина порой горче смерти, она – петля охотника. Ее сердце – тенета, а ее руки – оковы. Кто угождает Богу, тот ее избегает. Грешник же будет ею уловлен… Мерло улыбнулся. Нет, он не верил в Бога. Не верил он и в любовь. Ни во что уже, наверное, не верил. Хотел верить, но не мог… Да. Такой была его жизнь…

июнь – август 2013